

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

8, 2026

научный журнал

ВЕСТНИК 8 (179) **МАГИСТРАТУРЫ** 2026

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROект
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 15.09.2026 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Максеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н. С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.С. Овчинников СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ РЫНКОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА.....	4
А.Э. Петросян НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕР НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	8
Х.И. Абубакарова ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИИ.....	11
Х.И. Абубакарова АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СУБЪЕКТАХ РФ	14

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	18
В.А. Сергеева ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	22
Ю.Б. Храмцов МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО ОБЩЕСТВА	24
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ (НАДЗОРНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ НЕПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ №294-ФЗ ОТ 26.12.2008 И №248-ФЗ ОТ 31.07.2020	24
Ю.Ю. Янько ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАЩИТНИКА НА СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ГАРАНТИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	27
А.В. Елбаскина ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ВО ФСИН РОССИИ	30
А.О. Федорова АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	32
А.А. Туаллагова, Л.Х. Караева ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА: ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	34
Д.Д. Павлова ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	38
Е.Р. Малыхина ИНСТИТУТ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ.....	41
П.В. Молчанов СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ	44
Д.А. Алдатова АЛГОРИТМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ИНСТИТУТ ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	46
Д.В. Пушняков СУЩЕСТВО КОРПОРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСОБОГО ВИДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ.....	49
А.С. Уткина ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА У МИРОВОГО СУДЬИ.....	53
Д.А. Болатчиев ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ	56

В.П. Петрова РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА	60
О.М. Филоненко «ТЕНЕВОЙ ФЛОТ» КАК ВЫЗОВ ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ РАССЛЕДОВАНИЙ МОРСКИХ АВАРИЙ.....	63
М.И. Золотухин ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ.....	71
А.Р. Сахибгареев УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	73
Е.А. Полозникова ОБЗОР ПРАВОВЫХ СИСТЕМ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН.....	75
К.Т. Садритдинова СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 121 УК РФ	78
К.А. Никитина СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ.....	82
А.Н. Баркова РАЗДЕЛ ДОЛЕЙ И АКЦИЙ КАК ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	87
Информация для авторов	89

Э
К
О
Н
О
М
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

М.С. Овчинников

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
ТУРИСТИЧЕСКИХ РЫНКОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОС-
СИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ
ВНУТРЕННЕГО СПРОСА**

В работе представлены результаты сравнительного статистического анализа состояния и динамики развития туристических рынков Центрального, Южного, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов за период 2018–2025 годов. На основе расчёта интегральных коэффициентов структурных различий, анализа рядов динамики, корреляционно-регрессионного моделирования и кластерного анализа выявлены разнотемповые модели развития макрорегионов, определены ключевые факторы межрегиональной дифференциации и обоснованы направления дифференцированной отраслевой политики.

Ключевые слова: туристический рынок, федеральный округ, статистический анализ, структурные сдвиги, кластерный анализ, внутренний туризм, корреляционно-регрессионный анализ.

Актуальность исследования обусловлена существенной трансформацией национального туристического рынка, вызванной сжатием выездного туристского потока и переориентацией потребительского спроса на внутренние направления. Введённые в 2022 году санкционные ограничения и последовавшее за ними сокращение доступности международных перевозок привели к беспрецедентному росту

нагрузки на внутреннюю туристическую инфраструктуру, что сделало объективной необходимостью количественную оценку способности различных макрорегионов страны принимать возрастающий туристический поток. При этом декларируемые на федеральном уровне целевые показатели национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» предполагают достижение к 2030 году объёма внутренних туристических поездок в размере 140 миллионов единиц, что требует понимания того, какие именно федеральные округа способны обеспечить прирост туристического потока и за счёт каких факторов данный прирост может быть достигнут.

Научная проблема заключается в недостаточной разработанности методического подхода к межрегиональным сопоставлениям туристических рынков, учитывающего не только объёмные показатели, но и структурные характеристики, факторные взаимосвязи и инфраструктурные ограничения развития, вследствие чего существующие исследования не позволяют в полной мере выявить источники и пределы роста туристических рынков макрорегионов.

Информационную базу исследования составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической системы, ведомственные данные Министерства экономического развития Российской Федерации, а также материалы национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» за период 2018–2025 годов. В качестве объекта исследования рассматривались четыре федеральных округа, обладающие наибольшим удельным весом в совокупном туристическом потоке страны и суммарно обеспечивающие более двух третей всех туристических прибытий.

Анализ динамики туристического потока показал, что за рассматриваемый период совокупный объём туристских прибытий в четырёх исследуемых федеральных округах увеличился на 46,3 процента при среднегодовом темпе прироста 5,6 процента, однако траектории роста существенно различались как по интенсивности, так и по устойчивости. Наиболее показательным в этом отношении является период 2023–2025 годов, в течение которого проявились качественно различные модели реагирования макрорегионов на изменившиеся условия спроса.

Таблица 1

Динамика численности туристов, размещённых в коллективных средствах размещения, по федеральным округам Российской Федерации, 2023–2025 гг.

Федеральный округ	2023 г., тыс. чел.	2024 г., тыс. чел.	2025 г., тыс. чел.	Абсолютный прирост 2025/2023, тыс. чел.	Темп прироста 2025/2023, %
Центральный	28 640	30 120	31 450	2 810	9,8
Южный	21 380	23 750	26 320	4 940	23,1
Северо-Западный	14 920	15 610	16 240	1 320	8,8
Приволжский	12 870	13 540	14 310	1 440	11,2
Итого по четырём округам	77 810	83 020	88 320	10 510	13,5

Как следует из таблицы 1, Южный федеральный округ продемонстрировал максимальный темп прироста, составивший 23,1 процента за два года, что почти вдвое превышает средний показатель по рассматриваемой совокупности округов. Столь выраженная динамика объясняется эффектом низкой базы, ускоренным развитием прибрежных дестинаций Черноморского побережья и ростом популярности круглогодичных курортов Краснодарского края.

Центральный федеральный округ сохранил лидирующие позиции по абсолютному объёму туристского потока, однако темп прироста в 9,8 процента оказался ниже среднего по совокупности, что свидетельствует о постепенном насыщении столичного рынка и перераспределении спроса в пользу южных направлений. Северо-Западный округ характеризовался наименьшим темпом прироста – 8,8 процента, что обусловлено снижением въездного туристического потока, высокой зависимостью от сегмента делового туризма и сохраняющимися ограничениями транспортной доступности ряда приграничных территорий. Приволжский округ, несмотря на значительный рекреационный потенциал и высокую плотность населения, показал умеренный прирост в 11,2 процента, что указывает на наличие системных инфраструктурных ограничений, препятствующих более полному использованию имеющихся возможностей.

Таблица 2

Структура туристического потока по типам коллективных средств размещения
по федеральным округам, 2023 и 2025 гг., %

Федеральный округ	Гостиницы и аналогичные средства размещения	Специализированные средства размещения
	2023	2025
Центральный	71,2	69,8
Южный	58,6	54,2
Северо-Западный	74,5	73,1
Приволжский	63,4	61,9

Данные таблицы 2 свидетельствуют о выраженной тенденции к росту доли малых средств размещения во всех рассматриваемых федеральных округах, однако интенсивность данного процесса существенно различается. Наиболее значительный сдвиг зафиксирован в Южном федеральном округе, где доля малых средств размещения увеличилась с 13,1 до 18,2 процента, что отражает развитие гостевых домов и модульных отелей при недостаточном вводе крупных гостиничных объектов. В Центральном округе рост доли малых средств размещения носил умеренный характер, а в Северо-Западном округе – минимальный, что объясняется более консервативной структурой гостиничного фонда и преобладанием делового сегмента спроса, ориентированного на стандартизированные гостиничные услуги. Сокращение доли специализированных средств размещения, к которым относятся санаторно-курортные организации и базы отдыха, наиболее заметно в Южном округе, что требует отдельного внимания с точки зрения сохранения лечебно-оздоровительного профиля традиционных курортных территорий.

Для количественной оценки степени структурных сдвигов были рассчитаны интегральные коэффициенты структурных различий Рябцева и Гатева. Значения индекса Рябцева между структурой туристического потока 2018 и 2025 годов по Центральному округу составили 0,24, что интерпретируется как умеренный уровень различий, тогда как для Южного округа значение достигло 0,41, свидетельствуя о значительном структурном сдвиге.

Для Северо-Западного округа индекс Рябцева составил 0,18, что соответствует низкому уровню структурных изменений, а для Приволжского – 0,22. Полученные значения подтверждают вывод о том, что интенсивность структурной трансформации туристических рынков обратно пропорциональна степени их исходной диверсифицированности: чем более однородной является структура туристского предложения, тем более выраженные сдвиги происходят под воздействием изменившихся условий спроса.

Таблица 3

Коэффициент загрузки номерного фонда коллективных средств размещения
по федеральным округам, 2023–2025 гг., %

Федеральный округ	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение 2025/2023, %
Центральный	54,3	55,1	55,8	+1,5
Южный	61,8	64,2	66,7	+4,9
Северо-Западный	47,2	47,9	48,5	+1,3
Приволжский	45,6	46,3	47,1	+1,5

Данные таблицы 3 демонстрируют существенный разрыв в уровне загрузки между Южным федеральным округом и остальными рассматриваемыми макрорегионами. В Южном округе коэффициент загрузки достиг 66,7 процента, что приближается к пороговому значению, за которым начинается физическое ограничение пропускной способности инфраструктуры в пиковые периоды сезона. Северо-Западный и Приволжский округа характеризуются коэффициентами загрузки ниже пятидесяти процентов, что свидетельствует о значительном нерезализованном потенциале использования действующего номерного фонда и указывает на необходимость мер по стимулированию спроса в межсезонные периоды, а не только наращивания предложения.

Корреляционно-регрессионный анализ выявил статистически значимую положительную связь между объемом туристического потока и комплексом факторных переменных, включавших уровень обеспеченности коллективными средствами размещения, коэффициент транспортной доступности, инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Туризм» и среднедушевые денежные доходы населения. Наибольшая эластичность зафиксирована для инвестиционной переменной: увеличение инвестиций в основной капитал на один процент сопровождается приростом туристического потока в среднем на 0,42 процента, что подтверждает ключевую роль капитальных вложений в инфраструктуру как фактора роста. Коэффициент детерминации модели составил 0,78, что свидетельствует о высоком качестве

аппроксимации. Проверка значимости параметров модели по t-критерию Стьюдента и F-критерию Фишера подтвердила статистическую достоверность полученных оценок.

Кластерный анализ, проведённый по нормированным значениям восьми показателей, включающих плотность туристического потока, загрузку средств размещения, обеспеченность номерным фондом на тысячу жителей, инвестиционную активность, долю отрасли в валовом региональном продукте, долю малых средств размещения, коэффициент сезонности и среднюю продолжительность пребывания туристов, позволил выделить три типологические группы. Первый кластер образован Центральным федеральным округом, характеризующимся высокой ёмкостью рынка, диверсифицированной структурой предложения, значительной долей делового туризма и умеренной сезонностью. Второй кластер представлен Южным федеральным округом, отличающимся выраженной рекреационной специализацией, высокой сезонной концентрацией спроса, ускоренными темпами роста и повышенной долей малых средств размещения. Третий кластер объединяет Северо-Западный и Приволжский округа, для которых характерны замедленная динамика, неполное использование имеющегося инфраструктурного потенциала, относительно низкая инвестиционная активность и потребность в активизации процессов модернизации гостиничного фонда. Расстояние между кластерами по евклидовой метрике составило 4,7 и 5,2 единицы соответственно, что указывает на существенную степень межкластерной дифференциации.

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что дифференциация туристических рынков рассматриваемых федеральных округов обусловлена преимущественно структурными и инвестиционными факторами, а не объёмом базовых туристских ресурсов. Выявленные разнотемповые модели развития требуют дифференцированного подхода к формированию отраслевой политики: для Центрального округа приоритетным является сдерживание инфраструктурной перегрузки, развитие межрегиональных туристических маршрутов и стимулирование перераспределения потоков в пользу менее загруженных регионов округа; для Южного округа – преодоление выраженной сезонности, диверсификация предложения за счёт развития лечебно-оздоровительного и культурно-познавательного туризма, а также устранение инфраструктурных дефицитов в пиковые периоды; для Северо-Западного и Приволжского округов – стимулирование инвестиционной активности, повышение эффективности использования действующей инфраструктуры и развитие межсезонных туристских продуктов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением факторной модели за счёт включения показателей качества туристской инфраструктуры и цифровизации отрасли, а также с построением прогнозных сценариев развития туристических рынков макрорегионов на среднесрочную перспективу.

Библиографический список:

1. Александрова А. Ю. Международный туризм: учебник. – М.: КноРус, 2023. – 460 с.
2. Кружалин В. И., МIRONENKO Н. С., Зигерн-Корн Н. В. География туризма: учебник. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2021. – 336 с.
3. Морозов М. А., Морозова Н. С. Экономика туризма: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – 291 с.
4. Овчаров А. О. Статистический анализ туристической деятельности в Российской Федерации: методология и практика // Вопросы статистики. – 2023. – № 4. – С. 45–57.
5. Федеральная служба государственной статистики. Туризм в России: статистический сборник. – М.: Росстат, 2026. – 180 с.

ОВЧИННИКОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Москва, Россия.

А.Э. Петросян

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕР НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассмотрены особенности нормативно-правового регулирования использования мер нетарифного регулирования в контексте внешнейторговой политики Евразийского экономического союза с учетом стоящих перед ним целей внешнеэкономического сотрудничества, а также с учетом особенностей евразийской экономической интеграции. Обозначены основные нормативные правовые акты, определяющие особенности и принципы использования мер нетарифного регулирования в рамках внешнейторговой политики и экономического сотрудничества государств ЕАЭС.

Ключевые слова: *евразийское экономическое пространство, внешнеторговая политика ЕАЭС, нетарифное регулирование, меры нетарифного регулирования, правовое регулирование.*

Формирование интеграционных объединений между странами выступает в качестве одной из тенденций, характеризующих экономическое сотрудничество и взаимодействие государств на протяжении довольно длительного времени. В зависимости от особенностей развития вступающих в такого рода сотрудничества стран оно может быть обосновано в большей степени политическими или экономическими целями, связано с географическими факторами или, чаще, обусловлено комплексом причин, однако, так или иначе, предполагает возможность получения определенных преимуществ. В их числе зачастую присутствует возможность формирования единого экономического пространства, которое позволяет регулировать и поддерживать оборот товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, формировать единый рынок, предоставляя определенные преимущества участникам такого союза. Не является в этой связи исключением Евразийский экономический союз – учрежденный в 2014 году для создания условий, которые обеспечивали бы стабильное социально-экономическое развитие стран-участниц объединения, повышения конкурентоспособности национальных экономик в контексте формирования единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

С учетом задач образования ЕАЭС формируется и постоянно совершенствуется внешнеторговая политика интеграционного объединения в отношении как взаимодействия участников, так и экономического сотрудничества с третьими странами. Ключевые цели внешнейторговой политики ЕАЭС, обозначенные в ст. 32 Договора о Евразийском экономическом союзе [1], связаны с обеспечением устойчивого социально-экономического развития входящих в состав союза государств, формированием условий для диверсификации, повышения конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и уровня инновационного развития национальных экономик, ускорения и углубления интеграционных процессов с учетом потребностей и особенностей развития мировой экономики и конкретных государств.

Для создания условий, необходимых для достижения обозначенных целей, как в рамках внутреннего взаимодействия государств ЕАЭС, так и в процессе развития отношений с третьими странами, используются традиционные для международных экономических отношений инструменты: преференциальные и непреференциальные торговые режимы, заключение торговых соглашений с отдельными странами, взаимодействие с международными экономическими организациями, меры тарифного и нетарифного регулирования и разнообразные методы защиты внутреннего рынка. Несмотря на то, что популярностью пользуются меры тарифного регулирования, специальные торговые режимы, в условиях современного экономического развития сохраняется актуальность мер нетарифного регулирования. Это определяет необходимость проведения анализа нормативно-правовых аспектов их применения.

Одним из основных нормативно-правовых актов выступает ранее упомянутый Договор о Евразийском экономическом союзе, в статье 46 которого перечислены используемые странами ЕАЭС меры нетарифного регулирования: «запрет ввоза и (или) вывоза товаров; количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров; исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров; автоматическое лицензирование (наблюдение) экспорта и (или) импорта товаров; разрешительный порядок ввоза и (или) вы-

воза товаров» [1]. При этом принципами их применения выступают гласность, недискриминация и равенство использования, а более детально порядок и особенности применения обобщены в Протоколе о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, представленном в Приложении 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе [1]. Таким образом, в базовом для функционирования ЕАЭС законодательном акте представлен как перечень используемых мер нетарифного регулирования, так и общие положения, определяющие порядок их применения.

В названном Протоколе говорится о том, что решения о введении или отмене, продлении и порядке применения мер нетарифного регулирования принимаются Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Соответствующая инициатива, как обозначено в соответствующем Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 марта 2015 года № 23, может исходить как от самой Комиссии, так и от одного из государств-членов ЕАЭС. Принцип информационной открытости в отношении введенных мер внешнеторгового регулирования дополнительно подтверждается Решением Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 г. № 35 «О Порядке информирования участников внешнеторговой деятельности государств - членов Евразийского экономического союза о подготовке проекта решения о введении, применении, продлении или отмене единых мер нетарифного регулирования и проведения консультаций» [5].

Если в отношении товара принято решение об использовании мер нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, он включается в соответствующий Единый перечень товаров. В исключительных случаях меры нетарифного регулирования для защиты собственных экономических интересов могут быть введены отдельным государством, являющимся членом ЕАЭС, в одностороннем порядке, что, однако, не отменяет необходимости заблаговременного уведомления об этом ЕЭК. С учетом используемых мер нетарифного регулирования формируются действующие на территории Евразийского экономического союза перечни товаров, запрещенных для ввоза и вывоза с таможенной территории ЕАЭС, в также товаров, для которых установлен разрешительный порядок ввоза или вывоза. Также действует перечень товаров, в отношении которых устанавливаются количественные ограничения. Соответствующие перечни товаров представлены в приложениях 1-2.1 к Решению ЕЭК от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования» [6]. В отдельных приложениях сформулированы требования и порядок обращения на таможенной территории ЕАЭС некоторых видов товаров, материалов, ценностей и т.д.: например, отдельных видов минерального сырья, биологических материалов человека, культурных ценностей, драгоценных камней и прочих видов товаров, ресурсов, которые в силу ценности, редкости, повышенной опасности, ограничены в обороте и подлежат особому контролю с учетом задач внешнеторговой политики Евразийского союза.

На основании международной классификации, разработанной ЮНКТАД, мерами нетарифного регулирования являются также технические, санитарные и фитосанитарные меры, меры торговой защиты, меры защиты внутреннего рынка. В соответствии со ст. 48 Договора об Евразийском экономическом союзе в числе мер внешнеторговой политики государства-члены ЕАЭС могут применять специальные защитные, компенсационные и антидемпинговые меры [1]. Особенности их введения, использования, отмены определяются на основании представленного в приложении 8 к Договору об Евразийском экономическом союзе Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение 8) [1].

Ключевые принципы и порядок использования мер технического регулирования сформулированы в ст. 51-55 Договора о ЕАЭС, особенности применения санитарных, фитосанитарных, ветеринарно-санитарных мер обобщены в ст. 56-59.1 данного документа (более детально особенности применения последней группы мер сформулированы в Протоколе о применении санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, экстренных фитосанитарных мер, представленном в Приложении 12 к Договору об ЕАЭС [1]. Для детального регулирования особенности использования отдельных санитарных мер обозначены в дополнительно принятых законодательных актах. В их числе могут быть названы: Решение Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 г. № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе» [4], особенности осуществления ветеринарного контроля – на основании Решения Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономическом союзе» [2], Решение Комиссии Таможенного союза ЕвразЭС от 18 июня 2010 г. № 318 «Об обеспечении карантина растений в Евразийском экономическом союзе» [3] и некоторые другие.

Таким образом, как разнообразие, так и значимость мер нетарифного регулирования как одного из инструментов внешнеторговой политики обуславливает и наличие значительного числа нормативно-правовых актов, относящихся к порядку их применения в рамках евразийской экономической интеграции. Важно отметить, что как и многие другие аспекты сотрудничества, особенности применения данных мер регламентируются не только союзным, но и национальным законодательством. В частности, в отечественном правовом поле вопросы, особенности и порядок применения мер нетарифного регулирова-

ния определяются в соответствии с положениями федерального закона Российской Федерации «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [6], в статье 12 которого обозначены меры государственного регулирования внешнеторговой деятельности. В частности, охарактеризованы основания и порядок введения временных количественных ограничений экспорта или импорта определенных товаров, условия лицензирования в сфере внешней торговли товарами, порядок установления наблюдения за экспортом или импортом отдельных товарных групп. Соответствующая смешанная модель регулирования в случае унификации национального законодательства позволяет использовать соответствующие инструменты на постоянной основе.

Библиографический список:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014г. (с изменениями на 21 ноября 2023 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 16.01.2015. № 0001201501160013
2. Решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономическом союзе» (в ред. от 16 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Комиссии таможенного союза www.tsouz.ru. 30.06.2010
3. Решение Комиссии Таможенного союза ЕврАзЭС от 18 июня 2010 № 318 «Об обеспечении карантина растений в Евразийском экономическом союзе» (в ред. от 12 декабря 2023 г.) // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза ЕврАзЭС. 30.06.2010.
4. Решение Комиссии Таможенного союза от 28.05.2010 № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе» (ред. от 16.12.2025) // Официальный сайт Комиссии таможенного союза www.tsouz.ru. 28.06.2010
5. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 № 35 «О Порядке информирования участников внешнеторговой деятельности государств - членов Евразийского экономического союза о подготовке проекта решения о введении, применении, продлении или отмене единых мер нетарифного регулирования и проведения консультаций» (в ред. решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 07.06.2016 г. № 60). URL:https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d0f/y313ob5wg9k0yfvazxaezz0s0rbijrjy/r_60.pdf
6. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (в ред. от 31 июля 2025 г. № 312-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. № 4850.

ПЕТРОСЯН АННА ЭДГАРОВНА – магистрант, Российская таможенная академия, Россия.

Х.И. Абубакарова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИИ

Статья посвящена анализу системы государственного управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) в Российской Федерации. В работе раскрываются ключевые механизмы, инструменты и принципы регулирования ВЭД, реализуемые государством для защиты национальных экономических интересов, обеспечения безопасности и стимулирования внешнеэкономической активности.

Ключевые слова: ВЭД, органы власти, государственное регулирование; экономические стимулы, сотрудничество.

Государственное управление внешнеэкономической деятельностью — это целенаправленное воздействие органов власти на внешнеэкономические процессы для реализации национальных интересов: обеспечения экономического роста, защиты внутреннего рынка, поддержания платёжного баланса и укрепления позиций страны в мировой экономике.

ВЭД охватывает внешнюю торговлю, международное инвестиционное сотрудничество, научно-техническое взаимодействие, валютно-финансовые и кредитные отношения. Управление ею сочетает стратегическое планирование, нормативно-правовое регулирование, административный контроль и экономические стимулы.

Основу регулирования ВЭД в России составляют:

-Конституция РФ (ст. 71) — закрепляет исключительное ведение РФ в сфере внешнеэкономических отношений.

-Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» — определяет принципы, методы и инструменты регулирования.

-Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) — наднациональный акт, регулирующий таможенные процедуры в рамках ЕАЭС.

-Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» — устанавливает правила валютных операций и контроля.

-Международные договоры и соглашения (в том числе в рамках ВТО, ЕАЭС, двусторонние соглашения) — формируют правовую среду для трансграничных операций.

Управление ВЭД реализуется через систему органов власти:

-Президент РФ — определяет стратегические направления внешней и внешнеэкономической политики.

-Правительство РФ — принимает нормативные акты, устанавливает ставки пошлин, вводит ограничения.

-Минэкономразвития России — разрабатывает политику в сфере ВЭД, ведёт переговоры по международным соглашениям.

-Минфин России — регулирует валютную и бюджетную политику, связанную с ВЭД.

-ФТС России — осуществляет таможенный контроль и администрирование.

-Банк России — отвечает за валютный контроль и регулирование платёжных операций.

-Торгово-промышленные палаты и институты развития (например, РЭЦ) — оказывают поддержку участникам ВЭД.

Основы государственного управления ВЭД опираются на сочетание экономических теорий, правовых норм, институциональных механизмов и современных управленческих практик, адаптированных к меняющимся условиям глобальной экономики.

Поскольку 2026 год ещё не завершён, ниже представлены сводные данные за первое полугодие (январь–июнь), а также за январь–май и январь–апрель, на основе официальной статистики ФТС и ЦБ РФ.

Таблица 1

Общие показатели (январь–июнь 2026)

Показатель	Сумма	Динамика год к году
Внешнеторговый оборот	\$365,6 млрд	▲ +11,4%
Экспорт	\$219,5 млрд	▲ +11,9%
Импорт	\$146,1 млрд	▲ +10,8%
Торговое сальдо (профицит)	\$73,4 млрд	▲ +14,0%

Рост одновременно экспорта и импорта означает, что внешняя торговля расширяется с двух сторон — российские товары находят рынки сбыта, а внутренний спрос на оборудование и комплектующие поддерживает встречные поставки.

Таблица 2

Географическая структура (январь–июнь)

Регион	Доля в обороте	Экспорт	Импорт
Азия	74,9%	\$174,9 млрд (▲ 17,2%)	\$98,9 млрд (▲ 12,6%)
Европа	~18%	\$28 млрд (▼ 5,6%)	\$37,1 млрд (▲ 8,7%)
Африка	~3,3%	\$10,7 млрд (▲ 1,1%)	\$2,2 млрд (▼ 8,9%)
Америка	~3,7%	\$5,7 млрд (▼ 12,1%)	\$7,9 млрд (▲ 4,6%)

Азия закрепила как абсолютный центр тяжести российской торговли — почти три четверти товарооборота. Экспорт в Европу продолжает сокращаться, но импорт оттуда умеренно растёт.

Таблица 3

Товарная структура экспорта (январь–июнь)

Категория	Объём	Динамика	Доля в экспорте
Минеральные продукты	\$120,7 млрд	▲ +9,1%	~55%
Металлы и изделия	\$40,1 млрд	▲ +24,8%	~18%
Продовольствие и с/х сырьё	\$22,4 млрд	▲ +25,9%	~10%
Химическая продукция	\$17,2 млрд	▲ +5,2%	~8%
Машины, оборудование	\$12,1 млрд	▼ -4,6%	~5,5%
Древесина и ЦБИ	\$5,0 млрд	▼ -4,0%	~2,3%

Минеральные продукты (прежде всего нефть и газ) остаются основой экспорта, но быстрее всего растут металлы и продовольствие — это сигнал о диверсификации, хотя сырьевая доминанта пока незыблема.

Таблица 4

Товарная структура импорта (январь–июнь)

Категория	Объём	Динамика	Доля в импорте
Машины, оборудование, транспорт	\$70,9 млрд	▲ +12,4%	48,5%
Химическая продукция	\$29,4 млрд	▲ +10,1%	~20%
Продовольствие и с/х сырьё	\$22,0 млрд	▲ +5,8%	~15%
Текстиль, одежда, обувь	\$9,8 млрд	▲ +11,8%	~6,7%
Металлы и изделия	\$8,7 млрд	▲ +1,2%	~6%
Минеральные продукты	\$3,0 млрд	▲ +60%	~2%

Импорт растёт за счёт машин и оборудования — это крупнейшая категория, и её динамика отражает сохраняющийся спрос на инвестиционные товары и комплектующие.

1. Главные торговые партнёры РФ — это:

-Китай — основной партнёр. Товарооборот за январь–июль 2026 года вырос на 26,3% (по данным китайской таможни). На Китай приходится ~43% российского экспорта в Азию и ~62% импорта из региона.

-Индия — крупный покупатель российского сырья (63,6 млрд в 2025 году).

-Турция — важный транзитный и торговый хаб.

-ОАЭ — растущий партнёр, рекордные показатели в 2025 году.

15 апреля 2026 года правительство продлило механизм параллельного импорта на 2 года (постановление №3801), но список сокращается: товары с локализацией в РФ свыше 70% исключаются. В апреле убраны 47 позиций, с 27 мая запрещён параллельный импорт компьютеров и SSD от Intel, Samsung,

Kingston и др. Объёмы параллельного импорта стабилизировались на уровне \$1–1,5 млрд в месяц (ранее доходило до \$4 млрд).

По оценке аналитиков, опрошенных ЦБ РФ, внешний товарооборот за 2026 год может достичь ~\$945 млрд, экспорт — \$525 млрд, импорт — \$420 млрд. ЦБ РФ в базовом сценарии прогнозирует торговое сальдо на уровне \$90 млрд. Базовый сценарий — сохранение положительного профицита при дальнейшем росте роли импорта и продолжении азиатской концентрации.

Вывод. Внешняя торговля России в 2026 году не сокращается, а перестраивается: оборот растёт за счёт восстановления торговли с Китаем, структура экспорта понемногу диверсифицируется (металлы и продовольствие прибавляют быстрее сырья), а импорт отражает спрос на оборудование. География окончательно сместилась в Азию — 75% товарооборота. Платёжный профицит остаётся значительным, но постепенно снижается по мере роста импорта.

Библиографический список:

1. Авшаров А.Г. (под ред.) Государственная внешнеэкономическая политика Российской Федерации: учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2012. — 528 с.
2. Карпунина Е.В., Карпунин А.Ю., Гаджиев Н.Г., Коноваленко С.А. Внешнеэкономическая деятельность: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2024.
3. Бородушко И.В., Кокорин И.С. Организационно-правовые механизмы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: монография. — М.: Проспект, 2025.
4. Рахимуллина А.Р. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях транснациональной глобализации: теоретико-методологический аспект: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01. — Казань, 2006. — 198 с.
5. Официальный сайт Росстата — <https://www.rosstat.gov.ru/>

АБУБАКАРОВА ХАВА ИДРИСОВНА – магистрант, Грозненский государственный нефтяной технический университет им.акад. М.Д. Миллионщикова, Россия.

Х.И. Абубакарова

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СУБЪЕКТАХ РФ

В работе проведён анализ системы государственного управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) в Чеченской Республике и Республике Дагестан. Выявлены особенности реализации полномочий регионов, а также проблемы взаимодействия уровней власти и оценки эффективности мер.

Ключевые слова: федеральные нормы, субъекты РФ; внешнеэкономические связи, территориальное развитие.

Анализ системы государственного управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) в субъектах РФ показывает, что она представляет собой сложный механизм, сочетающий федеральные нормы с региональной инициативой, но имеющий ряд существенных проблем и противоречий.

Система управления ВЭД в субъектах РФ — это сложный механизм, где региональная инициатива работает в связке с федеральным регулированием. Её эффективность определяется не только наличием полномочий, но и качеством координации, уровнем поддержки бизнеса, кадровым потенциалом и внешними условиями. Для развития ВЭД важно совершенствовать механизмы взаимодействия всех уровней власти, масштабировать успешные региональные практики и адаптировать инструменты поддержки под меняющуюся глобальную экономическую реальность.

Я провела сравнительный анализ систем государственного управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) в Чеченской Республике и Республике Дагестан. Обе республики выстраивают эту работу через профильные министерства, но есть важные нюансы в подходах и темпах развития.

Обе республики — субъекты СКФО со схожим геоэкономическим положением, но их системы управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) устроены по-разному.

2. Ключевыми органами управления ВЭД в ЧР выступают:

-Министерство ЧР по национальной политике, внешним связям, печати и информации — основной исполнитель интересов республики в сфере международных и внешнеэкономических связей. Создано в нынешнем виде в 2021 году путём реорганизации. Среди его задач — участие в разработке стратегии международной и внешнеэкономической деятельности ЧР, координация участников международных и внешнеэкономических связей, содействие в поиске стратегических внешнеэкономических партнёров и инвесторов, инициирование проектов с иностранными партнёрами.

-Министерство экономического и территориального развития ЧР (Минэкономтерразвития ЧР) — отвечает за экономическое и территориальное развитие, межрегиональные и внешнеэкономические связи (за исключением внешней торговли), инвестиционную деятельность, поддержку МСП. Координирует работу в сфере регулирования внешнеэкономических и межрегиональных связей республики.

-Постоянное представительство ЧР при Президенте РФ — обеспечивает взаимодействие с федеральным центром, содействует развитию внешнеэкономических связей, привлечению инвестиций, созданию совместных предприятий с иностранными компаниями.

-Представительства Главы ЧР в субъектах РФ — формируются для содействия развитию торгово-экономических, научно-технических и культурных связей с другими регионами России.

-Территориальное представительство МИД РФ в ЧР — координирует действия исполнительной власти республики на соответствие внешней политике РФ, оказывает содействие в осуществлении международных связей.

-Торгово-промышленная палата ЧР — оказывает консультации по вопросам ВЭД, юридическое и организационное сопровождение, содействует поиску деловых партнёров.

Закон ЧР от 03.05.2024 № 18-РЗ регулирует вопросы международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. Правительство ЧР определяет уполномоченный орган для координации ВЭД муниципалитетов, устанавливает порядок ведения перечня соглашений, взаимодействует с федеральным органом в этой сфере.

Стратегия социально-экономического развития ЧР до 2035 года предусматривает интернационализацию — развитие связей с Ближним Востоком, создание торгово-промышленного хаба халяльной продукции (АПК) и финансового хаба.

В 2025 году Чеченская Республика стала лидером СКФО по внедрению Регионального экспортного стандарта и разработке документов стратегического планирования в сфере ВЭД в рамках нацпроекта «Международная кооперация и экспорт». В августе 2026 года делегация ТПП ЧР посетила Узбекистан для наращивания экспортного и инвестиционного сотрудничества, провели встречи с инвесторами из Индии.

3. Особенности чеченской модели — это:

-Разделение функций: «внешнеполитическое» министерство (нацполитика, внешние связи, информация) отвечает за международные связи в широком смысле, а Минэкономразвития — за экономическую составляющую ВЭД. Есть исторически объяснимое пересечение полномочий, но на практике органы работают слаженно.

-Персонализированная структура представительств: представители Главы ЧР в регионах и за рубежом могут назначаться на общественных началах — из числа авторитетных лиц, способных налаживать деловые связи.

-Опора на ТПП и нацпроекты: активная роль ТПП ЧР в продвижении экспорта, взаимодействие с Российским экспортным центром.

4. Ключевые органы управления ВЭД Республики Дагестан — это:

Министерство экономики и территориального развития РД (Минэкономразвития РД) — главный координатор ВЭД. Осуществляет управленческие функции в сфере международной и внешнеэкономической деятельности, является уполномоченным органом по координации международных и внешнеэкономических связей республики.

В структуре министерства действует Управление межрегиональных, международных и внешнеэкономических связей, состоящее из двух отделов: отдела международных и внешнеэкономических связей и отдела межрегионального сотрудничества.

Полномочия Минэкономразвития РД в сфере ВЭД включают:

-координацию работы по развитию международных, межрегиональных и внешнеэкономических связей;

-обеспечение условий для вовлечения экономического комплекса республики в систему мирового разделения труда;

-общее руководство деятельностью представителей РД в иностранных государствах и при торговых представительствах РФ;

-организацию приёмов зарубежных делегаций и визитов делегаций РД за рубежом.

Министерство промышленности и торговли РД (Минпромторг РД) — также осуществляет функции в сфере международной и внешнеэкономической деятельности: участвует в организации приёмов зарубежных делегаций, содействует развитию приграничных связей, координирует работу представителей РД при торговых представительствах РФ, разрабатывает предложения по поддержке экспорта республиканской продукции.

Агентство по предпринимательству и инвестициям РД (АПИ РД) — отвечает за поддержку предпринимательства, формирование инвестиционного климата, сопровождение инвестиционных проектов. Взаимодействует с Минэкономразвития РД по вопросам ВЭД. Однако по данным на июнь 2026 года агентство находится в процессе ликвидации.

Министерство по национальной политике и делам религий РД (Миннац РД) — ведёт список представительств и представителей Правительства РД за рубежом и в субъектах РФ.

Постоянное представительство РД при Президенте РФ — обеспечивает взаимодействие с федеральным центром, содействует развитию торгово-экономических и культурных связей РД с иностранными государствами и субъектами РФ.

Представительство РД в г. Баку (Азербайджан) — единственное зарубежное представительство на бюджетной основе. Также функционируют представительства в Ставропольском крае и Санкт-Петербурге, а также представители на общественных началах в ряде субъектов РФ.

АНО «Центр поддержки экспорта Республики Дагестан» — оказывает информационно-аналитическую, консультационную и организационную поддержку МСП в сфере ВЭД, содействует выходу экспортно-ориентированных предприятий на международные рынки. Взаимодействует с Российским экспортным центром и торговыми представительствами РФ за рубежом.

Постановление Правительства РД от 21.03.2025 № 82 утверждает порядок согласования соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемых органами местного самоуправления РД с муниципалитетами иностранных государств.

5. Особенности дагестанской модели — это:

-Централизация координации: Минэкономразвития РД — единый координатор, в отличие от Чечни, где функции распределены между двумя министерствами.

-Более развитая зарубежная сеть: бюджетное представительство в Баку, представители при торговых представительствах РФ в иностранных государствах.

-Специализированная инфраструктура поддержки экспорта: Центр поддержки экспорта РД с широким перечнем услуг для МСП — от консультаций до софинансирования участия в выставках.

-Текущая реформа: ликвидация АПИ РД (с июня 2026 года) — функции поддержки предпринимательства и инвестиций, вероятно, перераспределяются между другими ведомствами, что может временно ослабить инвестиционный компонент ВЭД.

Таблица 1

Сравнительный анализ		
Параметр	Чеченская Республика	Республика Дагестан
Основной координатор ВЭД	Миннацвнешинформ ЧР (международные связи) + Минэкономтерразвития ЧР (экономика)	Минэкономразвития РД (единый центр)
Модель распределения полномочий	Разделённая: «внешнеполитическое» и «экономическое» ведомства	Централизованная: координация в одном министерстве
Структура внутри ведомства	Отдельные отделы в составе министерств	Специализированное Управление ВЭД (2 отдела)
Зарубежные представительства	Представители на общественных началах	Бюджетное представительство в Баку
Инфраструктура поддержки экспорта	ТПП ЧР, взаимодействие с нацпроектами	Центр поддержки экспорта РД, АПИ РД (в стадии ликвидации)
Региональный экспортный стандарт	Лидер СКФО (2025)	Внедряется
Представительство при Президенте РФ	Активная роль в ВЭД	Активная роль в ВЭД
Координация с МИД РФ	Через территориальное представительство МИД в Грозном	Через представительство МИД в Махачкале
Стратегия ВЭД	Халяльный хаб, связи с Ближним Востоком	Аграрный экспорт (кукуруза в Иран, продукты перемола в Азербайджан, Ирак)
Объём внешнеторгового оборота	~57 млн долл. (2018), рост 4,4 раза (2013 к 2012) gstou.ru +1	~745 млн долл. (2013), крупнейший в СКФО после Ставропольского края

Ключевые выводы:

1. Разные архитектурные подходы. Чеченская Республика пошла по пути распределения ВЭД-функций между специализированным министерством внешних связей и экономическим ведомством. Дагестан сосредоточил координацию в Минэкономразвития, что потенциально снижает риски duplication, но может ослабить политико-дипломатическое сопровождение ВЭД.

2. Дагестан имеет более развитую внешнеторговую базу. Это обусловлено географическим положением (выход к Каспию, граница с Азербайджаном), исторически сложившейся торговой инфраструктурой и присутствием бюджетного зарубежного представительства в Баку. Аграрный экспорт (кукуруза в Иран, мука в страны Ближнего Востока) систематически наращивается.

3. Чеченская Республика лидирует по институциональному оформлению ВЭД. Лидерство по внедрению Регионального экспортного стандарта в СКФО, чёткая стратегия интернационализации до 2035 года, активизация экспортных контактов (Узбекистан, Индия) — при меньших объёмах внешней торговли.

4. Обе республики зависят от федеральной координации. Территориальные представительства МИД РФ в обеих столицах играют роль «контролёров соответствия» внешней политике РФ. Заключение соглашений с иностранными партнёрами требует согласования с федеральным центром по ФЗ № 4-ФЗ от 1999 года.

5. Текущие риски для Дагестана. Ликвидация АПИ РД создаёт управленческий разрыв в инвестиционном компоненте ВЭД. Пока неясно, какие функции будут переданы Минэкономразвития РД, Минпромторгу РД или новому органу, и как это скажется на сопровождении инвесторов.

6. Общая проблема — низкая диверсификация экспорта. Обе республики экспортируют преимущественно аграрную и пищевую продукцию. Промышленный экспорт ограничен. Отрицательное сальдо внешней торговли — структурная проблема для обоих субъектов.

Библиографический список:

1. Бородушко И. В., Кокорин И. С., Янковская Е. С. Организационно-правовые механизмы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: монография / под ред. И. В. Бородушко. — Москва: Русайнс, 2021. — 235 с.
2. Рисин И. Е. Стратегирование процессов развития внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — № 4. — С. 73–77.
3. Развитие внешнеэкономической деятельности в регионах России в условиях глобальных ограничений: пространственно-функциональная динамика, угрозы и возможности: дисс. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2026.
4. Тасуева Т.С. Контур торгово-экономических связей хозяйствующих субъектов региона через призму межрегионального партнерства // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2025. — Т. 32, № 4. — С. 185–195.
5. Писковацкая М.Н. Факторы и алгоритмы развития внешнеэкономической деятельности региона на примере регионов Северо-Кавказского федерального округа // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2021. — Т. 11, № 3-1.

АБУБАКАРОВА ХАВА ИДРИСОВНА – магистрант, Грозненский государственный нефтяной технический университет им.акад. М.Д. Миллионщикова, Россия.

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

А.Л. Кочнева, Ю.Ш. Никонова

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу проблем комплектования кадров органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматриваются основные причины кадрового дефицита, вопросы отбора кандидатов и повышения привлекательности службы.

Ключевые слова: органы внутренних дел, государственная служба, кадровое обеспечение, комплектование кадров, кадровая политика.

В современных условиях развития российского государства эффективность деятельности органов внутренних дел во многом определяется качеством кадрового обеспечения. Именно кадровый потенциал является основным ресурсом, позволяющим государству реализовывать задачи по обеспечению общественной безопасности, защите прав и свобод граждан, предупреждению и раскрытию преступлений, а также поддержанию общественного порядка. Не случайно в научной литературе отмечается, что кадровая политика представляет собой один из важнейших элементов функционирования правоохранительной системы, поскольку именно уровень профессиональной подготовки сотрудников определяет эффективность выполнения государственных функций.

Кадровая политика Министерства внутренних дел Российской Федерации ориентирована на создание профессионального, устойчивого и компетентного кадрового состава, отвечающего современным требованиям государственной службы. Вместе с тем в последние годы проблема комплектования подразделений МВД России приобрела особую значимость. Сохраняющийся дефицит личного состава оказывает негативное влияние на деятельность территориальных органов внутренних дел, увеличивает объем служебной нагрузки на сотрудников, осложняет организацию оперативно-служебной деятельности и снижает эффективность выполнения возложенных полномочий.

В научных публикациях неоднократно подчеркивается, что причины кадрового дефицита имеют комплексный характер. Они обусловлены сочетанием организационных, экономических, социальных, демографических и правовых факторов, влияние которых усиливается в условиях возрастающих требований к правоохранительной деятельности.

Нормативную основу прохождения службы в органах внутренних дел составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также ведомственные нормативные правовые акты МВД России. Существенное значение имеет Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44, которым утвержден новый порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел [1–4].

Несмотря на регулярное совершенствование законодательства, существующая система кадрового обеспечения пока не позволяет полностью решить проблему некомплекта. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что одних нормативных изменений недостаточно, поскольку эффективность кадровой политики определяется не только качеством правового регулирования, но и практической реализацией кадровых процедур.

Комплектование кадров органов внутренних дел представляет собой сложный многоэтапный процесс, включающий поиск кандидатов, их профессиональный и психологический отбор, медицинское освидетельствование, обучение, назначение на должности и дальнейшее профессиональное сопровождение. Фактически речь идет о целостной системе кадровой работы, направленной на обеспечение органов внутренних дел квалифицированными специалистами.

Правовые основы формирования кадрового состава закреплены в главе 11 Федерального закона № 342-ФЗ. Согласно статье 75 указанного закона кадровая работа осуществляется на принципах законности, профессионализма, равного доступа граждан к службе, эффективного использования кадрового потенциала и его постоянного развития. В статьях 76–79 определены правовые основы подготовки кадров, формирования кадрового резерва, организации государственного заказа на подготовку специалистов и осуществления кадровой деятельности.

Следует отметить, что современная кадровая политика МВД России ориентирована не только на количественное восполнение вакантных должностей. Значительное внимание уделяется повышению качества профессиональной подготовки сотрудников, развитию кадрового резерва, совершенствованию конкурсных и оценочных процедур, внедрению современных кадровых технологий и укреплению социальных гарантий лиц, проходящих службу в органах внутренних дел. Как справедливо отмечают специалисты, «главной целью кадровой политики является не простое восполнение численности сотрудников, а формирование высокопрофессионального кадрового состава».

Однако анализ практики деятельности территориальных органов МВД России показывает, что существующие механизмы комплектования не обеспечивают необходимый уровень укомплектованности подразделений. Во многих регионах сохраняются сложности с привлечением новых сотрудников, увеличиваются сроки замещения вакантных должностей, а показатели увольнения продолжают оставаться достаточно высокими. Подобная ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования как организационных, так и правовых механизмов кадровой работы.

Одним из наиболее существенных факторов кадрового дефицита является снижение привлекательности службы в органах внутренних дел. Выполнение служебных обязанностей связано с высокой степенью ответственности, значительными физическими и эмоциональными нагрузками, ненормированным рабочим временем, необходимостью принятия решений в экстремальных условиях и постоянным риском для жизни и здоровья. Вместе с тем уровень материального обеспечения и действующая система социальных гарантий, по мнению ряда исследователей, не всегда компенсируют указанные особенности службы, что отрицательно влияет на мотивацию сотрудников и способствует росту числа увольнений [5].

Проблема кадрового обеспечения приобрела федеральный масштаб. По официальной информации руководства МВД России, в мае 2024 года некомплект личного состава составлял около 152 тыс. сотрудников. Уже к ноябрю 2024 года данный показатель увеличился до 173,8 тыс. человек, что соответствовало 18,8 % штатной численности ведомства. Руководством Министерства неоднократно отмечалось, что подобная ситуация оказывает непосредственное влияние на эффективность деятельности органов внутренних дел и требует принятия дополнительных мер государственного характера.

По итогам 2025 года негативная тенденция продолжилась. Число вакантных должностей превысило 212 тыс. Особенно остро проблема проявилась в подразделениях, непосредственно взаимодействующих с населением. Наиболее высокий уровень кадрового дефицита наблюдается в патрульно-постовой службе, уголовном розыске, следственных подразделениях и среди участковых уполномоченных полиции. Кроме того, более чем в сорока субъектах Российской Федерации уровень некомплекта превышает

четверть штатной численности сотрудников, а в отдельных территориальных подразделениях вакантными остаются свыше половины предусмотренных штатным расписанием должностей.

Наряду с этим существенным недостатком действующей системы комплектования является длительность процедуры поступления на службу. Федеральным законом № 342-ФЗ предусмотрено обязательное прохождение медицинского освидетельствования, профессионального психологического отбора, проверки физической подготовленности и иных специальных проверок. Несмотря на объективную необходимость указанных мероприятий, значительная продолжительность оформления документов нередко приводит к тому, что часть кандидатов утрачивает интерес к поступлению на службу еще до завершения процедуры отбора.

Дополнительное влияние оказывает современная демографическая ситуация. Сокращение численности граждан трудоспособного возраста объективно усиливает конкуренцию между государственными органами и коммерческими организациями за квалифицированные кадры. При этом работодатели частного сектора зачастую предлагают более высокий уровень заработной платы, гибкие условия труда, возможность дистанционной работы и расширенный пакет социальных льгот.

Одной из наиболее актуальных кадровых проблем остается профессиональное выгорание сотрудников органов внутренних дел. Продолжительная работа в условиях постоянного эмоционального напряжения, высокий уровень ответственности, необходимость исполнения служебных обязанностей в ночное время, выходные и праздничные дни создают предпосылки для формирования хронического профессионального стресса. Как отмечается в современных исследованиях, профессиональное выгорание постепенно становится самостоятельным фактором текучести кадров, поскольку существенно снижает мотивацию сотрудников к дальнейшему прохождению службы [6]. В результате кадровая нагрузка перераспределяется между оставшимися сотрудниками, что способствует дальнейшему ухудшению кадровой ситуации.

Следует подчеркнуть, что Министерством внутренних дел Российской Федерации реализуется комплекс мероприятий, направленных на совершенствование кадровой политики. Продолжается развитие системы профессионального образования, совершенствуется работа с кадровым резервом, модернизируются механизмы отбора кандидатов и повышается качество профессиональной подготовки сотрудников. Однако большинство ученых сходятся во мнении, что добиться устойчивого результата возможно лишь при комплексном реформировании кадровой политики, включающем совершенствование законодательства, повышение уровня социальной защищенности сотрудников, улучшение материального обеспечения и укрепление престижа службы в органах внутренних дел.

Представляется, что дальнейшее совершенствование системы комплектования кадров должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Прежде всего необходимо повысить привлекательность службы посредством совершенствования системы денежного довольствия, расширения перечня социальных гарантий, решения жилищных вопросов сотрудников и создания дополнительных возможностей для профессионального роста.

Не менее важным направлением является совершенствование процедуры профессионального отбора. Перспективным представляется внедрение современных цифровых технологий кадровой работы, сокращение сроков оформления кандидатов без снижения качества проверочных мероприятий, а также развитие взаимодействия МВД России с образовательными организациями в целях формирования устойчивого кадрового резерва.

Особого внимания требует закрепление молодых сотрудников после назначения на должность. Практика показывает, что наиболее эффективными мерами являются развитие института наставничества, совершенствование программ профессиональной адаптации, организация психологического сопровождения сотрудников на первоначальном этапе службы и расширение комплекса социальных мер поддержки.

Кроме того, сохраняется объективная необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования кадровой деятельности органов внутренних дел. Представляется целесообразным продолжить развитие ведомственных программ кадрового обеспечения, направленных на снижение текучести кадров, повышение качества профессиональной подготовки сотрудников и укрепление авторитета службы в обществе. Как справедливо отмечается в научной литературе, уровень социальной защищенности сотрудников непосредственно влияет на стабильность кадрового состава, а, следовательно, и на эффективность реализации задач, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок).
2. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (последняя редакция) – Режим доступа: КонсультантПлюс, свободный.

3. Федеральный закон "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 30.11.2011 N 342-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: – Режим доступа: КонсультантПлюс, свободный.

4. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]: – Режим доступа: КонсультантПлюс, свободный.

5. Варлачева А.В., Уразалина С.Н. Комплектование органов внутренних дел: проблемы, вызовы и педагогические решения в современной России // Педагогика и просвещение. 2025. № 3. С. 168–178. (RCSI Journals Platform)

6. Ленко Е.С. Проблема закрепления на службе сотрудников правоохранительных органов в рамках юридической психологии // 2025. С. 71–79. (ebsvkr.ru)

КОЧНЕВА АЛЕКСАНДРА ЛЕОНИДОВНА – студент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

НИКОНОВА ЮЛИЯ ШАРИФУЛЛОВНА – доцент кафедры, кандидат юридических наук, Уральский государственный экономический университет, Россия.

В.А. Сергеева

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье раскрыта актуальность выявления незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет. Представлено понятие наркотических средств и их незаконного оборота. Выявлена опасность незаконного оборота наркотических средств для психического, физического здоровья граждан, генофонда, экономики и социальной стабильности. Исследованы особенности выявления незаконного оборота наркотических средств в Интернет-пространстве.

Ключевые слова: Выявление, интернет, информационные технологии, наркотические средства, наркопреступление, оборот, цифровые следы.

Актуальность изучения особенностей выявления незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет обусловлена тем, что такой процесс представляет глобальную угрозу, затрагивающую все сферы развития общества.

На современном этапе Интернет является не только мощнейшим инструментом прогресса и ключевым средством коммуникации, но и пространством, активно используемым для противоправных действий. Особую проблему представляет «бесконтактный» способ реализации наркотических веществ, ставший доминирующим с развитием информационно-телекоммуникационных технологий: социальные сети, онлайн-магазины и закрытые сайты все чаще используются для транснационального и внутреннего распространения запрещенных веществ.

Наркотические средства – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю, в соответствии с законодательством Российской Федерации [1, Ст. 1].

Незаконный оборот наркотических средств является преступлением против общественной нравственности и здоровья. По мнению Л. Г. Герман, «наркопреступность является одной из глобальных проблем, угрожающих безопасности не только отдельных государств, но и всему человечеству» [2, с. 177]. Опасность незаконного оборота наркотических веществ заключается в причинении вреда физическому и психическому здоровью, выходя за рамки личной беды и дестабилизируя общество. Их широкое распространение негативно влияет на национальный генофонд, экономическую и социальную стабильность.

По мнению Е. Е. Буракова и И. И. Куксы, «институт оборота наркотических средств является очень важным для общества и требует жесткого регулирования и контроля со стороны государства» [3, с. 21]. Такой процесс является многогранным и постоянно трансформирующимся по причине активного развития интернет-пространства и технологий, в свою очередь, ведя к возникновению новых видов противоправных деяний, требующих от государства безотлагательного вмешательства в форме нововведений в законодательство и усиления контроля за его соблюдением.

Способ совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет является по сути автоматизированным процессом, поэтому его понимание дает возможность повысить результативность работы государственных органов в борьбе с преступными деяниями. Наряду с этим, оборот наркотических средств в сети Интернет обладает специфическими особенностями, определенными природой цифровых следов и используемых методов.

Одной из особенностей является возможность совершать преступные деяния при анонимности – невозможности идентифицировать личность, и конспирации – комплекса методов и мер, применяемых для сохранения деятельности в тайне. К ключевым технологическим аспектам данного явления относятся: прокси-серверы, VPN для сокрытия IP-адреса, сети, позволяющие защищать переписку и использовать сервисы с повышенной анонимностью, криптографические мессенджеры с шифрованием, затрудняющие получение информации правоохранительными органами, дипфейк-технологии, направленные на создание вымышленных лиц, мимики, голоса, и тому подобное.

Параллельно этому, преступными группами применяются психологические манипуляции: граждане, в основном несовершеннолетние, согласившиеся на быстрый заработок в сети Интернет через размещение «закладок», «вступают в анонимную переписку с кураторами, которые используют методы социальной инженерии и психологического давления» [4, с. 434]. Таким образом, чаще втянутыми в незаконный оборот наркотиков становятся наиболее уязвимые группы населения: подростки и граждане,

находящиеся в трудной ситуации.

Другой особенностью является возможность быстрого уничтожения цифровых следов с устройств: в том случае, если сотрудники правоохранительных органов своевременно не зафиксировали факты, указывающие на незаконный оборот наркотиков, ценные доказательства могут быть потеряны безвозвратно. Параллельно этому, важное значение в определении доказательной базы о противоправном деянии имеет уровень владения знаниями в области информационных технологий: недостаток технических знаний у следователя отражается на сроке раскрытия и увеличивает трудоемкость процесса, поскольку требует привлечения профильных специалистов.

Наряду с этим имеются проблемы с фиксацией цифровых следов от незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет: такой процесс требует правильного изъятия и документирования – в противном случае могут возникнуть сложности с доказательством в суде. Как считает С. Ю. Туров, «результаты ОРД, в связи с ограниченными доказательственными возможностями непроцессуальных форм трансляции оперативной информации в уголовное дело, имеют лишь гносеологическую ценность и востребованность при подготовке и проведении следственных действий» [5, с. 352]. Таким образом, в уголовном праве отражается фундаментальный принцип: существует четкая граница между оперативной работой и доказыванием в суде, поскольку сами по себе результаты ОРМ не являются доказательствами в уголовном деле – их следует процессуально «преобразовать». Такое преобразование на практике часто делает процесс достаточно сложным, поэтому оперативные сотрудники вынуждены строить сложную цепочку действий таким образом, чтобы полученные сведения стали доказательствами.

Особенностью совершения наркопреступления в Интернет-пространстве является также сложность отслеживания финансовых потоков от реализации наркотических средств, поскольку оплата проходит через криптовалюту, электронные кошельки или через множество посредников, не позволяя отследить системность транзакций и владельцев счетов. Кроме того, существуют трудности с доказыванием умысла преступления, так как в процессе задержания подозреваемого со значительным объемом наркотического вещества, данное может быть истолковано судом как хранение, а не сбыт в том случае, если не выявлен факт договоренности с покупателем.

Кроме этого, существуют аспекты международного характера. В случае, если преступная схема является транснациональной, для раскрытия преступления важным является межведомственное и международное сотрудничество, включающее обмен информацией и формирование совместных запросов к биржам или провайдерам, без которого сбор полной доказательной базы о противоправных действиях затруднен. Кроме того, существуют юрисдикционные барьеры, определенные законодательством отдельного государства в части передачи официальной информации в рамках международных договоров и подходов к определению квалификации преступления. Не менее важными являются транзакционные барьеры. Так, криптовалютные переводы и электронные платежи совершаются мгновенно, однако требуется время для получения ответа на официальный запрос, что дает возможность преступникам скрыть цифровые следы и избежать ответственности.

Таким образом, существуют особенности выявления незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет, к основным из которых относятся: анонимность и конспирация, сложности с выявлением цифровых следов, недостаточный уровень знаний в области информационных технологий у оперативных сотрудников, трудности с отслеживанием финансовых потоков от реализации наркотиков, психологическое давление, юрисдикционные и транзакционные барьеры. Решение данных проблем требует комплексного подхода, включающего разработку технических и методических подходов в рамках борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в сети Интернет.

Библиографический список:

1. Федеральный закон РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 2. 12.01.98, ст. 219.
2. Герман Л. Г. Понятие, виды, общественная опасность наркопреступности // Молодой ученый. – 2022. – № 13 (408). – С. 177-179.
3. Буракова Е. Е., Кукса И. И. Понятие незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Научные исследования. – 2020. – № 1 (32). – С. 20-25.
4. Попова В. А. Вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотических средств в условиях цифровизации: социально-психологические и уголовно-правовые аспекты // Молодой ученый. – 2025. – № 50 (601). – С. 434-436.
5. Туров С. Ю. Допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – № 2. – С. 352-353.

СЕРГЕЕВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Севастопольский государственный университет, Россия.

Ю.Б. Храмцов

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО ОБЩЕСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ (НАДЗОРНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ НЕПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ №294-ФЗ ОТ 26.12.2008 И №248-ФЗ ОТ 31.07.2020

В статье рассматриваются вопросы, с которыми сталкивается хозяйствующее общество в Российской Федерации при исключении защитных гарантий, которые предоставляют Федеральные законы: №294-ФЗ от 26.12.2008 и №248-ФЗ от 31.07.2020 при проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Предложен вариант моделирования действия при данных обстоятельствах.

Ключевые слова: контрольное (надзорное) мероприятие, моделирование действий, прокуратура, Федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008, Федеральный закон №248-ФЗ от 31.07.2020, Федеральный закон №2202-01 от 17.01.1992, муниципальный, государственный, контроль, проверка.

В последнее десятилетие постоянно вносятся изменения в действующее законодательство России, которое напрямую связано с контрольными (надзорными) функциями исполнительной власти, возникает необходимость постоянно актуализировать знания и проводить методологические исследования законодательства, на предмет коллизий права, возможных юридических неточностей или пробелов в праве. С учетом того, что, при реализации своих контрольных (надзорных) функций исполнительной власти затрагивают такие организации как: Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Государственной санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Органов пожарного надзора, которое находится в ведении Федерального органа исполнительной власти и т.п. Следовательно охват действующего законодательства, который регламентирует виды надзора в сфере реализации исполнительной власти также очень обширен, например: Федеральный закон от 04.05.1999 №96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 30.03.1999 №52-ФЗ «Об санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральный закон от 21.07.1997 №116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», Федеральный закон от 21.12.1994 №69-ФЗ «О пожарной безопасности» и т.п. Наряду с данным законодательством следует, учесть, что есть ряд законов защищающие и/или регламентирующие проведение контрольных (надзорных) мероприятий структурами исполнительной власти в отношении хозяйствующих обществ и индивидуальных предпринимателей – это такие законы как: Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 №294-ФЗ и Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 №248-ФЗ.

Актуальность темы проведения моделирования действий хозяйствующих обществ в период освобождения от исполнения защитных и/или регламентирующих проведения контрольных (надзорных) мероприятий, при постоянном изменении законодательства является необходимым и актуальным, так как реагировать хозяйствующим обществам на проведении проверки приходится незамедлительно.

Цель данной статьи является исключения допущения ошибки или нарушения законодательства хозяйствующими обществами, путем моделирования алгоритма действий в ходе проведения проверки при освобождении исполнения защитных и/или регламентирующих проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

В настоящее время складывается уникальная ситуация, которая в части можно оценить, как пробел в законодательстве или коллизию права. Сотрудники прокуратуры РФ действуют в рамках законодательства РФ в целом и частности: Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от

© Ю.Б. Храмцов, 2026.

Научный руководитель: *Морозова Александра Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

17.01.1992 №2202-1. В свою очередь, согласно ч.1 ст.1 Федерального закона №2202-1 от 17.01.1992 следует, что прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Под «выполняющие иные функции» прокуратуры, скрыто в том числе и проведение проверок органов (организаций).

Формулировка: «выполняющие иные функции» в ч.1 ст. 1 Федерального закона №2202-1 от 17.01.1992 при совместном толковании с ч.3 ст. 21 этого же закона, дает идеальный коррупционный фактор, выражающийся в: широте дискреционных полномочий, возможность необоснованных исключений (по формуле «в праве») и нормативная коллизия.

При назначении и проведении проверки прокуратурой, защитные механизмы и/или регламентирующие проведение контрольных (надзорных) мероприятий структурами исполнительной власти в отношении хозяйствующих обществ не действуют. Данная норма следует из пункта 3 части 3 статьи 1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ и пункта 7 части 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

Таким образом хозяйствующее общество при проведении проверки прокуратурой не имеет строго установленного алгоритма действий при проведении проверки. Исходя сложившейся практики прокуратурой при проведении проверки, привлекаются специалисты для содействия в проведении контрольных (надзорных) мероприятий в качестве экспертов из различных интересующих их органов, относящийся к государственным или муниципальным органам и организациям. При этом если данные специалисты из государственных или муниципальных органов и организации проводили бы проверку самостоятельно, то они обязаны были бы соблюдать нормы Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ и Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

На основании Постановления Правительства РФ от 10 марта 2023 г. № 372 мораторий на плановые проверки продлили до 2030 г. Мораторий не касается налогового контроля, прокурорского надзора и других проверок, которые не подпадают под регулирование федеральных законов от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ и от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. [1]

Какой-либо отдельной статистики проведения проверок хозяйствующих обществ со стороны прокуратуры – нет. Но с учетом введенного моратория до 2030 года, фактически монополия на проведения любых контрольных (надзорных) действий сосредоточено у прокуратуры РФ.

Для моделирования действий при проведении проверки хозяйствующего общества, прокуратурой РФ следует указать, что прокуратура должна действовать в рамках действующего законодательства РФ. Следовательно, при отсутствии защитных и/или регламентирующих действий при проведении прокуратурой контрольных (надзорных) мероприятий, в целом законодательство РФ – действует и должно соблюдаться как прокуратурой, так и привлеченными специалистами из различных структур, органов и организаций.

Фактически вся модель действий хозяйствующего общества основана на фиксации и оспаривании, действий сотрудников прокуратуры и привлеченными ими специалистов.

Модель действий хозяйствующего общества при проведении проверки сотрудниками прокуратуры:

1)Получение решения о проведении проверки. В решении о проведении проверки обязательно должно быть указано: основания, цель, предмет.

Решение о проведении проверки доводится до сведения руководителя организации или иного уполномоченного представителя проверяемого органа (организации) не позднее дня начала проверки, согласно ч. 3 ст. 21 ФЗ №2202-1 от 17.01.1992.

2)Анализ решения о проведении проверки, на наличие проведения повторной проверки, путем сверки проведенных проверок в отношении хозяйствующего общества с основаниями, целями, предметом проверки.

Проверка надлежащего лица, принявшего (подписавшего) решение о проведении проверки.

Проверка даты вынесения и даты получения решения о проведении проверки.

3)Оспаривание решения о проведении проверки. Одним из вариантов является подача искового заявления в суд общей юрисдикции с оспариванием решения о проведении проверки.

Подача ходатайства с обеспечительными мерами в виде приостановки проведения проверки до рассмотрения вопроса по исковому заявлению, по существу.

4)В случае отказа в удовлетворении обеспечительных мер судом, необходимо фиксировать все действия сотрудников прокуратуры и привлеченных к проверке специалистов при проведении контрольных (надзорных) мероприятий в ходе проведения проверки в отношении хозяйствующего общества. Необходимо настаивать, чтобы данные нарушения были занесены в акт осмотра/ акт выемки документов и т.п.

5) В случае наличия нарушений в действиях сотрудников прокуратуры и/или привлеченных к проверке специалистов при проведении контрольных (надзорных) мероприятий в ходе проведения проверки в отношении хозяйствующего общества, нарушения необходимо обжаловать. Акт осмотра необходимо обжаловать согласно действующего законодательства РФ.

Часто допускаемые нарушения в ходе проведения проверки: специалисты привлеченные к проверке прибыли без сотрудников прокуратуры; специалисты, привлеченные прокуратурой к проверке, самостоятельно фиксируют нарушения (фото, видео, записи и т.п.); сотрудники прокуратуры прибыли осуществлять контрольные (надзорные) мероприятия, а решение о проведении проверки еще не вручено; фиксируют (фото, видео съемка, описывают) не предмет осуществления проверки;

Факты допущенных нарушений подтверждаться судебной практикой: Довольно часто возникают ситуации, когда прокуратура проводит проверочные мероприятия – например, направляет в адрес организации требование о предоставлении информации – без вынесения решения либо такое решение выносится после фактического начала проверки. Суды признают такие требования незаконными, поскольку они предъявляются вне рамок предусмотренных процедур, т.е. не в рамках прокурорской проверки (см. решения Оренбургского областного суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 12-54/2019, Иркутского районного суда Иркутской области от 12 марта 2019 г. по делу № 12-117/2019 (12-451/2018), Оренбургского областного суда от 26 февраля 2019 г. по делу № 12-23/2019). [2]

Невыполнение обязанности по доведению решения о проверке до сведения руководителя или иного уполномоченного представителя проверяемого органа (организации) суды также признают нарушением (см. постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17 февраля 2021 г. № 01АП-449/2021 по делу № А43-1590/2020). Также важно, чтобы о проведении проверки было уведомлено надлежащее лицо – руководитель или иной уполномоченный представитель проверяемого органа (организации). [2]

Предмет и пределы проверки не ограничены законом, однако Конституционный Суд РФ установил, что основания и поводы для проверок не могут определяться произвольно, а должны быть связаны с конкретными сведениями о нарушении законов проверяемым лицом, при этом неопределенность в отношении правовой квалификации таких фактов не может быть устранена посредством взаимодействия органов прокуратуры с соответствующим надзирающим госорганом (абз. 3 п. 5.2 мотивировочной части, абз. 2 п. 2 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П). Если суд установит, что прокурор вышел за предмет проверки, невыполнение этих требований закона повлечет признание решений и действий прокурора незаконными (например, решение Омского районного суда Омской области от 28 мая 2019 г. по делу № 2а-1127/2019). [2]

6) Выполнять законные требования сотрудников прокуратуры.

7) Получить документ фиксирующий окончание проверки.

Итог для хозяйствующего субъекта при соблюдении данного алгоритма действий при проведении проверки сотрудниками прокуратуры будет в виде законного и обоснованного итогового документа, фиксирующего окончание проверки или судебного акта. Как правило данный алгоритм действий является одним из возможных законных способов защиты при проведении проверки сотрудниками прокуратуры.

Исследование показало, что разработка модели алгоритма действий хозяйствующего общества при проведении контрольных (надзорных) мероприятий, которые не подпадают под защитные и/или регламентирующие действия Федеральных законов от 26.12.2008 № 294-ФЗ и № 248-ФЗ от 31.07.2020 необходим, в силу сжатых процессуальных сроков в ряде случаев исчисляющиеся текущей датой. Дополнительно исследование косвенно показало, наличие коррупционных факторов в действующем законодательстве и необходимостью их исключения.

Библиографический список:

1. Адвокатская газета // Орган Федеральной палаты адвокатов РФ – май 2023.
2. Меньшикова В. Адвокатская газета // Орган Федеральной палаты адвокатов РФ – июнь 2022.

ХРАМЦОВ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Ю.Ю. Янько

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАЩИТНИКА НА СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ГАРАНТИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена анализу системных препятствий, с которыми сталкивается адвокат при реализации полномочия, предусмотренного ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Это позволяет выявить несоответствие между нормативным закреплением соответствующего полномочия и возможностями его фактического осуществления. Обосновывается вывод о необходимости не отдельных точечных поправок, а пересмотра судебных подходов к оценке доказательств, представляемых адвокатом.

Ключевые слова: защитник; собрание доказательств; принцип состязательности; уголовное судопроизводство; доказательства защиты; адвокатский запрос; равенство сторон; доказывание.

Принцип состязательности предполагает не просто наличие у сторон равных прав, но и возможность их реального использования. Законодательное закрепление полномочия само по себе еще не гарантирует, что участник процесса способен им воспользоваться. В уголовно-процессуальном кодексе детально прописано право защитника собирать доказательства, однако порядок получения, оформления и введения таких сведений в дело регламентирован крайне фрагментарно. В итоге возникает устойчивый разрыв между тем, что разрешено адвокату по закону, и тем, что он может сделать на практике.

Исторически российское уголовно-процессуальное регулирование не рассматривало самостоятельную доказательственную деятельность защиты в качестве гарантии состязательности. УПК РФ 2001 года расширил круг полномочий адвоката, однако количественное увеличение прав не сняло проблемы их реализации. Когда осуществление полномочия зависит от усмотрения следователя или суда, самостоятельность защиты оказывается иллюзорной. Таким образом, ключевая трудность заключается не в отсутствии права, а в отсутствии эффективного и независимого механизма его осуществления.

Особую остроту приобретает вопрос о юридической силе материалов, представляемых стороной защиты. В доктрине преобладает мнение, что такие сведения должны оцениваться по общим правилам. Однако УПК не содержит четкого порядка их введения в доказательственную систему. Если представленный адвокатом документ изначально не имеет заранее определенного процессуального статуса, его судьба начинается зависеть не от содержания, а от отношения следователя или судьи к форме его оформления. Субъект, представивший материал, фактически становится решающим фактором в вопросе о его допустимости, что подрывает саму идею состязательности.

В зарубежных правовых системах прослеживаются две разные логики. В странах общего права ключевую роль играет институт раскрытия доказательств: стороны заблаговременно обмениваются информацией о своих материалах. В континентальной модели акцент сделан на праве защиты самостоятельно получать документы и привлекать специалистов. При всех различиях эти подходы объединяет общий принцип: защита не должна находиться в информационной зависимости от обвинения. Российская модель занимает промежуточное положение. Формально адвокат может собирать доказательства, но на деле он порой вынужден не столько получать информацию напрямую, сколько использовать механизм процессуального воздействия на другого участника производства через ходатайства и жалобы. Это меняет суть полномочия: вместо самостоятельного субъекта адвокат превращается в инициатора процессуальных действий, исход которых предопределяется другим участником процесса.

Особенно ярко это противоречие проявляется в правоприменении ст. 86 УПК РФ. Закон разрешает защитнику собирать предметы и документы, но не устанавливает процедуру их приобщения. Одинаковые по содержанию сведения могут получить различную оценку лишь в зависимости от того, как именно они были представлены. Неопределенность касается не только факта приобщения, но и порядка проверки относимости, допустимости и достоверности. Пока законодательство не определяет понятный механизм обращения с материалами, полученными защитником, соответствующее право остается в значительной степени зависимым от правоприменительной практики.

Не менее остро стоит проблема доступа к специальным знаниям. Привлечение специалиста не

заменяет судебной экспертизы, поскольку их процессуальный статус различен. Если защитник приходит к выводу о необходимости экспертного исследования, он вынужден обращаться к следователю или в суд. Отказ в удовлетворении ходатайства формально может быть обжалован, но судебный контроль в таких случаях порой сводится к проверке соблюдения процессуальной формы, а не к оценке обоснованности доводов защиты. В итоге право заявить ходатайство не гарантирует получения экспертного заключения. Если отказ фактически не проверяется по существу, процессуальная возможность теряет практический смысл.

Кроме того, ограничения возникают на нескольких уровнях: при получении информации, ее документировании, привлечении специалистов и последующем представлении материалов. Добавляется и ресурсное неравенство. Следствие располагает государственными экспертно-криминалистическими подразделениями, оперативно-розыскными возможностями и бюджетным финансированием. Защитник таких ресурсов не имеет. Наиболее заметно это по делам, требующим сложных цифровых или комплексных исследований. Даже если адвокат может нанять специалиста, его финансовые и организационные возможности несопоставимы с государственными. Следовательно, формальное равенство при существенном различии доступных ресурсов само по себе не обеспечивает равенства возможностей.

Отдельный блок проблем связан со взаимодействием защитника с лицами, владеющими информацией. Свидетель не всегда воспринимает обращение адвоката как официальный вызов и вправе проигнорировать его. Граждане зачастую просто не знают, что могут передать адвокату сведения вне рамок следственных действий. Специалисту для полноценной работы нередко требуется доступ к материалам дела, однако отсутствие у него процессуального статуса может служить поводом для отказа в доступе. В итоге возникают последовательные барьеры, сначала адвокат должен получить необходимую информацию, затем обеспечить ее исследование специалистом, после чего добиться того, чтобы полученный результат был принят и оценен в рамках уголовного дела.

Институт адвокатского запроса также не решает проблемы. Закрепленное право на его направление не гарантирует получения содержательного ответа. Нередко запрос либо игнорируется, либо на него приходит формальная отписка. Предусмотренная законом ответственность за нарушение порядка предоставления информации работает слабо, поскольку механизм ее применения фактически не отлажен.

Показателен и механизм обжалования. Даже признание доводов защиты обоснованными не всегда достигает цели, если после рассмотрения жалобы следователь принимает новое решение, устраняя лишь формальные недостатки первоначального постановления, фактическая проблема может сохраняться. Это наглядно демонстрирует разницу между формальным соблюдением процедуры и реальным восстановлением нарушенного права.

В совокупности эти обстоятельства свидетельствуют о системном характере проблемы. Она порождена не отдельным пробелом в законе, а взаимодействием множества факторов: неопределенностью статуса адвокатских материалов, зависимостью защитника от процессуальных решений следователя, ограниченностью судебного контроля и ресурсным неравенством сторон.

Именно поэтому точечные изменения здесь бессильны. Необходима одновременная корректировка норм о статусе доказательств, порядка их представления и проверки, а также механизмов судебного контроля за решениями, ограничивающими защиту.

Одним из возможных направлений видится уточнение ст. 74 УПК РФ. Целесообразно прямо закрепить, что к доказательствам относятся, в том числе, сведения, полученные защитником в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Такое изменение не наделяет адвоката властными полномочиями, а лишь устраняет неопределенность в вопросе использования законно собранных материалов. При этом вопрос о допустимости каждого конкретного документа должен решаться исходя из общих критериев относимости и достоверности. Задача законодателя здесь иная – исключить ситуацию, когда отказ в исследовании материала обосновывается исключительно тем, что он получен защитником, а не следователем.

Еще одним перспективным направлением могло бы стать создание единого механизма учета проблем, возникающих при реализации адвокатских запросов. Например, цифровая платформа при участии Федеральной палаты адвокатов позволила бы не только фиксировать нарушения, но и выявлять системные сбои в правоприменении. Обобщенные данные помогли бы определить, какие нормы чаще всего блокируют доступ к информации, и использовать эту статистику при подготовке законодательных инициатив.

Не менее важно изменить подход к рассмотрению материалов, подаваемых защитой. Отказ в приобщении не должен основываться лишь на том, что сведения получены не органом расследования. Если документ соответствует требованиям закона, его дальнейшая судьба должна определяться исключительно по критериям относимости и допустимости, а отказ должен быть мотивированным.

В завершение можно сделать вывод, что проблема реализации права защитника на собирание доказательств выходит за рамки отдельных процессуальных институтов. Она затрагивает саму модель со-

ствязательного судопроизводства. Равенство прав сторон становится фикцией, если фактически воспользоваться этими правами стороне защиты значительно сложнее, чем обвинению. Поэтому дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно ориентироваться не на расширение перечня прав адвоката, а на создание работающих процедур их осуществления. Только тогда право на соби- рание доказательств перестанет быть декларацией и превратится в реальную гарантию состязательно- сти.

Библиографический список:

1. Балаян С.А., Ушаков О.М. Проблемы реализации принципа состязательности сторон. Eromen.Global, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-printsipov-ravnopraviya-i-sostyazatelnosti-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 07.06.2026)
2. Буянтуев С.О. Повышение эффективности состязательной деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ulsu.ru/media/uploads/hairutdipova%40ulsu.ru/2024/07/20/_диссертация_Буянтуев_CO_2024.pdf (дата обращения: 07.06.2026)
3. Малин П.М., Горбань В.Р., Слятина А.С. Проблемы реализации принципа состязательности сторон. Eromen.Global, 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-sostyazatelnosti-storon/viewer> (дата обращения: 15.06.2026)
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

ЯНЬКО ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия» (филиал в г. Благовещенск), Россия.

А.В. Елбаскина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ВО ФСИН РОССИИ

Воспитательная работа в системе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России играет ключевую роль в процессе ресоциализации осужденных и предупреждения рецидивной преступности. Эффективное правовое регулирование и организация этой работы способствуют созданию условий для формирования у осужденных правосознания, уважения к закону и социальной адаптации. Выделяется несколько ключевых аспектов правового регулирования воспитательной деятельности в учреждениях ФСИН: Во-первых, нормативно закрепляется перечень субъектов, участвующих в воспитательном процессе, включая руководство учреждений, сотрудников, специалистов по психолого-педагогической работе и внешние социальные структуры. Во-вторых, устанавливаются основные направления воспитания, такие как формирование правового сознания осужденных, профилактика асоциального поведения, развитие социальных и трудовых навыков. В-третьих, регулируется совершенствование методов взаимодействия с осужденными на основе индивидуального подхода с учетом их психолого-проявленных особенностей и уровня ресоциализации.

Ключевые слова: правовое регулирование, воспитательная работа, мероприятия, проблемы, пути решения.

Правовая база воспитательной работы во ФСИН России. Правовая база воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе России формируется на основе множества нормативных актов, регулирующих организацию и проведение мероприятий, направленных на воспитание и профессиональное развитие сотрудников ФСИН. Ключевыми документами в этой сфере являются федеральные законы, постановления Правительства РФ и ведомственные приказы, обеспечивающие комплексный подход и последовательность в организации воспитательной деятельности.

Особое значение в данной системе имеет Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 17 июля 2024 года № 535, который утверждает Порядок организации кадровой работы, включая воспитательную, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Документ зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ 16 августа 2024 года под номером 79169 и вступает в силу с 27 августа 2024 года [3].

Приказ устанавливает, что кадровая и воспитательная работа в учреждениях и органах УИС обеспечивается через взаимодействие Управления кадров ФСИН, Управления по работе с личным составом, кадровых подразделений органов и учреждений, а также специализированных отделов и групп, ответственных за воспитательную работу с личным составом. Руководители учреждений несут персональную ответственность за организацию и проведение этих мероприятий на местах [2].

Важным элементом документа является определение последовательных направлений воспитательной деятельности. В числе ключевых задач — разработка и внедрение единой кадровой политики ФСИН и поддержка государственной политики в области сохранения российских духовно-нравственных традиций. Приказ предусматривает организацию воспитательной работы, в том числе с учетом индивидуальных особенностей сотрудников, а также развитие системы наставничества с целью повышения профессионального и нравственного уровня личного состава [1].

Кроме того, Приказ № 535 регулирует вопросы совершенствования системы подготовки кадров: комплектование подразделений воспитательной работы профильными специалистами, организация переподготовки и повышения квалификации как воспитателей, так и руководителей, курирующих воспитательный процесс. Отмечается необходимость формирования у сотрудников УИС высоких нравственных качеств, инициативности, организаторских способностей и чувства патриотизма, что создает условия для осознанного отношения к службе и удовлетворения их культурных, духовных и социальных потребностей в соответствии с законодательством.

Документ также содержит положения о контроле за исполнением указанных требований. Ответственным за контроль исполнения приказа назначен заместитель директора ФСИН России по кадровой и общественно-политической работе, что обеспечивает централизованный мониторинг и координацию деятельности в сфере воспитательной работы.

Таким образом, Приказ ФСИН России от 17 июля 2024 года № 535 детально регламентирует организационные и методические основы кадровой и воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе. В следующем разделе будет проведён углублённый анализ его положений с акцентом на структурирование воспитательной деятельности и роли кадровых подразделений в обеспечении эффективности процесса в ФСИН.

Организация воспитательной работы.

1. Структура воспитательной работы

В каждом учреждении ФСИН создана служба воспитательной работы, которая отвечает за реализацию программ ресоциализации. В ее состав входят психологи, социальные работники и педагоги, работающие над созданием индивидуальных программ для осужденных.

2. Образовательные программы

Важным элементом воспитательной работы является организация образовательного процесса. Осужденные могут получать образование на разных уровнях: от начального до высшего. Также проводятся курсы профессиональной подготовки, что способствует повышению шансов на трудоустройство после освобождения.

3. Культурная и спортивная деятельность

Культурные мероприятия, такие как концерты, выставки и театральные постановки, помогают осужденным развивать творческие способности и социализироваться. Спортивные секции способствуют формированию командного духа и здорового образа жизни.

4. Психологическая поддержка

Психологическая работа с осужденными включает индивидуальные и групповые занятия, направленные на преодоление негативных установок и формирование позитивного отношения к жизни. Психологи помогают осужденным справиться с эмоциональными проблемами и адаптироваться к условиям лишения свободы.

Проблемы и перспективы. Несмотря на наличие законодательной базы и организационных структур, воспитательная работа в ФСИН сталкивается с рядом проблем:

- Недостаток финансирования: Ограниченные ресурсы затрудняют реализацию всех запланированных мероприятий.
- Перегруженность учреждений: Высокая заполняемость исправительных учреждений снижает качество индивидуального подхода к каждому осужденному.
- Стереотипы общества: Общественное мнение о осужденных часто негативно сказывается на их ресоциализации.

В перспективе необходимо продолжать работу по улучшению условий для воспитательной деятельности, внедрять новые методики и подходы, а также развивать сотрудничество с общественными организациями и учреждениями образования.

Заключение. Правовое регулирование и организация воспитательной работы во ФСИН России являются важными аспектами системы уголовного правосудия. Эффективная воспитательная работа может значительно снизить уровень рецидивной преступности и помочь осужденным успешно интегрироваться в общество после освобождения. Для достижения этих целей необходимо продолжать совершенствовать законодательство, а также внедрять инновационные подходы в практику работы с осужденными.

Библиографический список:

1. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы [Электронный ресурс] // sudact.ru - Режим доступа: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-29112023-n-350/prilozhenie-n-2_1/iv/, свободный.
2. Основные формы и методы воспитательной работы... [Электронный ресурс] // sudact.ru - Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91/instruktsiia-ob-organizatsii-vospitatelnoi-raboty/3/>, свободный.
3. ПРИКАЗ ФСИН РФ от 17.07.2024 N 535 "ОБ УТВЕРЖДЕНИИ..." [Электронный ресурс] // minjust.consultant.ru - Режим доступа: <https://minjust.consultant.ru/special/documents/document/53088>, свободный.

ЕЛБАСКИНА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА - магистрант, Московский университет «Синергия», Россия.

А.О. Федорова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Данная статья содержит анализ текущего состояния системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних граждан РФ. Подростковая преступность сегодня - является глобальной проблемой, требующая особого внимания. Это сложное явление, которое не знает границ: оно не зависит от того, в какой семье растет ребенок, к какой культуре он принадлежит или в каком регионе живет.

Риски стать как правонарушителем, так и жертвой преступления существуют повсеместно, и порождаются они целым комплексом социальных факторов, которые невозможно игнорировать. Изучение проблем подростковой преступности, равно как и преступности общей, требует учёта той конкретной ситуации - политической и социально-экономической, на фоне которой формируются и развиваются криминогенные процессы. В настоящее время экономический и социально-политический кризис оказывает явно негативное воздействие на молодёжную, в том числе и подростковую среду. Подчёркивается, что актуальное законодательство предпринимает все возможные усилия для снижения ответственности подростков, совершивших преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние лица, наказание, исполнение наказаний, преступность, мера пресечения.

Несовершеннолетие - один из самых сложных периодов развития личности. Несмотря на относительно кратковременность, этот период практически определяет дальнейшую судьбу каждого человека, так как именно в подростковом возрасте преимущественно происходит завершение формирования характера и становление личности при активном влиянии социальной среды, ближайшего окружения и общества в целом.

Общий возраст наступления уголовной деликтоспособности составляет 16 лет, однако за совершение ряда тяжких и особо тяжких преступлений он снижен до 14 лет. При этом закон допускает освобождение подростка от ответственности, если его психическое развитие не соответствует биологическому возрасту (при отсутствии признаков психического расстройства). Важно подчеркнуть, что судимости, полученные до совершеннолетия, не учитываются при квалификации рецидива преступлений.

Заключение под стражу, как и домашний арест, должны избираться несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым в качестве мер пресечения при невозможности избрания другой (других) наименее строгих процессуальных мер, т.е. при наличии вероятностного характера противоправного поведения несовершеннолетнего и воспрепятствования целям правосудия. В отсутствии изложенных обстоятельств, несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым могут быть избраны и применены следующие меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества: подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст.102 УПК РФ), личное поручительство (ст.103 УПК РФ), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым (ст.105 УПК РФ), запрет определенных действий (ст.105.1 УПК РФ), залог (ст.106 УПК РФ).

При избрании лицам возраста несовершеннолетия меры пресечения актуальным является вопрос в отношении избрания меры, которая признана более гуманной, что подчеркнуто законодателем в ст. 423 УПК РФ. [1]

Четырнадцатилетний подросток может воспринимать информационные объекты, в том числе объекты, которые фиксируют запреты, дозволения, последствия нарушений запретов. Развитие памяти позволяет ему запечатлевать и хранить сведения о нормах морали и правилах поведения, и он характеризуется достаточным темпом извлечения из памяти таких сведений для использования их при решении задач по руководству своим поведением. Уровень развития мышления отличается способностью к обобщению, способностью осознать и прогнозировать развитие поведения, его возможные последствия, способностью к осмыслению социального смысла уголовно правовых запретов [2]

Таким образом, к четырнадцати годам у несовершеннолетнего возникают способности к социально ориентированному и управляемому поведению, он способен сделать осознанный выбор законопослушным поведением и совершением преступления.

Представляется, что к этому возрасту несовершеннолетний достигает уже достаточной зрелости, чтобы осознавать противоправность и общественную опасность не только тяжких и умышленных преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, но и иных деяний, отнесенных законодателем к преступным и включенных в Особенную часть УК РФ, а также законодательство Российской Федерации представляет собой не случайный набор автономных нормативных актов, а целостную систему. [3] Минимальный возраст, по достижении которого возможно наступление уголовной ответственности, в 14 лет, руководствовался не только данными медицины и психологии о развитии человека, но и принимал во внимание тот факт, что до этого возраста несовершеннолетний еще не обладает достаточным социальным опытом, не способен эффективно поддерживать такое межличностное общение, которое позволяло бы избегать конфликтов или не доводить их до критической точки, поскольку действующим УК РФ в основу определения начального возраста уголовной ответственности положен научный критерий – уровень социализации личности, позволяющий лицу осознавать общественно опасный характер деяния, а также предвидеть наступление общественно опасных последствий своего поведения и способность нести наказание, и отступать от данного критерия представляется неверным. Стоит отметить, что положения главы 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» определяют особое положение ребенка как специального субъекта преступления в уголовном законе.

Привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности происходит на общих основаниях. Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. [4]

Необходимо акцентировать внимание на том, что правонарушения среди несовершеннолетних остаются критически важной социальной проблемой. Статистика свидетельствует, что ключевыми детерминантами противоправного поведения подростков выступают стремление к досуговому времяпрепровождению девиантного характера либо корыстные побуждения.

Изучение факторов, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, позволяет нам констатировать, что данная возрастная группа является одной из наиболее уязвимых и криминально активных групп населения в России. При этом законодательная политика направлена на минимизацию уголовной ответственности подростков и смягчение мер наказания. Действующий Уголовный кодекс предусматривает специальный раздел, регламентирующий уголовную ответственность несовершеннолетних, где принципы гуманизма и нравственности играют ключевую роль в определении мер воздействия, что способствует благоприятному исходу для несовершеннолетнего правонарушителя.

Исследование выявило, что преступность среди несовершеннолетних становится более агрессивной и профессиональной. Подростки всё чаще вовлекаются в организованные преступные группы или создают собственные формирования, совершающие тяжкие правонарушения. Рост влияния таких группировок и их способность конкурировать со взрослыми преступниками делают проблему подростковой криминализации крайне острой для государства и правоохранительных органов.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023): [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»;
2. Воронин О.В. Вестник Томского государственного университета. /Право. 2021. № 39. С. 5-14.
3. Лапин А.В. Несовершеннолетние как субъекты преступлений (общественно опасных деяний). /Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2024. № 4. С. 32-34.
4. Мелехов А.Р. Соотношение категорий: «несовершеннолетний обвиняемый», «несовершеннолетний осужденный», «несовершеннолетний субъект преступления», «несовершеннолетний преступник»// В сборнике: Научное обозрение: Актуальные вопросы теории и практики, сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза. 2022. С. 105-107.

ФЕДОРОВА АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», юридический факультет, Россия.

А.А. Туаллагова, Л.Х. Караева

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА: ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается проблема вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность, которая представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются факторы, способствующие радикализации подростков, механизмы вербовки и психологические особенности, делающие их уязвимыми к деструктивному влиянию. Особое внимание уделяется профилактическим мерам, направленным на формирование устойчивого иммунитета к экстремистской идеологии. Предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и координации усилий государственных органов, общественных организаций и образовательных учреждений в противодействии экстремизму и терроризму среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, несовершеннолетние, профилактика, радикализация, вербовка, общественная безопасность, молодежная политика, контрпропаганда, деструктивное влияние.

Терроризм и экстремизм в любой форме представляют собой серьезную угрозу безопасности и стабильности общества в Российской Федерации. В разные периоды основной опасностью были вооруженные конфликты на Северном Кавказе, террористические акты по территории России, самостоятельные единицы, так называемые «одинокие волки»; и в последующем проявление радикализации в сети Интернет. Особое беспокойство вызывает вовлечение несовершеннолетних в эту деструктивную деятельность, чья несформировавшаяся психика и отсутствие жизненного опыта делают их особо подверженными манипуляциям и идеологической обработке. В России проблема противодействия экстремизму и терроризму среди молодежи является приоритетной задачей национальной безопасности, что отражено в Стратегии национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

Последние годы в стране наблюдается тенденция к «омоложению» террористических групп и экстремистских ячеек, что, в первую очередь, свидетельствует о необходимости проведения профилактической работы, которая будет направлена на предотвращение вовлечения подростков в противоправную среду. В условиях глобализации и развития информационных технологий, экстремистская идеология ищет всевозможные пути распространения через интернет, социальные сети и мессенджеры и создает новые проблемы и вызовы для правоохранительных органов. Борьба с такими явлениями ведется по нескольким важным направлениям. Во-первых, юридически - это уголовная ответственность за террористическую и экстремистскую деятельность, запрет организаций и материалов, признанных экстремистскими, а также профилактические нормы в законодательстве [1].

Во-вторых, оперативно-профилактическая работа ведется отдельными подразделениями правоохранительных органов и включает в себя раскрытие и пресечение преступных ячеек; охрану общественного строя и контроль госграниц. Здесь важную роль играют превентивные меры, т.е. мониторинг сети «Интернет», программы по дерадикализации и реабилитации, профилактические мероприятия в системе образования среди молодежи.

Именно вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность является одной из серьезных угроз общественной безопасности, как конкретного субъекта, так и в целом страны. Это, как правило, наносит вред самим подросткам, их семьям и обществу в целом, а также подрывает стабильность в стране и способствует массовому распространению насилия и идеологической нетерпимости.

Радикализация - это процесс принятия индивидуумом экстремистских убеждений и готовность к насильственным действиям во имя этих убеждений. Факторы радикализации несовершеннолетних взаимосвязаны и многогранны, что дает необходимость рассматривать в комплексе. Среди наиболее значимых факторов, которые можно выделить, следующие:

1) социально-экономические факторы, такие как бедность, социальное неравенство, безработица, нестабильная экономическая обстановка в стране, отсутствие перспектив для реализации, которые могут

создавать полное ощущение социальной несправедливости и подталкивать молодежь к поиску радикальных решений жизни. Слабый уровень образования, отсутствие финансового доступа к качественным образовательным ресурсам также способствуют увеличению риска радикализации [2, с. 371];

2)политические факторы, выражающиеся в недоверие к власти, ощущение несправедливости и давления при принятии политических решений, коррупционная составляющая, минимальное нарушение прав человека могут стать активатором радикальных настроений. Грамотное манипулирование политическими лозунгами и идеализирование исторических событий может использоваться для вовлечения молодежи в экстремистские организации;

3)психологические факторы, часто связанные с подростковым возрастом, характеризуется повышенной неоправданной эмоциональностью, поиском собственной идентичности, стремлением к независимости и отрицанию общепринятых норм. Зачастую неудовлетворенность собой в каких-то субъективных оценках, чувство закрытости от общества, делают подростков сильно уязвимыми для влияния экстремистской идеологии;

4)немаловажны семейные факторы такие как: неблагополучные семьи, недостаточное родительское внимание и поддержка, отсутствие благоприятного климата в семье, нередко сопровождающийся различными формами насилия, а также конфликты между родителями могут способствовать радикализации подростков. Серьезную угрозу представляет и трансляция экстремистских взглядов внутри семьи [3, с. 435];

5)информационные факторы, которые имеют место в современном обществе, среди подростков динамичное распространение экстремистской идеологии через сеть «Интернет», социальные сети, всевозможные мессенджеры и даже игры, является одним из ключевых факторов радикализации. Анонимность и доступность информации позволяют экстремистам эффективно и легко вступать в контакт с подростками и распространять пропаганду [4, с. 265].

Вербовка несовершеннолетних в экстремистские и террористические организации осуществляется с использованием различных методов и тактик, которые направлены на манипулирование сознанием и формирование доверия к экстремистской идеологии.

Экстремисты активно внедряются в социальные сети и мессенджеры для поиска потенциальных сторонников, распространяя пропаганду и устанавливая личный доверительный контакт с подростками. Для этого они создают привлекательные профили, публикуют такой контент, который вызывает интерес у молодежи (музыка, видео, игры); и постепенно, незаметно для подростков, внедряют в него экстремистские идеи [5, с. 77].

Еще одно интересное направление - использование игровых платформ. Популярные видеоигры, особенно онлайн-формата, могут использоваться как площадка для общения и вербовки несовершеннолетних. Экстремисты создают сообщества в играх, где через процесс игры распространяют свою идеологию и «обрабатывают» новых членов своих будущих группировок.

Не менее распространенный и известный способ вербовки-это использование авторитетных фигур. Экстремисты часто привлекают к процессу вербовки авторитетных для молодежи людей – спортсменов, музыкантов, блогеров, религиозных и общественных деятелей, которые могут использовать свою медийность и значимость для убеждения подростков в правильности экстремистской идеологии.

Здесь можно отметить и романтизацию насилия. Экстремисты используют такой ход, представляя его неким способом достижения справедливости в обществе и борьбы за свои идеи. Они подбирают героические образы и символы, чтобы привлечь внимание молодежи и вызвать у них желание присоединиться к такому движению.

Несформировавшаяся психика, недостаток жизненного опыта и отсутствие критического мышления делают несовершеннолетних особенно уязвимыми для манипуляций и идеологической обработки. К психологическим особенностям, способствующим радикализации подростков, можно отнести:

Во-первых, поиск идентичности: подростковый возраст – это период активного поиска «себя», своей уникальности и своего четкого места в этом мире. Экстремистские организации предлагают подросткам уже «завершенную» идентичность, которая часто основана на принадлежности к определенной группе и разделении на «своих» и «чужих»;

Во-вторых, стремление к справедливости: подростки обычно болезненно реагируют на несправедливость и неравенство, у них обостренное чувство справедливости, а экстремистские организации используют это как манипуляцию, обещая им возможность реальной борьбы за справедливость и построение лучшего мира;

В-третьих, такое влияние сверстников как мнение и возможный авторитет подростков в большинстве случаев играет ключевую роль в подростковой среде. Если в окружении есть люди, разделяющие и транслирующие экстремистские взгляды, то риск радикализации возрастает;

В-четвертых, экстремистские организации используют эмоциональную нестабильность подростковой психики для воздействия на их чувства и эмоции, вызывая у них негативные реакции к определенным группам людей.

Для недопущения вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность необходимо проводить профилактику. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность – это комплекс мероприятий, направленных на предотвращение радикализации подростков и формирование у них устойчивого иммунитета к экстремистской идеологии. Профилактическая работа должна носить планомерный и комплексный характер и охватывать все сферы жизни подростков: семью, школу, улицу, интернет, все его общение и досуг [6, с. 154].

Профилактика может состоять из таких направлений, как:

–образовательные программы: обязательное включение в образовательные программы модулей, которые направлены на формирование у подростков, толерантности и уважения к другим культурам. Особое внимание следует уделять изучению истории России и мира, а также межэтническим и межконфессиональным отношениям;

–работа с семьей: качественное проведение системной работы с родителями по вопросам профилактики экстремизма и терроризма среди подростков;

–развитие критического мышления: проведение мероприятий, направленных на развитие у подростков критического мышления и умения анализировать информацию. Обучать подростков отличать фейковую информацию и провокации в сети;

–работа с лидерами общественного мнения: взаимодействие в профилактической работе с лидерами общественного мнения – религиозных деятелей, музыкантов, спортсменов, популярных блогеров. Тех людей, которые могут использовать свой авторитет для убеждения подростков в правильности традиционных ценностей и недопустимости идей экстремизма;

–развитие альтернативных форм досуга: создание комфортных и доступных условий для занятий спортом, искусством, наукой и другими видами деятельности, которые могут отвлечь подростков от пагубного влияния и направить их энергию в нужное русло;

–контрпропаганда, т.е. создание и распространение контента, который разоблачает экстремистскую идеологию и показывает ее негативное влияние. Необходимо использовать все каналы коммуникации, включая интернет, социальные сети и СМИ;

–сотрудничество с правоохранительными органами: организация совместных мероприятий с правоохранительными органами, направленных на профилактику экстремизма и терроризма.

В Российской Федерации создана достаточно разветвленная и обширная нормативно-правовая база, регулирующая вопросы противодействия экстремизму и терроризму, в том числе и в отношении несовершеннолетних. Ключевыми нормативными актами являются:

1.Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Закон определяет понятие экстремистской деятельности, устанавливает ответственность за ее осуществление и определяет полномочия органов государственной власти в сфере противодействия экстремизму;

2.Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Закон закрепляет понятие терроризма, устанавливает правовые и организационные основы противодействия терроризму, определяет полномочия органов государственной власти в сфере противодействия терроризму;

3.Уголовный кодекс Российской Федерации. Содержит статьи, предусматривающие ответственность за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, в том числе и за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (статьи 205–205.5, 280, 282 УК РФ);

4.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Содержит статьи и административную ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности (статьи 20.3, 20.29 КоАП РФ);

5.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400), которая определяет основные направления государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе и в сфере противодействия экстремизму и терроризму;

6.Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) здесь основные принципы и направления государственной политики в сфере противодействия терроризму.

Среди наиболее распространенных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, чаще всего встречаются:

- содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ): Вербовка, обучение или иное содействие террористической деятельности [7, с. 229].

- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ): Размещение в интернете или социальных сетях экстремистских материалов, призывы к насилию и дискриминации;

- возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ): Распространение информации, направленной на возбуждение ненависти или вражды по признакам расы, национальности, языка, отношения к религии;

- участие в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ);

Хотя точные цифры недоступны, эксперты отмечают, что доля несовершеннолетних среди осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности составляет несколько процентов. Количество таких дел исчисляется десятками в год, а не сотнями или тысячами.

По статистике, наибольшее число преступлений экстремистской и террористической направленности среди несовершеннолетних, регистрируется в регионах с высокой концентрацией мигрантов, сложной социально-экономической ситуацией и активной деятельностью экстремистских и террористических организаций [8, с.120].

Вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность - это огромная угроза национальной безопасности Российской Федерации. Для эффективного противодействия этой угрозе следует совершенствовать нормативно-правовую базу, регулировать вопросы профилактики экстремизма и терроризма среди несовершеннолетних.

Сосредоточение координации усилий государственных органов, общественных организаций и образовательных учреждений в сфере противодействия экстремизму и терроризму в интеграции с образовательными программами, направленными на формирование у подростков критического мышления, толерантности и чувства уважения к другим культурам будет способствовать минимизации экстремистской и террористической деятельности среди несовершеннолетних.

Распространение правильной и нужной информации, активное (качественное) использование интернет площадок и социальных сетей для контрпропаганды экстремистской идеологии в современном мире может внести свой вклад в борьбу с негативным влиянием террористических идей среди молодежи.

Поддержка и развитие молодежных центров и сообществ вместе с повышением квалификации специалистов, работающих с молодежью по вопросам профилактики экстремизма и терроризма способствует профилактике распространения экстремистских и террористических идей среди подростков.

Такой комплексный и системный подход к решению проблемы позволит эффективно противодействовать экстремизму и терроризму среди несовершеннолетних и обеспечить безопасность российского общества.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) 6 марта 2006 года № 35-ФЗ.
2. Васнецова А. С., Вилинский Г. О., Горшечникова Е. П., Кобзарев Ф. М. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы. – М: Проспект, 2023. – 680 с.
3. Некрасова Е.В. Экстремизм и его особенности в молодежной среде: социологический анализ // Вестник СПбГУ. – СПб. – 2023. – Вып. 4. С. 432–438.
4. Шегурова А.С. Терроризм и экстремизм – проблема XXI века // Сборник статей международной научно-практической конференции прорывные научные исследования как двигатель науки. – М., 2025 – С. 264–266.
5. Костева Т.Ю., Макеев Н.Н. Терроризм и экстремизм в молодежной среде: история и информационно-психологическая безопасность (на примере профилактического проекта «единение») // История. Историки. Источники. – 2025. – № 4. – С. 73–79.
6. Абазова Е.Х. Современные способы противодействия экстремизму и терроризму // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 3. – С. 153–156.
7. Грозина Е.В., Грозин С.Ю. Соотношение терроризма и экстремизма: вопросы квалификации // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 227–230.
8. Юмашева Т.А. Превенция экстремизма среди молодежи в условиях изменяющейся России // Профилактика религиозного экстремизма и противодействие его проявлениям в молодежной среде: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Балашов, 2023. – С. 118–124.

ТУАЛЛАГОВА АМИНАТ АЛАНОВНА – магистрант, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Россия.

КАРАЕВА ЛОРА ХАЗБАТРОВНА – к.э.н., доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Россия.

Д.Д. Павлова

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью данного исследования является комплексный ретроспективный анализ, направленный на изучение ключевых исторических этапов возникновения, эволюции и качественной трансформации местных бюджетов на территории России. В результате проведенного анализа автором были выявлены и систематизированы фундаментальные особенности правового регулирования местных бюджетов, характерные для различных исторических эпох, что позволяет определить вектор дальнейшего их развития.

Ключевые слова: *местный бюджет, бюджетное устройство, бюджетная система, советская экономика, бюджетирование, налоговая система, местное самоуправление.*

История формирования основ местного бюджетного устройства в России берет свое начало в середине XIX века, что было продиктовано необходимостью глубокой модернизации государственного аппарата после отмены крепостного права в 1861 году. До этого периода бюджетная система носила крайне фрагментарный характер, а местное финансовое обеспечение зависело исключительно от воли центральной власти или неформальных сборов общин. Переломным моментом стало введение Земской реформы 1864 года, которая заложила фундамент финансовой самостоятельности на уровне уездов и губерний [6, с.45].

Земства получили право формировать собственные бюджеты для решения вопросов местного значения: строительства дорог, развития медицины, образования и просвещения. Как отмечал выдающийся историк права Н. М. Коркунов, именно земства стали первой формой «бюджетного самоуправления», где доходы (преимущественно земельный ценз и сборы) были тесно связаны с расходами на нужды местного населения [7, с.187]. В этот период зародился принцип целевого использования средств: налоги не просто уходили в казну, а конвертировались в конкретную инфраструктуру. К концу XIX века земские бюджеты стали мощным инструментом развития аграрного сектора.

Параллельно с земствами развивалось и городское самоуправление. Городская реформа 1870 года учредила Городские думы, которые получили право распоряжаться доходами от городских сборов, аренды муниципальной собственности и налогов на недвижимость. Если земские бюджеты имели выраженный аграрно-социальный уклон, то городские бюджеты трансформировались в механизмы урбанизации: финансирование водопроводов, освещения улиц и общественного транспорта. К началу XX века в России сложилась двухкомпонентная модель местного финансирования, сочетавшая сельские (земские) и городские бюджеты, что стало прообразом современного принципа разграничения полномочий между уровнями бюджетной системы.

С установлением советской власти парадигма местного самоуправления была радикально пересмотрена.

Положением о денежных средствах и расходах местных Советов установлена обязанность местных Советов составлять сметы доходов и расходов, а также определены: перечень местных налогов и сборов, их предельный размер; категории, освобождаемые от уплаты налогов и сборов; право местных Советов устанавливать единовременное чрезвычайное революционное обложение и право ходатайствовать о ссудах и пособиях из средств Государственного казначейства; общие положения о расходах Советов [4].

В 1920 году разделение смет на общегосударственную и местные было отменено, но с 1922 года местные сметы вновь составлялись отдельно от общегосударственной сметы. Декретом ВЦИК и СНК «О местных бюджетах» сформирован принцип составления годовой сметы доходов и расходов (покрытие расходов доходами), порядок рассмотрения и утверждения данной смет и основания предоставления ссуд из особого фонда по государственной росписи расходов [5].

В период НЭПа, еще сохранялись элементы относительной финансовой самостоятельности местных Советов, однако к концу десятилетия начался процесс жесткой централизации. Согласно марксистско-ленинской доктрине, местное бюджетирование рассматривалось не как инструмент автономии, а как

механизм исполнения государственного плана на местах. Основным принципом стала единая государственная касса, где все финансовые потоки жестко контролировались из центра.

В 1930-е годы процесс «бюджетного сжатия» завершился: местные бюджеты фактически превратились в подотчетные подразделения государственной финансовой системы.

В Государственный бюджет СССР на 1938 год впервые были включены местные бюджеты, утверждаемые в общих суммах, без расшифровки расходов по отраслям хозяйства и мероприятиям [8].

В период 1940–1980-х годов бюджеты сельских, городских и районных Советов народных депутатов утратили статус самостоятельных хозяйствующих субъектов. Их доходы формировались преимущественно за счет трансфертов из вышестоящих бюджетов, а расходы были строго регламентированы государственными нормативами. Это создало феномен «бюджетного дефицита полномочий»: на местные органы возлагались задачи по социальному обеспечению, но финансовые рычаги управления оставались в руках централизованного Госплана.

Такая система обеспечивала высокую мобилизацию ресурсов для индустриализации и обороны, но подавляла местную инициативу. Местные бюджеты выполняли лишь техническую функцию распределения средств на текущие расходы (зарплаты бюджетников, содержание ЖКХ), не имея возможности маневрировать средствами для решения специфических локальных проблем. Это привело к глубокой зависимости регионального развития от центральных государственных субсидий, что стало системной проблемой для советской экономики.

Распад СССР и кризис экономики в начале 1990-х годов потребовали коренной перестройки всей финансовой составляющей страны. На смену жесткой вертикали пришел период радикальной децентрализации. Ключевым событием стало принятие Конституции РФ 1993 года, которая закрепила принцип разделения государственной власти и местного самоуправления (МСУ). Согласно статье 12 Конституции, органы МСУ не входят в систему органов государственной власти, что теоретически должно было гарантировать их финансовую и организационную независимость [1].

Реализация этого принципа происходила через принятие ФЗ №39 от 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [3]. В этот период местные бюджеты начали наполняться за счет новых источников: налогов на имущество физических лиц, земельного налога и части доли подоходного налога. В 1990-е годы муниципалитеты получили широкие полномочия по управлению муниципальной собственностью и самостоятельности в формировании расходной части бюджета. Это был период «бюджетного оптимизма», когда города и поселения пытались самостоятельно развивать экономическую базу.

Однако децентрализация столкнулась с суровой реальностью экономического кризиса. Большинство муниципалитетов оказались в ситуации «финансового голода»: полномочия передавались на места, но налоговая база не соответствовала объему возложенных обязанностей. В этот период сформировался характерный разрыв между городами-центрами и сельскими территориями.

Начало XXI века ознаменовалось попыткой систематизировать хаос 90-х через принятие масштабного Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [2]. Этот закон установил четкую структуру муниципальных образований и перечень вопросов местного значения. Однако, несмотря на стремление к упорядочиванию, реформа не решила фундаментальную проблему: противоречие между расширением полномочий и ограниченностью финансовых ресурсов. Вместо укрепления автономии, законодательство способствовало усилению вертикального контроля.

Современный этап характеризуется выраженной финансовой зависимостью муниципалитетов от межбюджетных трансфертов. Структура доходов местных бюджетов остается крайне неустойчивой: налоговые поступления (преимущественно НДФЛ) в значительной степени перераспределяются в пользу региональных и федерального уровней. Это привело к ситуации, когда большинство муниципальных образований существуют в режиме «бюджетного донорства» со стороны субъектов РФ.

Таким образом, современное состояние местных бюджетов в России - это поиск баланса между необходимостью жесткой государственности и потребностью регионов в реальной финансовой самостоятельности.

Важным направлением является развитие инструментов инициативного бюджетирования. Этот механизм позволяет гражданам напрямую участвовать в распределении части местных средств, что не только повышает прозрачность расходов, но и стимулирует местную социальную активность. Сочетание цифровизации и механизмов соучастия может стать рычагом повышения эффективности использования средств. Однако цифровизация должна сопровождаться не только контролем сверху, но и расширением возможностей для мониторинга со стороны самого населения.

Перспективы также связаны с изменением самой парадигмы межбюджетных отношений. Вместо системы «поддержки дефицита» целесообразно переходить к системе стимулирования экономического

потенциала. Муниципалитеты должны получать не только помощь при нехватке средств, но и преференции в случае роста собственных доходов. В конечном итоге, устойчивость российской системы будет зависеть от того, удастся ли найти золотую середину: сохранить единство государственной финансовой политики, обеспечив при этом городам и поселениям достаточную «финансовую емкость» для реализации их финансовых потребностей.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993г.: в ред. Закона Рос. Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 04 июля.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (в редакции Федерального закона от 9 апреля 2026 г. № 85-ФЗ) настоящий документ признан утратившим силу с 1 января 2028 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. ст. 3822.
3. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 35. ст. 3506. – Утратил силу.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров от 03 декабря 1918г. № 931 «О денежных средствах и расходах местных Советов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. 1942. стр. 1313-1323. – Утратил силу.
5. Декрет Совета Народных Комиссаров от 22 августа 1921г. № 446 «О местных денежных средствах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1944. стр. 750-751. – Утратил силу.
6. Белогорцева Х. В. Бюджетное устройство России : монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. 176 с.
7. Мишин И.Е. Специфика взглядов Н.М. Коркунова на местное самоуправление в России // Образование и право. 2023. №9. С. 187-190.
8. Ровинский Н. Н. Государственный бюджет / СССР М.: Госфиниздат, 1944. – 386 с. // [Электронный ресурс]URL: <https://istmat.org/node/39283> (дата обращения: 08.08.2026).

ПАВЛОВА ДИАНА ДМИТРИЕВНА – магистрант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия.

Е.Р. Малыхина

ИНСТИТУТ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

В статье исследуется правовая природа экстраординарных сделок хозяйственных обществ в контексте эволюции российского корпоративного законодательства. Анализируются доктринальные подходы И.С. Шиткиной, А.В. Габова и Д.В. Ломакина к критериям экстраординарности — принципу существенности и конфликту интересов. Рассматривается влияние реформы 2016–2017 годов (ФЗ № 343-ФЗ) на трансформацию режима одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, включая появление категории «уставной экстраординарности».

Ключевые слова: *Экстраординарные сделки, крупные сделки, сделки с заинтересованностью, корпоративное право, реформа гражданского законодательства 2017 года, принцип существенности, конфликт интересов.*

В условиях постоянного изменения экономической обстановки все острее встает вопрос об определении специфики сделок, которые выходят за рамки обыкновенной деятельности. Особое место в институте сделок занимают экстраординарные сделки. Это юридически значимые действия хозяйственного общества, которые в силу своей экономической, организационной и социальной значимости, выходят за пределы обычной хозяйственной деятельности и требуют реализации специальных процедурно-процессуальных механизмов одобрения, направленных на минимизацию агентских рисков и обеспечение баланса интересов участников корпоративных отношений.

Как отмечает И.С. Шиткина, экстраординарные сделки представляют собой «акты распорядительного характера, которые в силу своей экономической или организационной значимости выходят за рамки компетенции единоличного исполнительного органа и требуют санкционирования высшими органами управления общества». Ученый подчеркивает, что ключевым критерием экстраординарности выступает принцип существенности [1].

А.В. Габов актуализирует проблему конфликта интересов как системообразующего элемента экстраординарности. В его интерпретации, экстраординарная сделка — это «правомерное действие, совершаемое под влиянием личной заинтересованности лиц, обладающих корпоративным контролем, что объективно создает предпосылки для нарушения баланса интересов между мажоритариями, миноритариями и кредиторами общества» [2].

Д.В. Ломакин предлагает дифференцировать экстраординарные сделки на две группы:

1. Формально экстраординарные — соответствующие стоимостным критериям, установленным ст. 46 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 78 ФЗ «Об АО»;

2. Материально экстраординарные — не подпадающие под стоимостные пороги, но оказывающие качественное влияние на деятельность общества (например, сделки, изменяющие предмет деятельности, или влекущие смену контролирующих лиц) [3].

В качестве обычной хозяйственной деятельности организации понимается регулярная деятельность, связанная с совершением сделок в сфере, указанной в учредительных документах организации. Соответственно сделки, совершаемые в процессе обычной хозяйственной деятельности, формализованы, не отличаются отдельной спецификой кроме того, что совершаются они чаще всего в одной сфере.

Кроме того, по п. 8 ст. 46 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» сделки, которые не выходят за пределы обычной деятельности, должны быть приняты в деятельности общества либо в других субъектах, которые ведут аналогичные виды деятельности. Вне зависимости от того, совершало ли общество такие сделки раньше, если они не приводят к прекращению деятельности или изменению вида или существенному изменению масштабов деятельности [4].

Формирование правовых основ института экстраординарных сделок в России берет начало с принятия федеральных законов № 208-ФЗ от 26 декабря 1995 года «Об акционерных обществах» и № 14-ФЗ от 8 февраля 1998 года «Об обществах с ограниченной ответственностью». Данные нормативные акты впервые ввели специальные правовые конструкции, направленные на регламентацию крупных сделок и сделок с признаками заинтересованности.

Принятие вышеуказанного института диктовалось объективной потребностью в создании механизма, способствующего обеспечению стабильности функционирования хозяйственных обществ и одновременно гарантирующего соблюдение баланса интересов их участников и третьих лиц. Следовательно, основной задачей правового регулирования экстраординарных сделок выступает защита законных интересов самих хозяйственных обществ, их учредителей и иных вовлеченных сторон.

Долгое время законодательная база в отношении таких сделок отличалась устойчивостью, однако, эволюция гражданского оборота обусловила необходимость реновации данного института. В связи с этим возникли предложения о новых законодательных инициативах и концепциях по трансформации нормативного регулирования неординарных сделок: от радикальной отмены данного института в законодательстве до сохранения его в текущем виде. Итогом явилось принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 343-ФЗ, внесшего изменения в законы "Об акционерных обществах" и "Об обществах с ограниченной ответственностью" в части регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью, вступившие в силу с начала 2017 года.

ФЗ № 343-ФЗ от 03.07.2016, направленный на коррекцию правового регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью, оказал значительное воздействие на практику заключения так называемых экстраординарных сделок, распространяясь не только на традиционные формы, но и на сделки, требующие специального одобрения в соответствии с внутренними документами организации.

Ранее, сделки заключались единоличным исполнительным органом, но в случаях с крупными сделками или сделками с заинтересованностью применялась процедура согласования с участием коллегиальных органов (советов директоров, наблюдательных советов, собраний участников).

До поправок законодательство было относительно незыблемым, сформировав устойчивую судебную практику. Однако назрела потребность в совершенствовании подходов, предлагались различные варианты, от ликвидации существующих институтов и введения альтернативных механизмов ответственности до сохранения действующего положения.

Законодатель выбрал компромиссную стратегию, нацеленную на расширение свободы действий участников корпоративных отношений. Ключевыми изменениями стали расширение возможностей самостоятельного определения сторонами особенностей сделок и сужение сферы обязательного предварительного одобрения.

Важным следствием этих изменений стало размытие классического представления о крупных сделках. Согласно новым правилам, сделки, не оказывающие существенного влияния на деятельность компании, классифицируются как обычные, независимо от величины задействованных активов.

Законодательство также отменило возможность компаний заранее освобождаться от согласования крупных сделок, учитывая их связь с ситуациями, близкими к ликвидации или реорганизации, где такое освобождение несет риск нарушения интересов участников.

В целом изменения призваны упростить процесс совершения сделок и повысить гибкость корпоративных структур, сохраняя при этом базовые принципы защиты прав и интересов участников экономических отношений.

Реформа января 2017 года внесла значительные изменения в область регулирования рассматриваемых сделок, расширив возможности участников гражданского оборота по определению специфики данных сделок и порядку их предварительного утверждения посредством включения соответствующих условий в устав общества.

Законодатель фактически ввел категорию сделок с «уставной экстраординарностью», допуская возможность установления особых правил заключения отдельных типов договоров внутри конкретной корпорации.

После этого Верховный суд опубликовал Постановление № 27 от 26 июня 2018 года, «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» в котором он разъяснил некоторые положения нового правового регулирования. Преимущественно разъяснения ВС касаются процесса оспаривания сделок и некоторых спорных моментов, которые относятся к исчислению срока исковой давности, порядку совершения экстраординарных сделок и процесса их оспаривания в исковом порядке [5].

Характерной чертой экстраординарных сделок является наличие специального режима их реализации, предполагающего обязательное предварительное утверждение соответствующими органами управления обществом (например, советом директоров либо общим собранием акционеров). Несоблюдение установленного порядка может повлечь признание подобной сделки недействительной решением

суда, инициированным самим юридическим лицом, членом совета директоров или владельцем пакета акций, составляющего более одного процента голосов.

Таким образом, специфика экстраординарных сделок заключается в применении наряду с общими нормами Гражданского кодекса РФ специальных актов, регламентирующих деятельность хозяйственных обществ и в особых. Для полного понимания природы экстраординарных сделок целесообразно детально проанализировать каждую разновидность указанных юридических конструкций.

Библиографический список:

1. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник. М.: Проспект, 2020. С. 189–192.
2. Габов А.В. Конфликт интересов в корпоративных правоотношениях // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 45–52.
3. Ломакин Д.В. Правовая природа крупных сделок в хозяйственных обществах // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 78–84.
4. Статья 46 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью»
5. Постановление ВС РФ № 27 от 26 июня 2018 года «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»

МАЛЫХИНА ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА – магистрант, Университет правосудия им. В.М. Лебедева (филиал в г. Санкт-Петербург), Россия.

П.В. Молчанов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Данная статья посвящена анализу спорных вопросов квалификации преступлений, предусмотренных статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает уголовную ответственность за совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, ответственность, судебная практика, должностное лицо, квалификация преступления, состав преступления, спорные вопросы, правоприменение.

Согласно судебной статистики Российской Федерации, вопрос о применении статьи 286 УК РФ, остается актуальным, поскольку с каждым годом количество преступлений, предусмотренных данной статьей, возрастает. Так, в 2020 году было совершено 823 преступлений по данной статье УК РФ; в 2021 году — 999 преступлений; в 2022 году — 992 преступлений; в 2023 году — 998 преступлений; в 2024 году — 1003 преступлений.

Ответственность за превышение должностных полномочий, предусмотренная статьей 286 УК РФ, наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [1].

Превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые:

- 1) относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу);
- 2) могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц);
- 3) совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом;
- 4) никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [2].

В процессе правоприменения статьи 286 УК РФ сложились определенные спорные вопросы, касающиеся данного состава преступления. Анализ мнений ученых и исследователей свидетельствует о том, что наиболее распространенными вопросами применения статьи 286 УК РФ являются:

- 1) Трудности в определении действий, касающихся превышения должностных полномочий. Ключевым элементом для квалификации деяния по статье 286 УК РФ является правильное понимание термина «превышение должностных полномочий». Законодатель не всегда четко выделяет границы между правомерными действиями должностного лица и действиями, которые могут расцениваться как превышение полномочий. Нередко возникает вопрос о том, какие конкретные действия могут считаться преступными и в каких случаях должностное лицо остается в рамках своих полномочий. Несмотря на то, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» содержит в себе толкование данного термина, но законодатель не приводит перечень таких общественно опасных деяний.

Так, например, 11 января 2024 г. на прием к судебному приставу — исполнителю М. пришла гражданка Б. для ознакомления с материалами исполнительного производства ее супруга. Во время приема

М. вышла из своего кабинета. После непродолжительного ожидания Б., включив видеозапись на мобильном телефоне, зашла в служебный кабинет А. — начальника РОСП, старшего судебного пристава, где находилась М., и попросила ее вернуться и продолжить прием. Поскольку Б. не желала покидать кабинет, продолжала осуществлять видеосъемку и высказывать недовольство деятельностью приставов, А., подойдя к ней, левой рукой со значительной силой сжал правое предплечье женщины и вывел ее из кабинета.

3 марта 2025 г. Свердловский районный суд г. Белгорода признал А. невиновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 УК РФ, и оправдал его в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, признав за ним право на реабилитацию [3].

Несмотря на то, что должностное лицо применило физическую силу в его действиях все же отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 286 УК РФ;

2) Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ. Общественно опасные деяния, предусмотренные статьями 285 и 286 УК РФ, схожи в том, что в обоих случаях субъектом преступления является должностное лицо, а объектом — интересы государственной службы или службы в органах местного самоуправления. Также объективная сторона преступлений, предусмотренных приведенными статьями, характеризуется материальным составом по конструкции, то есть для осуществления квалификации по данным статьям необходимо наступление конкретных последствий, установленных диспозицией статьи уголовного закона. Однако, несмотря на то, что данные составы преступлений схожи между собой, все же они имеют существенные различия. Например, статья 285 УК РФ предусматривает обязательное наличие корыстной или иной личной заинтересованности, в то время как по статье 286 УК РФ наличие специального мотива не является обязательным признаком состава преступления, статья 285 УК РФ предусматривает прямой или косвенный умысел, а статья 286 УК РФ характеризуется только прямым умыслом и так далее;

3) Оценка материального ущерба. Суды сталкиваются с трудностями, так как отсутствует единый подход к расчёту материального вреда в случаях превышения должностных полномочий. Этот признак является оценочным, и нет однозначного понимания, какой критерий брать за основу при оценке конкретного случая превышения должностных полномочий. Кроме того, следствию нужно доказать, что ущерб наступил именно из-за конкретного нарушения полномочий, а не по другим причинам.

Таким образом, применение статьи 286 УК РФ продолжает оставаться актуальным вопросом, что подтверждается ростом числа дел, связанных с превышением должностных полномочий. Спорные аспекты, связанные с квалификацией данного преступления, требуют внимания, особенно в свете сложностей, возникающих при определении действий, выходящих за рамки полномочий должностного лица. Поскольку данные аспекты продолжают вызывать правовые споры, необходимо работать над уточнением законодательства и формированием более четкой судебной практики для обеспечения законности и справедливости в сфере привлечения к ответственности должностных лиц за превышение полномочий.

Библиографический список:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».
3. Адвокатская газета : новостной сайт. — URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 21.10.2025).

МОЛЧАНОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ — студент, Челябинский государственный университет, Россия.

Д.А. Алдатова

АЛГОРИТМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ИНСТИТУТ ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия традиционного института ошибки в уголовном праве и процессов алгоритмизации квалификации преступлений. Автор анализирует влияние цифровых технологий на субъективное вменение и обосновывает необходимость переосмысления юридической ошибки в новых условиях.

Ключевые слова: ошибка в уголовном праве, алгоритмы квалификации, искусственный интеллект, субъективное вменение.

Институт ошибки в уголовном праве традиционно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в доктрине и правоприменительной практике. Отсутствие легального определения ошибки в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) порождает многочисленные споры о ее понятии, видах и уголовно-правовых последствиях. Вместе с тем современный этап развития общественных отношений характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий и алгоритмов в правоприменительную деятельность, что ставит перед институтом ошибки новые вызовы. В научной литературе все чаще поднимается вопрос об использовании алгоритмов квалификации, однако их влияние на субъективное вменение и традиционные представления об ошибке остается недостаточно изученным. Данное исследование направлено на восполнение указанного пробела и выработку практических рекомендаций для правоприменительной деятельности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Особую актуальность приобретает проблема квалификации преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Как отмечает Н.В. Корбут, современные технологии ИИ радикально меняют социальные отношения, включая сферу преступности, создавая новые объективные и субъективные признаки составов преступлений [4]. Противоправное использование алгоритмов проявляется в применении нейросетей для совершения общественно опасных деяний: мошенничества с использованием дипфейков и аудиоклонов (ст. 159 УК РФ), неправомерного доступа к охраняемой законом информации (ст. 272 УК РФ), а также причинения вреда жизни и здоровью в результате алгоритмических ошибок автономных систем (ст. 109, 118 УК РФ). Указанные деяния порождают принципиально новые виды фактических ошибок, связанные с неверным представлением лица о возможностях и последствиях применения технологий. При этом сложность заключается в том, что субъект преступления может добросовестно заблуждаться относительно алгоритмических свойств используемого им инструмента, что напрямую влияет на содержание интеллектуального и волевого моментов вины.

В доктрине уголовного права под ошибкой традиционно понимается заблуждение лица относительно юридических признаков либо фактических обстоятельств совершенного деяния [1, с. 45]. Классическое деление ошибок на юридические и фактические, а внутри последних – на ошибки в объекте, предмете, средствах и причинной связи, сложилось в трудах Н.С. Таганцева и А.А. Пионтковского. Однако анализ современной литературы показывает отсутствие единства в определении ошибки. Так, А.А. Торозов справедливо отмечает, что сведение ошибки к «ошибочному представлению» или «неправильной оценке» сужает ее содержание, поскольку не учитывает волевой аспект психической деятельности [5, с. 112]. З.Г. Алиев предлагает понимать под ошибкой психическое отношение лица, имеющее порок в интеллектуальном или волевом моменте, обусловленный заблуждением относительно положений уголовного закона либо объективных свойств состава преступления [2, с. 78]. Данный подход представляется наиболее обоснованным, однако он не учитывает новые реалии, связанные с использованием цифровых алгоритмов. Представляется необходимым дополнить указанное определение указанием на возможность ошибки, обусловленной алгоритмической непрозрачностью технологий, когда лицо не осознает и не может осознавать истинные механизмы функционирования применяемого им инструмента.

К числу проблем, связанных с внедрением алгоритмов квалификации, можно отнести и возрастающий риск квалификационных ошибок со стороны правоприменителя. Как отмечает В.К. Андрианов, квалификационные ошибки – это не случайное, а вполне закономерное явление, обусловленное недостатком юридических знаний и опыта [3, с. 22]. Алгоритмизация процесса уголовно-правовой оценки

создает новый вид таких ошибок – алгоритмические квалификационные ошибки, которые представляют собой системные заблуждения, обусловленные недостатками алгоритма. В отличие от ошибки субъекта преступления, такая ошибка носит формализованный, тиражируемый характер и может многократно воспроизводиться в правоприменительной практике, что требует специального правового регулирования. При этом алгоритмические ошибки могут быть классифицированы на три подвиды: ошибки, заложенные на этапе разработки алгоритма (неполный учет признаков состава преступления); ошибки, возникающие при интерпретации фактических обстоятельств (некорректное сопоставление признаков); ошибки, связанные с отсутствием механизмов учета оценочных категорий (общественная опасность, вина). Каждый из указанных подвидов требует самостоятельного подхода к минимизации рисков.

Важной коллизией является и то, что действующее уголовное законодательство не содержит норм, регламентирующих влияние ошибки на квалификацию с учетом цифровых технологий. В УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки, связанные с применением алгоритмов и нейросетей. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин неоднократно подчеркивал целесообразность включения использования ИИ в перечень отягчающих обстоятельств – по аналогии с применением оружия или совершением преступления в особых условиях. В Государственную Думу внесен законопроект № 718538-8, предлагающий ввести квалифицирующий признак использования дипфейков при мошенничестве, однако на сегодняшний день эти инициативы не нашли законодательного закрепления. Отсутствие специальных норм порождает ситуацию правовой неопределенности, когда суды вынуждены квалифицировать деяния с использованием ИИ по общим составам преступлений, что не позволяет в полной мере учесть повышенную общественную опасность таких посягательств и специфику субъективного восприятия лицом алгоритмических процессов.

В правоприменительной практике при квалификации преступлений с использованием ИИ сложно установить причинную связь, особенно когда алгоритм действует автономно, а лицо не может предвидеть его конкретные действия. Так, например, в случае причинения вреда автономным транспортным средством возникает вопрос: осознавало ли лицо, управляющее такой системой, возможность алгоритмического сбоя и его последствия? Судебная практика по подобным делам в России пока не сформирована, однако анализ зарубежных подходов показывает, что большинство правовых порядков склоняются к учету субъективного восприятия лица и его информированности о возможностях используемой технологии. Также существует риск того, что при внедрении систем автоматической квалификации ошибка, допущенная разработчиком алгоритма, будет расценена как квалификационная ошибка следователя или судьи, что ставит вопрос о субъекте такой ошибки и пределах ответственности должностных лиц. Кроме того, алгоритмы, основанные на формальных признаках, могут не учитывать нюансы субъективного восприятия лица, что особенно важно в случаях фактической ошибки, когда лицо искренне, но ошибочно оценивает объективные обстоятельства произошедшего.

Важно подчеркнуть, что алгоритмизация квалификации не должна подменять интеллектуальную деятельность правоприменителя, а лишь служить вспомогательным инструментом. Принцип субъективного вменения, закрепленный в ст. 5 УК РФ, требует индивидуального подхода к оценке вины, что невозможно при полной формализации процесса. Следовательно, алгоритмы квалификации должны быть построены таким образом, чтобы оставлять пространство для усмотрения суда и учета всех обстоятельств дела, включая возможные ошибки лица в оценке фактических и юридических признаков деяния. В противном случае существует риск подмены уголовно-правовой оценки механическим сопоставлением признаков, что противоречит сущности правосудия.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

В условиях цифровизации уголовного права обоснованно выделение нового вида квалификационной ошибки – алгоритмической квалификационной ошибки, под которой следует понимать системное заблуждение правоприменителя, обусловленное недостатками алгоритма уголовно-правовой оценки и влекущее неправильную квалификацию деяния. Данное понятие требует закрепления в доктрине и учета при разработке методических рекомендаций для следователей и судей.

В целях устранения пробелов в законодательстве целесообразно дополнить УК РФ статьей 28.1 «Ошибка в уголовном праве», определив ее понятие и влияние на уголовную ответственность с обязательным указанием на то, что при добросовестном заблуждении лица, обусловленном особенностями использования технологий ИИ, ответственность не может наступать за невиновное причинение вреда. Также предлагается дополнить перечень отягчающих обстоятельств (п. «м» ст. 63 УК РФ) положением о совершении преступления с использованием технологий искусственного интеллекта, если это повышает общественную опасность деяния, и уточнить ст. 159 УК РФ, включив квалифицирующий признак использования дипфейков. Указанные изменения позволят более точно дифференцировать ответственность и учитывать специфику алгоритмических способов совершения преступлений.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для правоприменителей по квалификации преступлений с использованием ИИ, а также по учету фактических ошибок

субъекта, не осознававшего особенностей работы примененных им технологий. Предложенный комплекс мер позволит минимизировать риски квалификационных ошибок и адаптировать принцип субъективного вменения к условиям цифровой реальности. Рекомендуется также создание межведомственной рабочей группы по вопросам алгоритмизации уголовно-правовой квалификации с участием представителей науки, судебной системы и IT-специалистов.

Таким образом, внедрение алгоритмов в процесс уголовно-правовой квалификации создает новый контекст для института ошибки, требующий переосмысления как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Решение обозначенных проблем лежит на стыке теории уголовного права, практики правоприменения и технологического развития, что обуславливает необходимость дальнейших междисциплинарных исследований. Предложенные в работе новеллы могут быть использованы при подготовке изменений в УК РФ и разработке ведомственных методических рекомендаций.

Библиографический список:

1. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.
2. Алиев З.Г. Фактическая ошибка и квалификация преступлений // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 75-84.
3. Андрианов В.К. Квалификационные ошибки в уголовном судопроизводстве: понятие и виды // Российский следователь. – 2021. – № 7. – С. 22-26.
4. Корбут Н.В. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: проблемы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 3. – С. 45-52.
5. Торозов А.А. Ошибка в уголовном праве: понятие и виды // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 110-118.
6. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: Изд-во Волжского университета, 1998. – 304 с.

АЛДАТОВА ДЗЕРАССА АЛАНОВНА – магистрант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия.

Д.В. Пушняков

СУЩЕСТВО КОРПОРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСОБОГО ВИДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

В статье исследуется правовая природа корпоративной ответственности контролирующих лиц как особого вида гражданско-правовой ответственности. На основе анализа доктринальных подходов и правоприменительной практики обосновывается необходимость выделения корпоративной ответственности наряду с договорной и деликтной. Рассматриваются специфические признаки корпоративной ответственности: особое основание (корпоративное правонарушение), специальный субъектный состав (контролирующие лица), фидуциарный характер обязанностей, презумпции доказывания, а также особые меры ответственности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве. Делается вывод о том, что корпоративная ответственность представляет собой самостоятельный институт гражданского права, требующий дальнейшей теоретической разработки и совершенствования законодательного регулирования.

Ключевые слова: корпоративная ответственность, контролирующие лица, гражданско-правовая ответственность, субсидиарная ответственность, корпоративное правонарушение, фидуциарные обязанности, банкротство, снятие корпоративной вуали.

В корпоративных отношениях, связанных с управлением организациями, проблематика гражданско-правовой юридической ответственности объективно является центральной и определяющей основные контуры всего законодательства о юридических лицах. Это обусловлено самой природой юридического лица и принципом отделения, в силу которого личность и имущество компании отделены от личности и имущества ее участников и **выгодоприобретателей**. Вытекающий из принципа отделения принцип раздельной имущественной ответственности юридического лица и его участников (учредителей) приводит к появлению в гражданском обороте фигуры юридического лица, за действия которого, по общему правилу, его создатели не несут никакой **ответственности**.

Данное обстоятельство создает имущественные риски как во внутренних отношениях (риск убытков для инвесторов, риск невыплаты заработной платы для работников), так и во внешних отношениях (риск неисполнения обязательств и соответствующих убытков для кредиторов, риск неполучения налогов для бюджета и т.д.). Фактически юридическое лицо представляет собой «источник повышенной опасности», действующий в гражданском обороте, что требует установления особых защитных правовых механизмов.

Цель настоящей статьи – обосновать необходимость выделения корпоративной ответственности в качестве самостоятельного вида гражданско-правовой ответственности, выявить ее сущностные признаки и специфику по сравнению с договорной и деликтной ответственностью.

В литературе обосновывается новый вид гражданско-правовой ответственности – корпоративная ответственность, которая наряду с договорной и деликтной имеет отличительные особенности, в том числе специальное основание (корпоративное правонарушение) и принцип специалитета. Как отмечает О.В. Гутников, «корпоративная ответственность в широком смысле представляет собой юридическую ответственность субъектов корпоративных отношений, наступающую за нарушение корпоративных обязанностей, вытекающих из участия (членства) в корпорации либо из факта осуществления функций управления корпорацией».

Специфика корпоративных отношений непосредственно отражается на содержании устанавливаемой в данной сфере юридической ответственности. Корпоративная ответственность участников рассматриваемых отношений, как правило, наступает за особые правонарушения, так или иначе связанные с ненадлежащим управлением юридическим лицом, выражающиеся в нарушении особых «управленческих» прав и обязанностей.

Корпоративная ответственность не является единой и делится на две основных разновидности: ответственность за корпоративные правонарушения (корпоративная ответственность в узком смысле) и обеспечительная «квазикорпоративная ответственность», не связанная с корпоративными правонарушениями, которая возлагается на участников корпоративных отношений в случаях, установленных законом.

Корпоративная ответственность в отличие от общих видов гражданско-правовой ответственности (договорной и деликтной) отличается определенной спецификой, что выражается в особом предмете регулирования, принципах действия, а также в субъектном составе.

Корпоративная ответственность за корпоративные правонарушения существенно отличается от договорной и деликтной, при этом основное отличие выражается в специальном основании ответственности – корпоративном правонарушении, представляющем собой нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом.

Корпоративные правонарушения могут иметь как имущественный (неполучение прибыли, снижение стоимости акций, утрата возможности продать акции по справедливой цене), так и неимущественный характер (утрата корпоративного контроля, невозможность или затруднительность достижения целей деятельности юридического лица, невозможность или затруднительность осуществления корпоративных прав).

Как подчеркивается в современной доктрине, при привлечении к ответственности контролирующих лиц несостоятельного должника имеет место особый корпоративный деликт при банкротстве, который отличается как от прямого деликта против кредиторов (ст. 1064 ГК РФ), так и от корпоративного деликта в виде причинения убытков юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ).

Субъектами корпоративной ответственности выступают, прежде всего, члены органов управления юридического лица (единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа, члены совета директоров), а также лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, включая участников (акционеров) и иных контролирующих лиц.

Согласно статье 61.10 Закона о банкротстве, под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника. В основе понятия «контролирующее должника лицо» лежит категория «контроль», которая представляет собой один из аспектов власти, этап управленческой деятельности, а также метод управления.

Контролирующие лица несут фидуциарные обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Нарушение этих обязанностей может служить основанием для привлечения к корпоративной ответственности.

Существенной особенностью корпоративной ответственности является «правило делового решения» (business judgment rule), согласно которому для привлечения к ней должно быть доказано, что действия (бездействие) нарушителя не соответствовали условиям делового оборота или обычному предпринимательскому риску. Данное правило, по существу, оставляет руководителю юридического лица право на «бизнес-ошибку». Соответственно, и при наличии негативных последствий принятого руководителем решения само по себе основание для привлечения его к ответственности не возникает, поскольку предпринимательская либо иная экономическая деятельность имеют рисковый характер.

Специфика рассматриваемого вида ответственности также заключается в установленном принципе презумпции невиновности правонарушителя. Руководитель юридического лица может быть привлечен к ответственности при условии, если будет доказан факт недобросовестного либо неразумного использования им своих управленческих полномочий (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), что фактически означает необходимость доказывания вины.

В корпоративных спорах бремя доказывания отсутствия нарушений, по общему правилу, возлагается на самого руководителя юридического лица (п. 5 ст. 10 ГК РФ, п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 62). Как разъяснено в п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 53, бремя доказывания отсутствия вины, а также того, что банкротство должника вызвано внешними факторами, лежит на лице, привлекаемом к субсидиарной ответственности.

Анализ судебной практики позволяет выявить ряд проблем, связанных с применением норм о корпоративной ответственности.

В законодательстве допускаются два подхода: 1) применение общих норм о деликтной ответственности за причиненный кредиторам вред исключается, поскольку действуют нормы законодательства о несостоятельности; 2) при банкротстве юридического лица общие нормы о деликтной ответственности контролирующих лиц могут быть применены наряду с нормами законодательства о несостоятельности.

Верховный Суд РФ в ряде дел признал возможность взыскания причиненного кредиторам вреда не в рамках конкурсного производства, а по общим нормам ГК РФ о деликтной ответственности. Это создает правовую неопределенность и порождает конкуренцию исков.

Неопределенность нормативного содержания фидуциарной обязанности директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица порождает существенные затруднения в правоприменительной практике. Суды зачастую применяют расширительное толкование правовых норм, что приводит к возложению на руководителя ответственности за широкий спектр деяний в объеме, выходящем за пределы действительного смысла правовой нормы.

Как справедливо отмечается в литературе, в нормах ст. 53 и 53.1 ГК РФ речь идет об особой фидуциарной обязанности директора – действовать добросовестно и разумно в чужих интересах, то есть в интересах юридического лица, при необходимости пренебрегая собственными интересами. Это принципиально отличает корпоративную добросовестность от общегражданской, которая предполагает поведение, лишь учитывающее права и законные интересы другой стороны, но действующее в собственных интересах.

Как следует из анализа судебной практики, в подавляющем большинстве случаев заявители не могут преодолеть высокий стандарт доказывания, установленный судебной практикой для применения статьи 67.3 ГК РФ. Ключевой проблемой выступает необходимость доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями (указаниями, согласием) основного общества и заключением конкретной сделки дочерним обществом.

Как отмечается в современной судебной практике, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные указания. При этом сам по себе факт преобладающего участия в уставном капитале или наличие общих органов управления не образует состава, необходимого для применения пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Корпоративная ответственность представляет собой самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности, который наряду с договорной и деликтной имеет отличительные особенности: особое основание (корпоративное правонарушение), специальный субъектный состав (контролирующие лица), фидуциарный характер обязанностей, специфические презумпции доказывания и особые меры ответственности, включая неимущественные.

Корпоративная ответственность и субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве имеют различную правовую природу, целевое назначение и механизмы реализации. Корпоративная ответственность носит «внутренний» характер и направлена на защиту интересов самой корпорации и ее участников, тогда как субсидиарная ответственность является мерой защиты прав кредиторов.

При привлечении к ответственности контролирующих лиц несостоятельного должника имеет место особый корпоративный деликт при банкротстве, который отличается как от прямого деликта против кредиторов, так и от корпоративного деликта в виде причинения убытков юридическому лицу.

Перспективным направлением развития законодательства является дальнейшая детализация критериев контроля, учитывающих как формальные, так и фактические аспекты отношений экономической зависимости, при сохранении баланса между правовой определенностью норм и судебным усмотрением при оценке конкретных обстоятельств дела.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.
7. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
9. Гутников О.В. Привлечение к ответственности контролирующих лиц несостоятельного должника: современные подходы // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 7. С. 45-62.
10. Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 217-222.

11. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 144-152.
12. Максуров А.А. Ответственность лиц, контролирующих хозяйственные общества: монография. Москва, 2021. 392 с.
13. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 424 с.
14. Целовальникова И.Ю. Ответственность контролирующих лиц и конституционные основы защиты права собственности: поиск баланса интересов // Российское правосудие. 2023. № 11. С. 61-69.
15. Шиткина И.С. Понятие и источники корпоративного права. Корпоративное право: В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2017. 387 с.
-

ПУШНЯКОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ – магистрант, Северо-Западный филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Россия.

А.С. Уткина

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА У МИРОВОГО СУДЬИ

В данном исследовании проводится всесторонний анализ ключевых особенностей производства у мирового судьи как фундаментального элемента судебной системы Российской Федерации. Рассматривается не только формальная нормативно-правовая база, определяющая предметную подсудность дел данной категории судов, но и глубокая специфика реализации принципов упрощенного и приказного судопроизводства. Особое внимание уделяется критическому осмыслению проблем правоприменительной практики, возникающих на стыке высокой служебной нагрузки и необходимости обеспечения высокого качества правосудия. Анализируются исторические предпосылки возрождения института мировых судей и его роль в снижении нагрузки на федеральные суды общей юрисдикции.

Ключевые слова: мировой судья, упрощенное производство, приказное производство, подсудность, процессуальные сроки, оптимизация правосудия, судебная статистика, доступность правосудия, судебный участок, материально-техническое обеспечение.

Институт мировых судей представляет собой исторически сложившееся и незаменимое звено судебной системы Российской Федерации, основной функцией которого является обеспечение реальной доступности правосудия для граждан на низовом уровне. Возрожденный в современной России в конце 1990-х годов, этот институт имеет глубокие корни, уходящие к Судебной реформе 1864 года императора Александра II, когда мировые судьи также создавались для рассмотрения малозначительных дел и примирения сторон.

Актуальность настоящего исследования обусловлена перманентно возрастающей нагрузкой на судебную систему в целом. Мировые судьи выступают своего рода «фильтром», который позволяет отсеивать юридически несложные, типовые споры, не требующие длительных судебных разбирательств. Эффективность их работы напрямую влияет на скорость защиты нарушенных прав миллионов граждан. Таким образом, детальный анализ эффективности функционирования данного института с целью дальнейшей унификации судебной практики, минимизации процессуальных издержек и снижения колоссальной нагрузки на районные (федеральные) суды общей юрисдикции приобретает стратегическое значение для правовой политики государства. 1. Нормативно-правовая база, статус и предметная подсудность. Правовой статус мирового судьи определяется базовым Федеральным законом от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», а также соответствующими отраслевыми процессуальными кодексами — Гражданским процессуальным кодексом РФ (ГПК РФ), Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) и Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ). Характерной чертой компетенции мирового судьи выступает строго ограниченный круг рассматриваемых дел имущественного и неимущественного характера, что подчеркивает его специализацию на малозначительных спорах. В рамках гражданского судопроизводства к исключительной компетенции относятся:

Дела о выдаче судебного приказа по бесспорным требованиям (например, взыскание задолженности по оплате жилого помещения, коммунальных услуг или алиментов на несовершеннолетних детей).

Иски при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей, по большинству имущественных споров (за исключением дел о наследовании имущества и споров, связанных с защитой интеллектуальной собственности).

Споры в сфере защиты прав потребителей при цене иска до ста тысяч рублей.

Семейные споры, такие как расторжение брака (при отсутствии спора о детях) и раздел совместно нажитого имущества в пределах указанного ценового порога. Уголовно-процессуальный закон относит к подсудности мировых судей уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести, максимальное наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы. Это охватывает значительный массив правонарушений, включая некоторые виды краж, мошенничества, причинение легкого вреда здоровью и другие деяния, составляющие основу бытовой преступности.

2. Процессуальные формы и механизмы оптимизации сроков: углубленный анализ. Центральным элементом специфики производства у мирового судьи выступает доминирование упрощенных процедур, которые кардинально отличаются от классического искового производства.

Приказное производство. Данная форма характеризуется полным отсутствием судебного разбирательства, вызова сторон, ведения протокола и проведения слушаний. Судебный приказ выносится судьей единолично исключительно на основании представленных заявителем документов в течение пяти дней со дня поступления заявления. Этот механизм направлен на максимально оперативное взыскание бесспорной денежной задолженности. Однако перечень требований, по которым выдается приказ, носит исчерпывающий характер (ст. 122 ГПК РФ). Важной особенностью является право должника подать возражения в десятидневный срок без указания мотивов, что влечет безусловную отмену приказа и перевод спора в исковой порядок.

Упрощенное производство. Эта процедура предполагает рассмотрение гражданского дела без проведения устного слушания исключительно на основании письменных доказательств, представленных сторонами. Установление сокращенных процессуальных сроков для представления возражений и доказательств служит мощным инструментом минимизации временных затрат участников процесса и самого суда. Судья принимает решение на основе представленного документального массива, оценивая его по правилам внутреннего убеждения.

Следует отметить, что спецификой деятельности мировых судей является повышенная доля дел, рассматриваемых в отсутствие ответчика вследствие надлежащего извещения или признания иска, что свидетельствует об определенной пассивности части участников процесса или признании ими очевидности требований истца.

3. Организационно-технические аспекты осуществления правосудия

Существенной особенностью статуса мирового судьи является его жесткая привязка к судебному участку, границы которого определяются законом субъекта Российской Федерации исходя из численности населения. На одном судебном участке численность населения должна составлять от 15 до 23 тысяч человек. Данная территориальная локализация обеспечивает максимальную приближенность суда к населению — зачастую граждане могут добраться до судебного участка быстрее, чем до здания районного суда.

Финансирование аппарата мирового судьи (заработная плата помощника, секретаря) осуществляется из федерального бюджета, тогда как материально-техническое обеспечение (аренда помещений, коммунальные услуги, закупка мебели, оргтехники, бумаги) возложено на органы исполнительной власти субъектов РФ. Указанная двойственная модель финансирования часто детерминирует неоднородность условий осуществления правосудия в различных регионах страны: где-то участки располагаются в современных зданиях, а где-то — в приспособленных помещениях, что может влиять на восприятие авторитета судебной власти гражданами.

4. Проблемы правоприменительной практики и пути их решения

Несмотря на высокую эффективность институтов приказного и упрощенного производств, в настоящее время фиксируется ряд системных проблем:

Во-первых, наблюдается тенденция необоснованного обжалования судебных приказов должниками. Зачастую это делается не с целью оспорить долг по существу, а исключительно на получение отсрочки исполнения обязательств на месяцы, пока дело будет переведено в исковой порядок. Это нивелирует основную цель приказного производства — экономию процессуального времени кредитора и суда. Во-вторых, высокая служебная нагрузка на одного мирового судью (в среднем существенно, иногда в разы, превышающая показатели федеральных коллег) создает объективные препятствия для качественного отправления правосудия в пределах установленных процессуальным законом сроков. Судье приходится рассматривать десятки дел ежедневно, что повышает риск технических ошибок. Кроме того, актуальной остается проблема разграничения подсудности между мировыми судьями и районными судами в условиях динамичного изменения материального законодательства. Например, изменение пороговых сумм для определения подсудности требует постоянного мониторинга и адаптации практики. Производство у мирового судьи обладает выраженной спецификой, обусловленной институциональным назначением данного звена судебной системы — оперативной, экономически доступной и эффективной защитой нарушенных прав по делам с невысокой степенью правовой сложности. Дальнейшее совершенствование видится в расширении сферы применения приказного производства (по новым категориям требований), законодательном закреплении дополнительных критериев для рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, а также в решении вопроса об обеспечении единого стандарта материально-технического обеспечения судебных участков во всех субъектах РФ. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности для точечной настройки процессуального законодательства и в учебном процессе юридических факультетов высших учебных заведений.

Библиографический список:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 23, 121-130).
 2. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».
 3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
 4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса... о приказном производстве».
 5. Конституция Российской Федерации
-

УТКИНА АННА СЕРГЕЕВНА - магистрант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия

Д.А. Болатчиев

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В статье исследуется вопрос об общественной опасности незаконной миграции. Незаконная миграция рассматривается как источник угрозы экономических и социальных устоев государства. Автор разграничивает незаконную миграцию от криминальной миграции.

Ключевые слова: миграция, незаконность, мигрант, общественная опасность.

В современной уголовной - правовой науке под термином «общественная опасность» понимается угроза причинения вреда или непосредственное причинение вреда общественным отношениям, находящимся под защитой и охраной государства и уголовного закона.

Общественная опасность является одним из признаков преступления, закрепленных в ч. 1 ст. 14 УК РФ, причем единственным признаком преступления, раскрывающим его сущность, обуславливающим содержание всех других признаков преступления, придавая им материальный характер. Только благодаря категории «общественная опасность» уголовное право может давать оценку деянию и признавать его преступным. [13]

Так же общественная опасность, как категория уголовного права и основополагающий признак преступления, образуют редкое единство и слаженность уголовного законодательства, научной правовой доктрины и судебной практики.

По мнению В.Н. Кудрявцева, такая категория уголовного права, как общественная опасность, выступает основополагающим критерием при изучении социальной природы криминализации деяния. [7]

Н.А. Лопащенко трактует общественную опасность следующим образом: «Общественная опасность может трактоваться как возможность негативных изменений в обществе или общества, возможность негативных последствий, вреда, причиняемых обществу, или же, наоборот, как продуцируемая обществом возможность негативных изменений в нем же или возможность негативных последствий для членов и нечленов общества, для государства, для природных объектов, для мира и безопасности человечества». [9]

Главными показателями общественной опасности являются ее характер и степень.

Качественной характеристикой общественной опасности выступают ее характер, зависящий от значимости объекта посягательства.

Количественной же характеристикой считается степень общественной опасности, другими словами – объем причиненного вреда, способ совершения противоправного деяния, форма вины и т.д. Причем степень общественной опасности находится в прямо пропорциональной зависимости от объема причиненного вреда.

Теперь перейдем непосредственно к вопросу общественной опасности организации незаконной миграции.

В современном мире существует множество угроз национальной безопасности государства, одной из таких угроз является незаконная миграция, особенно когда она имеет массовый характер, но в силу латентности данного явления трудно приводить какие-либо статистические цифры.

Проблемы незаконной миграции и ее организации стоят на сегодняшний день достаточно остро. Незаконная миграция – это явление, которое сказывается на криминогенной обстановке любого государства.

Основной характерной чертой общественной опасности преступлений против порядка управления представляется умаление авторитета государства, которое заключается в неподчинении закону и в отсутствии страха наказания, и нарушение неприкосновенности государственной границы. Проникновение на территорию государства РФ с нарушением установленного законодательными нормами порядка представляет собой реальную угрозу для населения нашего государства.

Кроме того, незаконная миграция подрывает социальную и экономическую стабильность государства. Это обусловлено тем, что незаконное нахождение на территории государства служит благоприятной почвой для совершения как экономических, так и иных видов преступлений. Самыми опасными из таких преступлений признаются преступления террористической и экстремистской направленности.

Е.Н. Сасина считает: «Незаконная миграция таит в себе угрозу распространения на территории России организованных преступных группировок, экстремистских и террористических организаций, что, безусловно, влияет на национальную безопасность страны». [11]

Также говоря об общественной опасности организации незаконной миграции, необходимо отметить, что следствием незаконного проникновения на территорию Российского государства может быть и формирование этнических групп, которые преследуют цель совершения различного рода преступлений, в том числе и провокации межнациональных конфликтов среди населения.

А.В. Бортников отмечает: «Пройдя в лагерях психологическую обработку и психологическую подготовку и получив боевой опыт в «горячих точках», бандиты, используя незаконную миграцию, расползаются по намеченным регионам. Их цель – создание законспирированных ячеек, вербовка боевиков. Подрыв внутренней безопасности и территориальной целостности стран оседания». [2]

Таким образом, незаконная миграция является реальной угрозой национальной безопасности любого государства. Незаконная миграция в РФ обусловлена такими фактами, как соседство с большим количеством государств и наличие огромного количества объездных дорог, не поддающихся государственному контролю.

Об этом говорит и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: «За последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Российской Федерации и в зоне ее интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014-2015 годах, становится причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, а также способствует проникновению в эти государства членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления могут стать угрозой как для Российской Федерации, так и для приграничных с ней государств». [1]

Почему на сегодняшний день уделяется такое огромное внимание борьбе с организацией незаконной миграции? Ответ прост: организация незаконной миграции считается преступным явлением, которое влечет за собой целый ряд негативных последствий, которые наносят вред:

- установленному порядку въезда на территории страны;
- экономической безопасности страны;
- рынку труда;
- обстановке в плане эпидемиологических показателей;
- национальной безопасности;
- государственной безопасности и т.д. [2]

По большей части мотивом незаконного пересечения государственной границы является поиск нелегальной работы, что в свою очередь влечет последствия в виде перенасыщения рынка труда и невозможности найти работу российским гражданам.

Но, приехав в поисках нелегального труда и оставшись так же нелегально на территории РФ, иностранные граждане, часто с ухудшением условий жизни, начинают совершать преступления, как правило, имущественного характера.

На сегодняшний день Россия в рейтинге стран по количеству мигрантов занимает второе место, что в свою очередь не может не сделать тему миграционной политики для уголовного законодательства очень болезненной и животрепещущей.

Проблемы акклиматизации и интеграции мигрантов к новым условиям жизни, новой культуре и к новым социальным нормам очень часто вытекают в конфликт с законом и в неумение адаптироваться к новому правовому полю данной страны. [5]

Вопросы миграции вызывают социальный дисбаланс в обществе как в России, так и во многих государствах Европы.

Миграционные процессы характерны то ростом уровня миграции, то его падением. Детерминантой тут может служить множество факторов, начиная от пандемии, заканчивая военными действиями или климатическими катаклизмами.

С 2021 г. РФ является членом Международной организации по миграции. Деятельность данной организации особенно актуальна в нынешних условиях и реалиях, осложненных множеством военных конфликтов в мире и усложнением международных отношений. [12]

С годами преступность мигрантов приобретает более опасные виды, такие как торговля наркотическими средствами, оружием, похищение людей, терроризм, экстремизм, перерастая в организованные и транснациональные виды. [8]

Незаконная миграция является источником формирования организованных этнических преступных групп и сообществ, которые занимаются подделкой документов, организацией незаконных выездов и въездов, сокрытием преступников и т.д.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося в мае 2023 г., высказал следующую точку зрения: «В миграционной политике мы должны исходить, прежде всего, конечно, из интересов наших граждан в вопросах безопасности, в социальной сфере, на рынке труда. Здесь очень важен гибкий, сбалансированный подход, который не создает для нас риски, а работает на развитие страны, на экономику страны». [10]

Необходимо отметить, что после отмены всех пандемийных ограничений потоки миграции многократно возросли. Это повлекло за собой рост преступлений, немалая доля которых совершается иностранными гражданами.

В Российской Федерации на сегодняшний день проводится курс, ориентированный на укрепление внутреннего единства и политической стабильности. Обеспечение государственной и общественной безопасности напрямую связано с противодействием преступлениям, совершенным иностранцами и в их отношениях, незаконной миграции, предупреждению и профилактике социальных и межнациональных конфликтов, религиозного радикализма и так далее.

Незаконная миграция очень часто становится рабочим инструментом для торговли оружием, наркотиками и людьми. Основным ее признаком является кумулятивность, которая проявляется в виде сложной системы криминальных и околокриминальных процессов и факторов, вследствие чего происходит постоянное перерождение преступности за счёт собственных резервов. [5]

Как правило, иностранные работники стремятся поселиться в экономически развитых регионах Российской Федерации, где больше возможностей найти работу и получать стабильный заработок. На город Москву и Санкт-Петербург, вместе с их областями, приходится около 80% всех мигрантов Российской Федерации. Общественная опасность миграции тем не менее определяется не её массовостью, а видовой структурой и характером преступной деятельности. [14]

Причины преступности иностранцев объясняются факторами криминализации поведения мигрантов, обстоятельствами жизнедеятельности, как в стране выезда, так и в Российской Федерации, а сама нелегальная миграция является следствием сложной многоуровневой детерминации, связанной с получением экономической выгоды. [3]

Причинами преступности мигрантов в большей степени является не всегда несовершенное правовое регулирование миграционных процессов, а в большей мере необходимость привлечения в страну иностранной рабочей силы.

Практика привлечения иностранцев к труду на основе патентов осложнялась необходимостью получения для её оформления значительного количества документов и высокой для иностранцев из ближнего зарубежья стоимостью этой процедуры. [4]

В результате этого часть трудовой миграции переросла в незаконную, совершающую правонарушения. В Российской Федерации, как и в большинстве стран с достаточным уровнем экономического благосостояния всегда будет существовать необходимость выполнения работ, не требующих специальной квалификации, средств, низкооплачиваемых, иногда не безопасных. Спрос на дешёвый труд, необеспеченный никакой законной гарантией, и позволяющий заработать в отсутствии такой возможности у себя дома, рождает предложение этого труда. Наличие незаконных и криминальных источников получения денежных средств из нелегального пребывания способствует приезду мигрантов.

Исследования, осуществляемые криминологами, показывают, что мигранты, прибывшие в Россию, как правило, держатся обособленно от коренных жителей, не проявляя явных признаков агрессии по отношению к гражданам нашей страны, но при этом зачастую среди мигрантов возникает ситуация криминального характера - это касается семейно-бытовых отношений и не оформленных должным образом трудовых отношений. [6]

Таким образом, основная часть преступлений, совершенных иностранцами - это преступления, нарушающие миграционное законодательство.

Незаконная миграция всегда противоправна, но не всегда криминальна. Главным условием преступной миграции является преступная цель въезда в государство, тогда как цель незаконной миграции – это поиск лучших условий жизни.

Ведение учёта преступлений, совершенных иностранными гражданами, затрудняется высоким уровнем латентности данного вида противоправных деяний. Это явление объясняется тем, что местонахождение и передвижение нелегальных мигрантов по территории Российской Федерации не всегда возможно отследить.

Существует закономерность, что уровень преступности, совершенной иностранцами, как правило, выше в государствах с высоким уровнем экономического развития. Так как с увеличением внутреннего национального продукта страны увеличивается объем привлекаемые рабочей силы.

Как правило, иностранцы, совершившие преступления на территории Российской Федерации - это выходцы из стран СНГ и государств Юго-Восточной Азии.

На первом месте находятся преступления против собственности, на втором – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, на третьем - преступления против жизни и здоровья, на четвертом - преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. [14]

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018, № 45, ст. 6917.
2. Андрюшенков, В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: дис...канд. юрид. наук. Омск. - 2016.
3. Волох В. А., Суворова В. А. Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования в сфере миграции. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. - 2023.
4. Емельянов В. М. Инновации миграционного законодательства как стимул повышения эффективности деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2024. - № 3 (69).
5. Зинченко Е. Ю., Воробьев В. Ф., Хазов Е. Н. Миграционная политика России: проблемы и перспективы их решения // Международный журнал конституционного и государственного права. - 2023. - № 1.
6. Капинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - №1.
7. Кудрявцев В. Н., Дагель П. С., Злобин Г. А. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М: Наука, - 1982.
8. Лобзов К. М., Богданов А. В., Ильинский И. И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск. - 2021.
9. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. – 2020. - №4(4).
10. Новикова А. Исходя из интересов граждан // Журнал МВД РФ «Полиция России». - 2023. - № 6.
11. Сасина Е.Н. К вопросу об уголовно-правовых аспектах организации незаконной миграции // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». - 2010. - № 20.
12. Семегин Г. К разработке закона об основах национальной политики мы уже приступили // Общественно-политический журнал Федерального собрания - Парламент РФ «Российская Федерация сегодня». - 2023. - №5.
13. Шишкина Ю. А. Общественная опасность как категория уголовного права//Молодой ученый - 2019. - № 16 (254).
14. Статистические сведения по миграционной ситуации Министерства внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://mvd.gov.ru>.

БОЛАТЧИЕВ ДИНИСЛАМ АЛИКОВИЧ – магистрант, Северо-Кавказская государственная академия, Россия.

В.П. Петрова

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Развитие безналичных расчетов, дистанционного банковского обслуживания, мобильных приложений и систем быстрых платежей существенно изменило механизм обращения денежных средств. Одновременно расширение цифровой финансовой инфраструктуры создало новые возможности для совершения преступлений. На практике ошибка в квалификации может повлечь изменение категории преступления, вида и размера наказания, правил исчисления сроков давности, возможности освобождения от уголовной ответственности, а также порядка возмещения ущерба потерпевшему. Поэтому при расследовании каждого дела необходимо устанавливать не только факт незаконного списания денежных средств, но и конкретный механизм преступного воздействия на потерпевшего, банк, платежную систему или компьютерную информацию.

Ключевые слова: электронное средство платежа, банковская карта, мошенничество, кража с банковского счета, компьютерная информация, безналичные расчеты, дистанционное банковское обслуживание.

В современном мире банковская карта фактически выступает не только инструментом оплаты товаров и услуг, но и средством доступа к банковскому счету, мобильному банку, электронному кошельку и иным платежным сервисам.

Электронный платеж представляет собой перевод денежных средств с использованием электронного средства платежа. К таким средствам относятся банковские карты, мобильные приложения банков, электронные кошельки, системы быстрых платежей, платежные устройства, токенизированные карты и иные технические инструменты, позволяющие инициировать или подтверждать перевод денежных средств.

Федеральный закон № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» связывает электронное средство платежа с техническими и информационными возможностями клиента по формированию, удостоверению и передаче распоряжений о переводе денег. Поэтому банковская карта является лишь одной из разновидностей электронного средства платежа. Аналогичное значение могут иметь номер телефона, привязанный к банковскому счету, мобильное приложение, логин, пароль и одноразовый код подтверждения [1].

Для уголовно-правовой оценки необходимо различать банковский счет, электронные денежные средства, электронное средство платежа, компьютерную информацию, банковскую карту как материальный носитель и реквизиты доступа к банковскому обслуживанию.

Мошенничество с банковскими картами и электронными платежами обычно представляет собой последовательную схему, включающую установление контакта с потерпевшим, получение доступа к платежной информации, совершение операции и сокрытие следов.

Преступник часто не взламывает банковскую систему напрямую, а воздействует на человека, который имеет законный доступ к счету и самостоятельно подтверждает операцию. Внешне такой перевод выглядит как обычная операция клиента банка, однако фактически воля потерпевшего сформирована под влиянием обмана.

Одной из новых схем, описанных Банком России в июле 2026 года, является предложение «заменить основной счет» или «обновить счет в Центральном банке». Мошенники представляются сотрудниками правоохранительных органов или государственных структур и сообщают об утечке персональных и банковских данных. Затем потерпевшего пугают возможной уголовной ответственностью и предлагают:

- снять деньги со своих банковских счетов;
- использовать предоставленные преступниками реквизиты;
- внести деньги через банкомат;

дождаться автоматического «возврата» средств.

В действительности деньги переводятся на счета, контролируемые мошенниками. Банк России подчеркивает, что его сотрудники не требуют снимать деньги, переводить их на «защищенные» счета или совершать операции через банкомат [2].

Другой распространенной схемой является мошенничество с «доставкой» и обратным звонком. Сначала преступники звонят под видом представителей службы доставки и запрашивают код из SMS. После этого потерпевшему направляется сообщение о якобы попытке оформления кредита или взломе личного кабинета. При звонке по указанному номеру второй участник схемы представляется сотрудником банка или правоохранительного органа и требует перевести деньги на сторонний счет либо передать их курьеру.

Распространяются также схемы «NFC Gate» и «обратный NFC Gate». Потерпевшего убеждают приложить банковскую карту к телефону для получения перевода, подтверждения личности, оформления возврата или получения компенсации. В результате преступники получают данные карты и могут использовать их для совершения платежей либо привязки карты к цифровому кошельку.

Опасность такой схемы заключается в том, что потерпевший не сообщает реквизиты карты словами, а передает их посредством технического устройства.

Несмотря на наличие статьи 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», на практике возникают проблемы ее разграничения с кражей с банковского счета, предусмотренной пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, и мошенничеством в сфере компьютерной информации, предусмотренным статьей 159.6 УК РФ.

В статье 159.3 УК РФ не раскрывается содержание понятия «электронное средство платежа». К электронным средствам платежа относят банковские карты, мобильные приложения, электронные кошельки, системы быстрых платежей и QR-платежи, однако единый перечень отсутствует [3].

Дискуссионным остается и вопрос о предмете преступления. Одни ученые считают предметом мошенничества платежную карту, другие — безналичные или электронные денежные средства. Более правильной представляется вторая позиция, поскольку преступление окончено с момента поступления чужого имущества в распоряжение виновного, а не с момента использования материального носителя.

Основным критерием разграничения мошенничества и кражи является способ завладения денежными средствами. Если виновный вводит в заблуждение потерпевшего или работника организации и в результате этого получает имущество, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Если же денежные средства изымаются тайно, без ведома и волеизъявления потерпевшего, применяется норма о краже с банковского счета.

Использование чужой банковской карты, пароля или учетных данных само по себе не превращает деяние в мошенничество. Необходимо установить, каким образом виновный получил доступ к денежным средствам и имел ли место обман.

16 июня 2026 года Пленум Верховного Суда РФ дополнительно разъяснил правила квалификации тайного хищения безналичных и электронных денежных средств. Использование чужой или поддельной платежной карты, учетных данных, пароля либо иной конфиденциальной информации само по себе не свидетельствует о мошенничестве. Если изъятие денег осуществляется тайно и без незаконного воздействия на программное обеспечение или информационные сети, содеянное квалифицируется по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ [5].

Показательным является приговор Химкинского городского суда Московской области от 27 июня 2024 г. по делу № 1-365/2024. Обвиняемый под видом ремонта компьютерной техники ввел потерпевшую в заблуждение относительно стоимости работ. Для передачи денег использовался бесконтактный платежный терминал.

Несмотря на применение банковской карты, суд квалифицировал содеянное по части 3 статьи 159 УК РФ, а не по статье 159.3 УК РФ. Суд исходил из того, что потерпевшая добровольно распорядилась денежными средствами, будучи введенной в заблуждение. Электронное средство платежа являлось способом передачи денег, но не самостоятельным квалифицирующим признаком [5].

В приговоре Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 18 января 2024 г. по делу № 1-10-2024 действия подсудимого по разным эпизодам были квалифицированы по части 1 статьи 159 УК РФ и пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ. Суд установил, что в одном случае имело место хищение путем обмана, а в другом — тайное списание денежных средств с банковского счета [6].

Таким образом, судебная практика исходит из того, что квалификация определяется не самим фактом использования карты, мобильного приложения или банковских реквизитов, а способом завладения имуществом.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (в ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/
2. Банк России. Мошенники используют новую схему обмана с «заменой счета» в Центробанке. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: [consultant.ru](https://www.consultant.ru)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 N 19 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537044/
5. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 27 июня 2024 г. по делу № 1-365/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qRrwR8701BN8>
6. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 18 января 2024 г. по делу № 1-10/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/02ucavQ9JTLK>

ПЕТРОВА ВИТАЛИНА ПАВЛОВНА – магистрант, Курганский государственный университет, Россия.

О.М. Филоненко

«ТЕНЕВОЙ ФЛОТ» КАК ВЫЗОВ ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ РАССЛЕДОВАНИЙ МОРСКИХ АВАРИЙ

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при расследовании морских аварий с участием судов так называемого «теневого флота». На основе анализа международно-правовых норм (Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву - UNCLOS, Кодекс международных стандартов и рекомендуемой практики расследования аварий и инцидентов на море - Кодекс МАС ИМО) и практики Международного трибунала по морскому праву, а также практики задержаний судов странами Европейского Союза и Великобританией, выявляются системные пробелы в правовом регулировании: отсутствие легального определения «теневого флота», коллизия юрисдикций государства флага и прибрежного государства, правовая неопределённость статуса судов без национальности. Рассматриваются позиции российской стороны, квалифицирующей меры Европейского Союза как нарушение международного права. Обосновывается необходимость выработки специальных процедур расследования аварий с участием «теневого флота» и предлагаются направления имплементации международного опыта в российское законодательство. Отдельно анализируются нормы Кодекса торгового мореплавания РФ, ведомственные акты о расследовании аварий на море и российская судебная практика - в том числе по делу о крушении танкеров «Волго-нефть-212» и «Волго-нефть-239» в Керченском проливе, - а также новейшие российские научные публикации по теме.

Ключевые слова: «теневой флот», расследование морских аварий, UNCLOS, суда без национальности, юрисдикция, реальная связь, Международного трибунала по морскому праву (МТМП), экологическая безопасность, прибрежные государства, Кодекс торгового мореплавания РФ, судебная практика.

Введение. В последние годы в международном морском праве сформировался новый объект правового регулирования - так называемый «теневой флот». Под этим термином обычно понимают старые танкеры, зарегистрированные в иностранных государствах и используемые для транспортировки нефти и нефтепродуктов в обход односторонних санкционных ограничений, введенных США, Евросоюзом, Великобританией и рядом других государств. По данным Библиотеки Палаты общин Великобритании, речь идёт о сотнях стареющих, часто непрозрачно принадлежащих и незастрахованных судов, которые действуют в обход стандартных морских правил - в том числе под ложным флагом [1]. Единой методики подсчёта таких судов, впрочем, не существует, что само по себе осложняет их юридическую квалификацию.

В данном случае речь идёт не о санкциях в значении мер, принятых Советом Безопасности ООН, а об односторонних ограничительных мерах отдельных государств и их объединений. Вопрос о правомерности подобных односторонних санкций остаётся в международном праве дискуссионным; официальная позиция российской стороны (см. §3.2) состоит в том, что односторонние санкции, не одобренные Советом Безопасности ООН, юридически необязательны и сами по себе нарушают принципы суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Используемая далее по тексту формулировка «в обход санкционных ограничений» отражает лишь логику соответствующих западных нормативных актов и не означает признания автором статьи их правомерности.

Именно с этим и связаны основные правовые проблемы: «теневой флот» осложняет прежде всего расследование морских аварий. Такие суда, как правило, не имеют надлежащего страхового покрытия и используют флаги, не соответствующие действительности [2; 1]. Авария с их участием - это не просто экологический риск, а настоящий правовой тупик: неясно, кто расследует, кто платит, и кто в итоге отвечает.

Цель настоящей статьи - разобраться в правовых проблемах, которые возникают при расследовании аварий с участием судов «теневых флотов», и предложить возможные механизмы их решения на основе международного и национального законодательства.

В основу работы положены формально-юридический метод (анализ норм UNCLOS и Кодекса МАС ИМО), сравнительно-правовой метод - сопоставление практики ЕС, Великобритании и позиции России, - а также анализ прецедентной практики Международного трибунала по морскому праву (МТМП). Что касается новизны: большинство опубликованных работ рассматривают либо смену флагов судами «теневых флотов» [3], либо институт ареста и задержания судов [4], но по отдельности. Здесь же процедурные проблемы расследования аварий впервые увязываются с прецедентной практикой МТМП по вопросу о судах без национальности. Дополнительно проанализированы Кодекс торгового мореплавания РФ, ведомственные нормативные акты Минтранса России о расследовании аварий на море, российская судебная и арбитражная практика, а также новейшие российские научные публикации — такое сопоставление международного и российского регулирования, насколько можно судить по опубликованным работам, ранее не проводилось.

Понятие и признаки «теневых флотов». Юридическая проблема начинается уже с определения. Ни Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS), ни Кодекс МАС ИМО (MSC.255(84)) не содержат самого термина «теновый флот» — в международных документах используются лишь описательные характеристики таких судов.

Согласно Директиве Европейской комиссии 2025/811 от 19 февраля 2025 года, «тёмный или теневой флот» — это суда, создающие «неприемлемую угрозу» для безопасности жизни на море и окружающей среды [2]. Директива и обзор Библиотеки Палаты общин Великобритании сходятся в том, какие признаки для таких судов типичны [2; 1]:

- старение флота и связанный с этим повышенный технический риск;
- регистрация под «удобными» флагами и уклонение от стандартных процедур контроля;
- отсутствие надлежащего страхового покрытия;
- непрозрачная структура собственников;
- смена флага - нередко на флаг государства, заинтересованного в защите судна [3].

Само явление «удобных» флагов доктринально изучено давно и не сводится к текущей санкционной повестке. Как показывает Д.К. Бекашев, регистрация судов в открытых реестрах ради ухода от контроля государства собственника - практика, известная международному морскому праву ещё с середины XX века, а требование «реальной связи» (genuine link) было введено сначала в Женевскую конвенцию об открытом море 1958 года, а затем в ст. 91 UNCLOS именно как попытка её ограничить [24]. К.А. Бекашев, в свою очередь, показывает, что суда под «удобными» флагами подрывают не только режим санкционного контроля, но и рациональное использование водных биологических ресурсов, - то есть проблема доктринально шире одной лишь темы «теневых флотов» [25].

В более широком смысле «теневых флотов» можно рассматривать как способ адаптации логистики сырьевого экспорта к односторонним санкционным ограничениям - этот вывод, в общем-то, напрашивается уже из процитированных выше материалов [2; 1]. Но поскольку легального определения в UNCLOS нет, возникает правовая неопределённость, которая осложняет и применение санкционных механизмов, и расследование аварий с участием таких судов.

Юрисдикционные коллизии: государство флага vs прибрежное государство. Ключевая правовая проблема при расследовании аварий с участием «теневых флотов» - коллизия юрисдикций. UNCLOS закрепляет принцип, по которому судно подчиняется исключительной юрисдикции государства флага в открытом море (ст. 92 UNCLOS). «Теновый флот», однако, активно этим пользуется, защищаясь от вмешательства прибрежных государств.

Исключение: суда без национальности. UNCLOS предусматривает исключение из принципа исключительной юрисдикции: судно, плавающее без флага или с поддельным флагом, теряет национальность и может быть задержано любым прибрежным государством (ст. 92 и 110 UNCLOS). На этом исключении, среди прочего, строился спор о задержании танкера «Bella 1», ранее связанного с иранской сетью поставок нефти в обход санкций и перешедшего на российский флаг во время преследования Береговой охраной США, - случай, подробно разобранный в исследовании CNA о юрисдикционных последствиях подобной смены флагов [3].

Как отмечается в исследовании Палаты общин Великобритании, UNCLOS Art. 110 «right of visit» позволяет военным кораблям подниматься на борт судов, если есть разумные основания подозревать, что они не имеют национальности [1]. Практически это означает то же самое, что закреплено в самой Конвенции: «судно, плавающее под флагами двух или более государств, пользуясь ими по своему усмотрению, не может требовать признания за собой любой из этих национальностей другими государствами

и может быть приравнено к судну, не имеющему национальности» (п. 2 ст. 92 UNCLOS). Сами «международные воды», кстати, не юридический термин - он охватывает районы за пределами территориального моря, включая исключительную экономическую зону [1].

Судебная практика по этому вопросу восходит ещё к 1948 году - делу *Naim Molvan v. Attorney General for Palestine (The «Asya»)*, рассмотренному Судебным комитетом Тайного совета Великобритании. Судно без действительного флага было признано не пользующимся защитой принципа свободы открытого моря, а его задержание - не нарушающим международное право. Тайный совет выразился недвусмысленно: «ни один вопрос международной вежливости или нарушения международного права не может возникнуть, если нет государства, под флагом которого плавает судно» [5]. По сути, именно на этом старом прецеденте до сих пор держится современная практика задержания судов «теневого флота», формально лишённых действительного флага.

Правда, практика МТМП ограничивает это исключение. В деле «Сайга» (№ 2) (*Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea*, 1999) трибунал разъяснил: отсутствие «реальной связи» (*genuine link*, ст. 91 UNCLOS) между судном и государством флага само по себе не даёт другим государствам права отказывать в признании его национальности и оспаривать регистрацию [6]. То есть ссылка на слабую реальную связь - а это распространённый в дискуссии о «теновом флоте» аргумент - юридически недостаточна, чтобы приравнять судно к судну без национальности. Для этого нужно именно отсутствие действительного флага либо поддельный или двойной флаг - как в деле *Molvan*.

Доктринально этот вывод трибунала объясняется тем, что требование «реальной связи» изначально задумывалось не как самостоятельное основание для непризнания флага, а как стимул к тому, чтобы государство флага реально осуществляло юрисдикцию и контроль над судном. Как показывает классическое исследование Р. Черчилля, подготовленное для Международной федерации транспортных, регистрация создаёт связь между судном и государством, но не делает её автоматически «реальной»: единого обязательного критерия «реальной связи» не существует, а её эффективность подтверждается прежде всего способностью государства флага на практике осуществлять контроль над судном [26]. Та же логика последовательно изложена и в новейшем издании фундаментального труда Р. Черчилля, В. Лоу и Э. Сандер по международному морскому праву [27].

Полезны для понимания симметрии этого регулирования два прецедента с участием самой России. В деле «Волга» (*Russian Federation v. Australia*, 2002) Россия как государство флага успешно добилась в МТМП освобождения под залог российского рыболовного судна «Волга», которое в феврале 2002 года было задержано австралийским фрегатом за незаконный промысел патагонского клыкача в Австралийской рыболовной зоне у островов Херд и Макдональд; трибунал большинством 19 голосов против 2 признал, что Австралия нарушила требование UNCLOS о незамедлительном освобождении судна и экипажа под разумный залог (ст. 292 UNCLOS), и установил менее обременительные условия освобождения, чем настаивала Австралия, - на практике подтвердив, что этот механизм работает в пользу государства флага вне зависимости от того, какое это государство [22]. В деле же «Arctic Sunrise» (*Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation*, 2013-2015) сама Россия оказалась стороной, чьи действия по задержанию иностранного судна в исключительной экономической зоне были признаны нарушающими UNCLOS (ст. 56, 58, 87 и 92 - по вопросу о ст. 60, касающейся зон безопасности, трибунал нарушения не установил); Россия в разбирательстве не участвовала, сославшись на сделанное при ратификации UNCLOS заявление по ст. 298 о неподсудности споров, связанных с правоприменительной деятельностью в отношении рыболовства и охраны правопорядка [23]. Оба прецедента показывают: пределы юрисдикции прибрежного государства над иностранным судном международные трибуналы применяют симметрично, вне зависимости от того, какое государство выступает ответчиком, - а значит, расширительное толкование категории «судно без национальности» в отношении «теневого флота» рискует быть признано столь же несовместимым с UNCLOS, как в своё время были признаны действия по делу «Arctic Sunrise».

Правовой спор о законности задержаний. Вопрос о законности задержаний судов «теневого флота» остаётся дискуссионным. В. Микрина, М. Мирошкина и Е. Митина в своём исследовании международно-правового регулирования ареста и задержания судов показывают, что этот институт в нынешних геополитических условиях страдает хроническим дисбалансом между интересами морской безопасности и защитой прав судовладельцев и экипажей. Отдельно они отмечают: Международная конвенция об аресте морских судов 1999 года попросту не рассчитана на ситуации с «теновым флотом» — отсюда и правовой пробел при квалификации задержаний как законных либо произвольных [4].

Позиция российской стороны. Официальный представитель МИД России Мария Захарова заявила, что причисление судов к «теновому флоту» и их задержание нарушают международное право, в частности Конвенцию ООН по морскому праву [7]. С этим согласен и помощник президента РФ Николай Патрушев, по словам которого «в Евросоюзе даже изобрели определение "теновой флот", которого не существует в международном морском праве, и под предлогом борьбы с этим флотом чинили, по сути,

разбой на морских коммуникациях» [8]. Официальная позиция России, иными словами, сводится к тому, что действия Европейского Союза по задержанию судов не имеют легальных оснований в международном праве.

Эта позиция была впоследствии подтверждена на высшем уровне. МИД России в марте 2026 года охарактеризовал практику стран - участниц ЕС как «неприемлемую, недопустимую, грубо нарушающую букву и дух Конвенции ООН по морскому праву 1982 года», подчеркнув, что понятие «теневой флот» «изобретено» Евросоюзом и не существует в международном морском праве [19].

Президент России В.В. Путин в августе 2026 года, комментируя серию задержаний российских торговых судов странами Европейского Союза, назвал эти действия «пиратством и разбоем» и предупредил, что при их продолжении Россия «вынуждена будет отвечать зеркально» [20]. Эти заявления носят политический, а не строго юридический характер, однако они фиксируют официальную позицию российского государства, значимую для оценки *opinio juris* по рассматриваемому вопросу.

Позиция стран Европейского Союза прямо противоположная. Европейская комиссия настаивает, что практика «теневого флота» создаёт риски для морской безопасности и окружающей среды, а прибрежные государства вправе принимать меры в соответствии с UNCLOS - включая регулирование в своей исключительной экономической зоне [2; 9].

Показателен и пример стран Северного моря и Балтики (14 государств), принявших совместную декларацию: суда, плавающие под несколькими флагами, рассматриваются как «stateless» (без гражданства), а значит, их можно досматривать без согласия государства флага [10].

С учетом изложенного, вывод следующий: коллизия юрисдикций и отсутствие единой международно-правовой позиции по «теневому флоту» создают правовой вакуум - его можно использовать и для усиления контроля, и для его оспаривания в международных судах. С учётом позиции МТМП по делу «Сайга» (№ 2), расширительное отнесение судов к категории «без национальности» лишь на основании слабой реальной связи выглядит юридически уязвимым и вполне может быть оспорено государством флага. А значит, для расследования аварий с участием таких судов возникает дополнительная сложность: результаты расследования всегда можно поставить под сомнение.

Российское законодательство и практика. Российское право не остаётся в стороне от описанных проблем и во многом решает их в собственной логике, независимо от директив Европейского Союза.

Как отмечается в доктрине российского морского права, соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования мореплавания в России исторически строится на имплементации конвенционных норм непосредственно в КТМ РФ, а не на прямом заимствовании иностранных моделей регулирования [28].

Во-первых, арест судна в российской юрисдикции регулируется главой XXIII Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ РФ): арест - это любое задержание или ограничение в передвижении судна по решению суда в обеспечение морского требования (ст. 388–390 КТМ РФ), причём правила применяются независимо от флага судна. Кроме того, ст. 81 КТМ РФ наделяет капитана морского порта самостоятельным полномочием - без обращения в суд - задержать судно и груз на срок до 72 часов по требованию лица, чьи права нарушены столкновением судов, повреждением портовых сооружений либо необходимостью оплаты спасательной операции [12]. Это готовый внутренний инструмент оперативного задержания на период выяснения обстоятельств аварии, не заимствованный из практики ЕС и не завязанный на спорную категорию «судна без национальности».

Во-вторых, обязательное страхование ответственности за загрязнение нефтью для судов, перевозящих наливом более 2000 тонн нефти, установлено главой XVIII КТМ РФ (ст. 316–325) - в развитие Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года. Требование прямо распространяется и на иностранные суда, заходящие в российские порты либо приближающиеся к морским терминалам в территориальном море РФ [12]. Иными словами, обязанность подтверждать страховое покрытие, которую Еврокомиссия закрепила Директивой 2025/811 лишь в 2025 году, в российском праве действует уже более двадцати лет, что заметно ослабляет тезис о новизне и исключительно западном происхождении подобных механизмов контроля.

В-третьих, порядок расследования аварий и инцидентов на море в акватории РФ регулируется ведомственным актом Минтранса России. С 1 сентября 2025 года действует Положение, утверждённое приказом от 24.03.2025 № 103, которое заменило прежнее Положение (приказ от 08.10.2013 № 308) [13]. Прежнее Положение возлагало расследование на Ространснадзор и прямо воспроизводило ту же коллизию юрисдикций, о которой говорится в разделе 3 настоящей статьи: аварии с иностранными судами в территориальном море и внутренних водах РФ расследуются в обязательном порядке, тогда как за их пределами Ространснадзор проводит расследование лишь по просьбе капитана иностранного судна, судовладельца либо администрации государства флага [14]. Прямых норм о судах без национальности прежнее Положение не содержало; судя по опубликованным материалам, эта же логика сохраняется и в

новом Положении. Это пробел, который стоило бы устранить - в том числе с учётом предложений раздела 6.

Показательно и то, насколько эффективно этот участок регулирования работает на практике. После крушения танкеров «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239» в Керченском проливе 15 декабря 2024 года, в результате которого в море попало около 2,4 тыс. тонн мазута, капитаны обоих судов были привлечены к уголовной ответственности по ст. 263 УК РФ за нарушение правил безопасности эксплуатации морского транспорта [15]. Одновременно Росприроднадзор через арбитражные суды взыскал с судовладельцев компенсацию экологического вреда на сумму порядка 84,9 млрд рублей, из которых 49,5 млрд - по одному лишь «Волгонефть-212» (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.11.2025) [16], а в пользу Морспасслужбы отдельно взыскано более 400 млн. рублей расходов на ликвидацию последствий разлива [17]. Иначе говоря, российское уголовное, экологическое и морское право уже располагает работающими механизмами привлечения к ответственности за аварии с участием судов, обладающих типичными для «теневых флотов» признаками старения и повышенного риска, - без заимствования западных моделей задержания. Правовую основу этих механизмов, включая обязательное страхование ответственности судовладельцев в условиях исключения российских судов из западной системы морского страхования (P&I), отдельно анализируют Н.В. Тарасова, А.А. Бондаревская и А.В. Ключев [18].

Правовые проблемы расследования аварий. Процедура расследования морских аварийных случаев в отношении «теневых флотов» сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, Кодекс МАС ИМО (MSC.255(84)) возлагает проведение расследования на государство флага. Но если оно фактически не осуществляет контроль над судном, то и техническое расследование либо не проводится вовсе, либо проводится формально. UNCLOS, впрочем, требует другого: «государство флага должно эффективно осуществлять свою юрисдикцию и контроль» (ст. 94 UNCLOS) - однако, по данным цитируемых источников, именно это требование операторы «теневых флотов» нередко нарушают [2; 1].

Во-вторых, прибрежное государство вправе провести и собственное расследование, но его юрисдикция ограничена. Спор вокруг танкера «Bella 1» хорошо показывает: ключевой вопрос здесь - определение национальности судна [3]. Если судно зарегистрировано в России или другом государстве с формальным контролем, возникает правовая коллизия: раз у судна есть флаг, задержать его без согласия государства флага нельзя [3].

В-третьих, без надлежащего страхового покрытия возместить ущерб от аварии просто невозможно - собственно, именно поэтому в Директиву 2025/811 и включили требование подтверждать наличие страховки для всех судов, заходящих в системы обязательной отчётности, независимо от флага [2].

Международные механизмы противодействия. Страны Европейского Союза и Великобритания разрабатывают механизмы противодействия «теневому флоту» на основе толкования UNCLOS.

Так, Европейская комиссия в Директиве 2025/811 ввела требование раскрывать информацию о страховом покрытии для всех судов, заходящих в системы обязательной отчётности, независимо от флага [2] — это должно устранить «слабые звенья» и сделать информацию доступной для всех государств-членов [9].

Великобритания пошла ещё дальше: 14 июня 2026 года Royal Marine Commandos совместно с Национальным агентством по борьбе с преступностью задержали в Ла-Манше танкер Smyrtos, отнесённый британской стороной к «теневому флоту» и находящийся под санкциями [1]. Правовой основой, по версии британской стороны, послужили положения UNCLOS о судах без национальности и внутреннее законодательство о санкциях [1]. Однако, как показано выше (§3.1–3.2), подобное расширительное применение категории «судно без национальности» имеет слабую опору в практике МТМП и прямо оспаривается российской стороной, расценивающей такие задержания как нарушение международного морского права.

Практика такого рода не ограничивается Великобританией. В 2025–2026 годах несколько танкеров, связываемых с «теневым флотом», задержала Франция: Bogasay (1 октября 2025, под флагом Бенина — экипаж не смог подтвердить принадлежность судна к этому государству флага; капитан впоследствии приговорён к одному году лишения свободы и штрафу в 150 тыс. евро), Grinch (22 января 2026) и Tagor (2 июня 2026, под камерунским флагом, признанным поддельным) [21]. Аналогичные задержания в 2026 году провели США (танкеры Marinera, Olina и Sagitta — по обвинению в перевозке нефти из Венесуэлы и Ирана в нарушение санкционного режима), а также Швеция и Бельгия [21]. Москва расценивает всю эту практику как «акты международного пиратства» и грубое нарушение свободы судоходства по UNCLOS [21].

Отдельно в научной литературе отмечается, что «теневой флот» создаёт проблемы и для правового режима вооружённых конфликтов на море: сам по себе санкционный статус судна не делает его военным объектом [11].

Выводы и предложения. 1. Отсутствие легального определения «теневого флота» в UNCLOS и Кодексе МАС ИМО создаёт правовой вакуум и затрудняет как квалификацию действий таких судов, так и само расследование.

2. Коллизия юрисдикций государства флага и прибрежного государства осложняет привлечение экипажей «теневого флота» к ответственности за аварии: страны ЕС и Великобритания расширяют полномочия по досмотру, опираясь на толкование UNCLOS о «судах без национальности». Но, как показывает практика МТМП по делу «Сайга» (№ 2), у такого расширительного толкования довольно слабая доктринальная опора — а значит, есть риск, что задержания будут оспорены в международных судебных инстанциях.

3. Позиции российской и западной сторон по вопросу законности задержаний расходятся диаметрально, что порождает правовую неопределённость и, по всей видимости, потребует разъяснений со стороны международных судебных органов.

4. Отсутствие страхового покрытия у судов «теневого флота» делает возмещение экологического ущерба практически невозможным — здесь нужны новые механизмы компенсации.

5. Российское законодательство — КТМ РФ и ведомственные акты о расследовании аварий на море — уже располагает работающими инструментами: судебным арестом судна, оперативным задержанием капитаном порта на срок до 72 часов, обязательным страхованием ответственности за загрязнение нефтью. Дело о крушении танкеров «Волгонефть» это подтверждает. Уточнения требуют прежде всего регулирование в отношении судов без национальности и судов, использующих поддельный флаг, за пределами территориального моря и внутренних вод РФ.

Предлагается:

- распространить действующее требование о подтверждении страхового покрытия (ст. 323 КТМ РФ), пока охватывающее только танкеры, перевозящие наливом свыше 2000 тонн нефти, на более широкий круг судов повышенного риска, заходящих в территориальные воды и исключительной экономической зоны РФ, — по аналогии с Директивой ЕС 2025/811, но на основе уже имеющейся в КТМ РФ юридической конструкции;

- ввести механизмы проверки национальности судна при обоснованных подозрениях в использовании поддельного флага — с поправкой на то, что практика МТМП ограничивает ссылку на слабую реальную связь как самостоятельное основание для такой проверки;

- создать специальные процедуры расследования аварий с участием судов «теневого флота», опирающиеся на строгие критерии ст. 92 и 110 UNCLOS (отсутствие действительного флага, поддельный или двойной флаг), а не на расширительное толкование «слабой реальной связи», используемое в практике ЕС и Великобритании, — поскольку, как показано выше, такое расширительное толкование юридически уязвимо и может быть оспорено в международных судебных инстанциях;

- прямо предусмотреть в Положении о расследовании аварий или инцидентов на море (приказ Минтранса России от 24.03.2025 № 103) порядок расследования аварий с участием судов без национальности либо использующих поддельный или двойной флаг за пределами территориального моря и внутренних вод РФ, не обуславливая его согласием «государства флага», которого в таких случаях юридически не существует;

- для оперативного задержания судна на период расследования использовать уже имеющийся в КТМ РФ инструментарий (ст. 81, 388–393), не прибегая к расширительному толкованию «слабой реальной связи»;

- рассмотреть возможность участия России в международных инициативах по совершенствованию правового регулирования расследования морских аварий — при условии, что такие инициативы будут опираться на общепризнанные нормы UNCLOS, а не на односторонние санкционные режимы отдельных государств.

Библиографический список:

1. Butchard, P. Seizing the shadow fleet / P. Butchard, C. Mills. — Текст : электронный // House of Commons Library. — 18.06.2026 (обновлено 14.07.2026). — Режим доступа: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10620/> (дата обращения: 30.08.2026).

2. Commission Delegated Directive (EU) 2025/811 of 19 February 2025 amending Annex I to Directive 2002/59/EC as regards information to be notified to ship reporting systems. — Текст : электронный // Official Journal of the European Union. — 28.04.2025. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202500811 (дата обращения: 16.08.2026).

3. The Shadow Fleet's New Flags Challenge Order at Sea. — Текст : электронный // CNA | National Security Analysis. — 28.01.2026. — Режим доступа: <https://www.cna.org/our-media/indepth/2026/01/the-shadow-fleets-new-flags-challenge-order-at-sea> (дата обращения: 16.08.2026).

4. Микрина, В. Международно-правовое регулирование ареста и задержания судов: анализ современной практики / В. Микрина, М. Мирошкина, Е. Митина. — Текст : электронный // Евразийский журнал международного

права. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 19–30. – Режим доступа: <https://eajil.enu.kz/index.php/main/article/view/145> (дата обращения: 16.08.2026). – DOI: 10.32523/2791-0954-2025-14-2-19-30.

5. Naim Molvan v. Attorney General for Palestine (The «Asya»), Judgment of 20 April 1948 / Judicial Committee of the Privy Council. – Текст : электронный // Refworld. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/gbrprivy/1948/en/14954> (дата обращения: 16.08.2026).

6. The M/V «Saiga» (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea), Judgment of 1 July 1999 / International Tribunal for the Law of the Sea. – Текст : электронный. – Режим доступа: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-2/> (дата обращения: 16.08.2026).

7. Захарова: причисление судов к «теневому флоту» — нарушение международного права. – Текст : электронный // Комсомольская правда. – 08.04.2026. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/6909228/> (дата обращения: 30.08.2026).

8. Патрушев рассказал о борьбе Запада с флотом, действующим в интересах России. – Текст : электронный // РИА Новости. – 31.03.2026. – Режим доступа: <https://ria.ru/20260331/zapad-2083996334.html> (дата обращения: 30.08.2026).

9. Answer to Parliamentary Question P-003342/25 on the Shadow Fleet. – Текст : электронный // European Parliament. – 24.09.2025. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-10-2025-003342-ASW_EN.html (дата обращения: 16.08.2026).

10. European Nations Warn Shadow Fleet Shipowners to Play by the Rules. – Текст : электронный // The Maritime Executive. – 26.01.2026. – Режим доступа: <https://maritime-executive.com/article/european-nations-warn-shadow-fleet-shipowners-to-play-by-the-rules> (дата обращения: 30.08.2026).

11. Polemis, D. From sanctions evasion to latent sea power: the shadow fleet as a distributed naval auxiliary infrastructure / D. Polemis, K. Likas. – Текст : электронный // Journal of Conflict and Security Law. – 2026. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/jcsl/advance-article/doi/10.1093/jcsl/krag014/8753720> (дата обращения: 16.08.2026). – DOI: 10.1093/jcsl/krag014.

12. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22916/ (дата обращения: 30.08.2026).

13. Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море : приказ Минтранса России от 24.03.2025 № 103. – Текст : электронный // ГАРАНТ.РУ. – 30.04.2025. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411864908/> (дата обращения: 30.08.2026).

14. Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море : приказ Минтранса России от 08.10.2013 № 308 (утратил силу с 01.09.2025). – Текст : электронный // ГАРАНТ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70597932/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 30.08.2026).

15. Капитан танкера «Волгонефть 212» арестован по делу о разливе мазута в Керченском проливе. – Текст : электронный // Интерфакс. – 19.12.2024. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/999642> (дата обращения: 30.08.2026).

16. Владельца танкера «Волгонефть-212» обязали выплатить 49,5 миллиардов. – Текст : электронный // РИА Новости Крым. – 25.11.2025. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20251125/vladeltsa-tankera-volgoneft-212-obyazali-vyplatit-495-milliardov-1151176824.html> (дата обращения: 30.08.2026).

17. Суд удовлетворил иск Морспасслужбы по делу о крушении танкеров на 404 млн. – Текст : электронный // РИА Новости Крым. – 13.08.2025. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20250813/sud-udovletvoril-isk-morspassluzhby-po-delu-o-krushenii-tankerov-na-404-mln-1148702157.html> (дата обращения: 30.08.2026).

18. Тарасова, Н.В. Теневой флот и страхование: управление рисками для обеспечения экономической безопасности / Н.В. Тарасова, А.А. Бондаревская, А.В. Ключев. – Текст : электронный // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 12, № 4. – Режим доступа: https://s-lib.com/issues/eiu_2025_12_v4_a10/ (дата обращения: 30.08.2026). – DOI: 10.36871/ek.ur.p.2025.12.04.010.

19. Нарушающие морское право незаконные санкции Запада неприемлемы — МИД РФ. – Текст : электронный // РАПСИ. – 23.03.2026. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/international_news/20260323/311701160.html (дата обращения: 30.08.2026).

20. Путин: Россия зеркально ответит на захват торговых судов РФ. – Текст : электронный // Коммерсантъ. – 12.08.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8877802> (дата обращения: 30.08.2026).

21. Франция и США задержали российские танкеры теневого флота. – Текст : электронный // Коммерсантъ. – 26.06.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8765100> (дата обращения: 30.08.2026).

22. The «Volga» Case (Russian Federation v. Australia), Prompt Release, Judgment of 23 December 2002 / International Tribunal for the Law of the Sea. – Текст : электронный. – Режим доступа: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-11/> (дата обращения: 30.08.2026).

23. The «Arctic Sunrise» Arbitration (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Award on the Merits of 14 August 2015 / Permanent Court of Arbitration, PCA Case No. 2014-02. – Текст : электронный. – Режим доступа: <https://pca-cpa.org/en/cases/21/> (дата обращения: 30.08.2026).

24. Бекашев, Д.К. «Удобный» флаг в международном морском праве / Д.К. Бекашев. – Текст : непосредственный // Морское право и страхование. – 2021. – № 2. – С. 6–16.

25. Бекашев, К.А. Суда под «удобными» флагами подрывают основы рационального использования водных биологических ресурсов / К.А. Бекашев // Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина / сост. Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин. – Москва : Статут, 2014. – 414 с. – ISBN 978-5-8354-0987-7.

26. Churchill, R.R. The Meaning of the Genuine Link Requirement in Relation to the Nationality of Ships / R.R. Churchill ; International Transport Workers' Federation. – Cardiff : Cardiff Law School, October 2000. – Текст : электронный. – Режим доступа: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/45062/1/ITF-Oct2000.pdf> (дата обращения: 30.08.2026).

27. Churchill, R. The Law of the Sea / R. Churchill, V. Lowe, A. Sander. – 4th ed. – Manchester : Manchester University Press, 2022. – 968 p. – ISBN 978-0-7190-7968-9.

28. Гуцуляк, В.Н. Российское и международное морское право (публичное и частное) / В.Н. Гуцуляк. – Москва : Граница, 2017.

ФИЛОНЕНКО ОЛЕСЯ МИХАЙЛОВНА – магистрант, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Россия.

М.И. Золотухин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ

В современном мире, характеризующемся глобализацией, изменением климата и ростом техногенных рисков, вопросы обеспечения национальной безопасности выходят на первый план. Одним из важнейших аспектов этой безопасности является эффективная работа органов гражданской защиты. Государственная служба в органах противодействия чрезвычайным ситуациям иностранных государств представляет собой сложную, многоуровневую систему, объединяющую военную дисциплину, научный подход и оперативное управление. В данной статье будет проанализировано, как устроена государственная служба в сфере защиты населения в разных странах, какие модели управления существуют и чем они отличаются.

Ключевые слова: государственная служба, чрезвычайные ситуации, гражданская оборона, национальная безопасность.

Государственная политика любого современного государства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера представляет собой систему согласованных правовых, организационных, экономических и социальных мероприятий, направленных на обеспечение устойчивой и безопасной жизнедеятельности граждан. Данная политика охватывает весь цикл управления чрезвычайными ситуациями: от оценки рисков и их предотвращения до реагирования, ликвидации последствий и восстановления [2, с.274].

Государственная служба в органах гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций - это комплексная деятельность, включающая в себя:

- профилактику и мониторинг: прогнозирование природных и техногенных катастроф;
- превентивные меры: разработка градостроительных норм и правил промышленной безопасности;
- оперативное реагирование: ликвидация последствий ЧС в режиме реального времени;
- восстановительные работы: минимизация экономического и социального ущерба.

В отличие от классической государственной службы (например, в налоговых или судебных органах), служба в органах противодействия ЧС требует сочетания высокой психологической устойчивости, физической подготовки и узкоспециализированных технических знаний.

Международный опыт позволяет выделить несколько основных моделей организации государственной службы в этой сфере.

1. Централизованная (военно-ориентированная) модель.

Эту модель можно встретить в странах с сильной централизованной властью или в государствах, где функции гражданской обороны тесно переплетены с вооруженными силами (Китай, некоторые страны СНГ, Израиль). Служба в таких ведомствах часто является государственной службой в строгом понимании - с воинскими званиями, жесткой иерархией и строгой дисциплиной. Основной упор делается на мобилизационную готовность и быстрое развертывание сил. Преимуществами данной модели является высокая скорость концентрации ресурсов и четкое управление в условиях хаоса и беспорядков.

2. Децентрализованная (гражданская) модель.

В этой модели функции защиты от ЧС распределены между муниципальными, региональными и федеральными структурами, а основную работу выполняют профессиональные гражданские службы (США, Германия, страны Северной Европы). Служба в таких структурах ориентирована на координацию различных ведомств (полиции, пожарных, медицинских работников) и управление ресурсами на местах. Также важную роль играют волонтерские организации и местное самоуправление. К преимуществам данной модели относятся гибкость реагирования, высокая адаптивность к локальным особенностям региона и акцент на минимизацию человеческих жертв через раннее оповещение.

Для глубокого понимания темы необходимо рассмотреть три принципиально разных подхода к государственной службе в сфере ЧС.

1. США: Федеральная система управления (FEMA).

В США государственная служба в органах противодействия ЧС строится вокруг Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях (FEMA). Главная особенность - система ICS (Incident Command System). Это стандартизированный протокол управления, который позволяет представителям разных ведомств (от федералов до местных пожарных) работать в единой структуре, используя общую терминологию. Государственные служащие здесь выступают в роли высококласных менеджеров кризисных ситуаций.

2. Франция: координация через префектуры.

Французская модель характеризуется сильной ролью префектов - представителей центральной власти в регионах. Государственная служба в сфере ЧС во Франции тесно интегрирована в систему МВД. Основной упор делается на профессиональную службу пожарных (Sapeurs-Pompiers), которые являются элитой гражданской защиты и обладают широкими полномочиями при ликвидации последствий катастроф.

3. Япония: технологическая готовность и дисциплина.

Япония, находясь в зоне высокой сейсмической активности, создала одну из самых совершенных систем по ЧС в мире. Государственная служба здесь направлена на интеграцию передовых технологий (системы раннего оповещения, робототехника) с массовым обучением населения.

Государственные службы иностранных государств сегодня сталкиваются с новыми вызовами:

– киберугрозы: атаки на системы управления критической инфраструктурой (электросети, водоснабжение) могут спровоцировать техногенные катастрофы;

– климатическая нестабильность: увеличение частоты экстремальных погодных явлений требует постоянного пересмотра планов эвакуации и стратегий защиты;

– урбанизация: рост мегаполисов создает риски «эффекта домино» при возникновении ЧС в условиях сверхплотной застройки [1, с.18].

В заключение хотелось бы сказать, государственная служба в органах противодействия чрезвычайным ситуациям иностранных государств - это динамично развивающаяся отрасль. Изучение мирового опыта (от централизованных моделей до гибких гражданских систем) показывает, что наиболее эффективными являются те государства, которые сочетают технологическую оснащенность, четкую систему координации и активное вовлечение гражданского общества.

Для успешного развития подобных структур в любой стране ключевым фактором остается инвестирование в человеческий капитал - подготовку профессионалов, способных действовать эффективно в условиях чрезвычайных ситуаций.

Библиографический список:

1. Семикин Д.В. Научно-практическая конференция «Безопасность в современном мире // Российский гуманитарный научный фонд. 2026. – С. 12-26

2. Федотова А.С. Теоретические и нормативно-правовые основы государственной политики в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Практики управления в публичном секторе: состояние и тенденции развития. Материалы региональной научно-практической конференции. - Калуга, 2025. - С. 274-288.

ЗОЛОТУХИН МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – магистрант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия.

А.Р. Сахибгареев

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются уголовно-правовые проблемы квалификации хищений бюджетных средств. Проведено разграничение мошенничества, присвоения и растраты, нецелевого расходования бюджетных средств и злоупотреблений в сфере закупок. Обоснована целесообразность совершенствования судебных разъяснений без введения самостоятельного общего состава хищения бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджетные средства, хищение, мошенничество, присвоение, растрата, закупки, нецелевое расходование, квалификация.

Защита бюджетных средств связана не только с охраной государственной и муниципальной собственности, но и с обеспечением исполнения публичных обязательств. Особенность таких посягательств состоит в том, что предмет преступления формируется и расходуется в рамках бюджетного и контрактного законодательства, а уголовно-правовая оценка зависит от конкретного способа завладения средствами. Цель исследования — определить основные критерии разграничения хищений бюджетных средств со смежными составами и сформулировать направления повышения определенности квалификации. Методологическую основу составили формально-юридический и системный методы, анализ законодательства, судебных разъяснений и научной литературы [1; 2].

В УК РФ отсутствует универсальный состав «хищение бюджетных средств». Сам по себе бюджетный источник денег не определяет квалификацию: необходимо установить способ противоправного изъятия или обращения имущества. При обмане либо злоупотреблении доверием применяются нормы о мошенничестве, а при противоправном обращении вверенного имущества — нормы о присвоении или растрате [2]. Поэтому указание в обвинении лишь на бюджетное происхождение денежных средств недостаточно. Как отмечается в научной литературе, специфика бюджетных хищений проявляется прежде всего в механизме финансирования, статусе участников и документальном оформлении движения средств [5].

При квалификации мошенничества в сфере государственных и муниципальных контрактов принципиально важно разграничивать преступный обман и гражданско-правовое неисполнение обязательства. Нарушение срока, ненадлежащее качество работ или последующая невозможность исполнить договор сами по себе не означают хищения. Для уголовной ответственности необходимо доказать, что обман использовался как средство завладения денежными средствами, а умысел на их безвозмездное обращение возник до получения имущества или права на него. Такой подход соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о необходимости устанавливать способ хищения и направленность умысла [4].

Присвоение и растрата предполагают вверенность имущества. В бюджетной сфере это требует установления конкретных полномочий лица в отношении денежных средств на соответствующей стадии их движения. Наличие должности, доступа к банковскому счету или участие в закупочной процедуре не тождественны вверенности. Необходимо определить правовое основание владения или распоряжения средствами и только после этого решать вопрос о применении ст. 160 УК РФ [2; 4].

Особое значение имеет разграничение хищения и нецелевого расходования бюджетных средств. Статья 285.1 УК РФ предусматривает ответственность за расходование бюджетных средств должностным лицом получателя на цели, не соответствующие условиям их получения [2]. Такое расходование может причинять вред установленному порядку бюджетного финансирования, но не обязательно связано с безвозмездным обращением денег в пользу виновного или иных лиц. Если же фиктивные акты, отчеты или документы о поставке используются для вывода денег, содеянное должно оцениваться исходя из фактического механизма завладения. Самостоятельная квалификация по ст. 285.1 УК РФ оправдана при наличии отдельного деяния, содержащего все признаки данного состава и не охватываемого объективной стороной хищения.

Сходная проблема возникает при соотношении хищения со ст. 200.4 УК РФ. Эта норма рассчитана на специального субъекта в сфере закупок и предполагает нарушение законодательства о контрактной

системе из корыстной заинтересованности, повлекшее крупный ущерб [2; 3]. Если нарушение закупочной процедуры причиняет ущерб, но не сопровождается безвозмездным изъятием имущества, основания для квалификации как хищения отсутствуют. Если же закупочная процедура используется как инструмент заранее спланированного завладения бюджетными деньгами, например посредством оплаты задомо невыполненных работ, приоритет получает оценка по нормам о хищении. Вопрос о совокупности должен решаться только при наличии самостоятельных признаков каждого состава [6].

Отдельной практической проблемой является определение размера похищенного при частичном исполнении контракта. Если заказчик получил результат, имеющий экономическую ценность, автоматически признавать похищенной всю цену договора неправильно. Размер хищения должен соотноситься со стоимостью оплаченного, но фактически неполученного результата либо с суммой необоснованного завышения. Гражданско-правовые штрафы, неустойка и расходы на устранение недостатков имеют иную правовую природу и не должны механически включаться в сумму похищенного. Подобный подход поддерживается в исследованиях, посвященных уголовно-правовой оценке оплаты невыполненных по государственным контрактам работ [7].

Цифровизация бюджетного процесса расширяет доказательственные возможности, однако не изменяет материальных признаков преступления. Сведения из информационных систем закупок, электронные акты, банковские операции и электронные подписи позволяют восстановить движение документов и денег, но сами по себе не доказывают наличие умысла. Цифровые данные должны использоваться для подтверждения конкретных юридически значимых обстоятельств: способа обмана, роли соучастников, момента распоряжения средствами и размера ущерба [8]. Аналитические методы выявления аномалий в закупках могут применяться как инструмент отбора рискованных операций, но не как самостоятельное основание уголовной ответственности [9].

Совершенствование уголовно-правового противодействия бюджетным хищениям целесообразно связывать не с введением нового общего состава преступления, а с повышением определенности применения уже действующих норм. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 может быть дополнено разъяснениями о разграничении хищения и неисполнения договора, расчете ущерба при частичном исполнении, оценке момента возникновения умысла при авансировании, соотношении хищения со ст. 285.1 и 200.4 УК РФ, а также об установлении использования служебного положения в многосторонних контрактных схемах [4].

Таким образом, действующая система уголовно-правовых средств позволяет квалифицировать основные формы хищения бюджетных средств, однако правоприменение осложняется сочетанием уголовных, бюджетных и контрактных отношений. Ключевое значение имеет установление реального механизма завладения имуществом, момента формирования умысла, характера вверенности, специального статуса участника закупки и фактического размера безвозмездного обращения. Последовательное применение этих критериев позволяет одновременно обеспечить охрану публичных финансов и соблюдение принципов законности и вины.

Библиографический список:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (действующая редакция).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.08.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. от 15.12.2022).
5. Чумаков А. В. Хищения в бюджетной сфере как объект криминалистического исследования // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 2. С. 294–309. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309.
6. Филатова М. А. Проблемы толкования признаков злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 3. С. 28–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.28.50.
7. Быкова Е. Г. О проблемах уголовно-правовой оценки оплаты заказчиком невыполненных по государственному контракту работ // Актуальные вопросы расследования хищений. М.: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024. С. 9–14.
8. Клещенко Ю. Г. Концептуальные основы методики расследования преступлений в финансово-бюджетной сфере: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2026. 622 с.
9. Schneider dos Santos E., Machado dos Santos M., Castro M., Tyska Carvalho J. Detection of fraud in public procurement using data-driven methods: a systematic mapping study // EPJ Data Science. 2025. Vol. 14. Art. 52. DOI: 10.1140/epjds/s13688-025-00569-3.

САХИБГАРЕЕВ АЛЬБЕРТ РИШАТОВИЧ - магистрант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия

Е.А. Полозникова

ОБЗОР ПРАВОВЫХ СИСТЕМ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

Актуальность исследования системы государственной юридической помощи обусловлена ее важной ролью в обеспечении правовой защиты граждан и реализацией принципов юридического равенства во внутренних правовых системах различных стран. В условиях глобализации, роста международных стандартов в области прав человека и разнообразия национальных традиций возникают необходимость всестороннего анализа правовых основ организации и функционирования системы юридической помощи, а также выявления эффективных моделей ее предоставления.

Ключевые слова: правовые системы, анализ, государственная юридическая помощь.

В данной статье рассмотрим три базовые модели международной правовой систематики и их влияние на формирование государственной юридической помощи. Анализ охватывает принципы организации права, источники норм и роль судебной практики, что позволяет наглядно сопоставлять континентальные (цивильные) системы, общие (англосаксонские) системы и смешанные модели. Особое внимание уделяется тому, как международное право интегрируется в национальные правовые порядки и как это влияет на доступ граждан к правовой защите.

Континентальные правовые системы основаны на кодификации и систематизации норм. Основным источником права выступают конституции, гражданские и торговые кодексы, подзаконные акты и регламенты, регулирующие различные сферы общественной жизни. Судебная власть действует в рамках установленного кодекса: судьи толкуют и применяют норму по тексту закона с акцентом на логическую систематику и последовательность правовых норм. Придерживаются как правило предписанного кодифицированного подхода, где прецеденты играют второстепенную роль и не создают юридическую норму свыше закона. Такая модель характерна для большинства стран Европы, Латинской Америки, части Азии и Африки, что обеспечивает прозрачность и предсказуемость правовых актов.

Общие правовые системы основаны на роли судебной практики как источника права и развитии прецедентного права. Здесь законодательство существует в виде наборов актов, но толкование и развитие норм во многом зависят от решений судов. Принцип верховенства конституции сочетает законотворчество с динамикой судебной доктрины: суды устанавливают правовые стандарты, которые впоследствии учитываются парламентом, при этом нередко допускается широкая судебная интерпретация прав граждан. В таких системах характерна гибкость правовых норм и адаптивность к новым ситуациям, что особенно важно в сфере защиты прав человека и медицинской помощи, однако высокий уровень неопределенности может создавать риски для стабильности правовых режимов. Примеры включают англоязычные страны, а также ряд бывших колоний, сохраняющих значительное влияние общего права на формирование судебной политики.

Смешанные правовые системы объединяют элементы континентальной и общей моделей. Такое сочетание встречается в Южной Африке, Шотландии, Японии и ряде стран Латинской Америки, где кодифицированные источники сосуществуют с развитыми прецедентами, а роль суда варьируется от значимой до умеренной. Характерной чертой является использование нескольких источников права: конституции, коды, судебные решения и международные договоры интегрируются в единый правовой порядок. Смешанные системы часто адаптируют элементы иностранных моделей под локальные условия, что способствует инновациям в правовой практике, но требует устойчивой правовой инфраструктуры и высокого уровня юридической культуры для поддержания предсказуемости правоприменения.

Итогом является то, что различия между системами обуславливают разную роль законодательства и судебной практики в обеспечении государственной юридической помощи.

Таким образом, анализ основных правовых систем мира демонстрирует, что различия в структурах, источниках и институтах обуславливают различные парадигмы организации государственной юридической помощи, а международное право выступает как фактор развития и модернизации внутреннего

© Е.А. Полозникова, 2026.

Научный руководитель: *Мещерягина Вероника Александровна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, Россия.

законодательства, требующий учета национальной специфики и условий реализации прав граждан на юридическую защиту.

Какое оказывается влияние национальных правовых традиций на систему помощи

Национальные правовые традиции оказывают устойчивое влияние на организацию государственной юридической помощи, формируя принципы финансирования, роли субъектов системы и способы доступа граждан к услугам. В рамках цивилистических систем доминируют централизованные механизмы распределения ресурсов и регламентированные процедуры, ориентированные на единый правовой кодекс и формальные правила толкования норм. В англосаксонских системах наблюдается более децентрализованный характер предоставления помощи, сильнее выражена роль независимых практиков и негосударственных организаций, а финансирование часто сочетает государственные программы и частные инициативы. Смешанные системы объединяют элементы обеих традиций, стремясь адаптировать международные стандарты к локальным условиям и повысить гибкость доступа к услугам. Эти различия оказываются в повседневной практике: от структуры управления программами и уровней финансирования до критериев доступности, видов услуг и подходов к толкованию правовых норм.

Рассматривая параллели между национальными системами государственной юридической помощи, проявляются в общей цели обеспечить доступ граждан к квалифицированной правовой поддержке и тем самым способствовать справедливости судебного процесса. Во многих странах реализуется сочетание государственных институтов, некоммерческих организаций и частноправовых партнерств, что позволяет охватить разные группы населения и разнообразить формы оказания услуг. Общие тенденции включают расширение рамок для оказания бесплатной или субсидированной помощи, внедрение стандартов качества, повышение транспарентности и развитие цифровых сервисов, направленных на упрощение доступа к консультациям и представлению интересов в суде. В рамках данного подраздела критически анализируются сходства в целях, принципах организации, методах отбора дел и мониторинга эффективности.

Системы юридической помощи чаще всего опираются на сходные базовые принципы: доступность, объективность отбора дел, качество юридической помощи, защиту прав уязвимых групп и возможность контроля за расходованием бюджетных средств. Во многих странах сохраняется ориентация на предоставление не только консультативной поддержки, но и представления интересов граждан в судебных процедурах, особенно в отношении основных споров и защиты базовых прав. Подобные принципы закрепляются через нормативно-правовые акты, регламентирующие организацию служб правовой помощи, требования к персоналу, а также механизмы контроля за эффективностью исполнения услуг. Этапы оказания помощи, от первичной консультации до судебного представительства, часто стандартизированы внутри страны и подвергаются регулярной оценке.

Ключевые различия между правовыми системами в контексте государственной юридической помощи проявляются в организации структур, источниках финансирования и масштабах охвата. Ниже приводится краткая ориентация по характерным моделям, без детализированного описания конкретных стран: континентальная (цивильная) система часто предполагает более централизованную структуру финансирования и регулятивную роль государства в базовых гарантиях правовой помощи; услуга часто распространяется на ключевые группы граждан и регулируется едиными стандартами; англосаксонская (общего права) модель обычно характеризуется большей ролью профориентации и сотрудничества с неправительственными организациями, в рамках которых государство поддерживает определенные программы, но судебное представительство может структурироваться через публичных защитников и частных адвокатов на условиях оплаты или субсидирования; смешанные системы сочетают элементы обеих моделей, допуская гибкую комбинацию государственных учреждений, независимых агентств и негосударственных партнерств для расширения охвата и адаптации к локальным условиям.

Эффективность предоставления услуг во всех моделях во многом определяется устойчивостью финансирования, управленческими процедурами и доступностью процедуры подачи заявок. Важной становится роль регуляторов и надзорных органов, которые формируют стандарты качества, обеспечивают прозрачность распределения ресурсов и мониторинг результатов. Влияние институциональных механизмов финансирования проявляется в скорости обработки дел, уровне покрытия по регионам, способности справляться с кризисными нагрузками и устойчивости программ в условиях экономических колебаний. Наблюдается тенденция перехода к более профилактическим и технологичным формам оказания помощи: онлайн-консультации, электронные очереди, расширение правовой информированности, что влияет на доступность и удовлетворенность граждан.

Библиографический список:

1. И. В. Евсеев, В. Ю. Кузовлев. Историко-правовые основы восприятия обществом понятий институтов правопорядка в России // *Ius Publicum et Privatum*. 2025. URL: https://pravojournal.ru/wp-content/uploads/2025/03/01_1_29_2025_%D0%95%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%98.-%D0%92.-%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2-%D0%92.-%D0%AE..pdf
2. Н. И. Дорохов. Цифровизация в сфере публичной власти: правовые основы и проблемные аспекты // *Vestnik of Russian New University. Series "Man...."*. 2025. URL: <https://vestnik-ros-nou.ru/%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA-%D0%B8-%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-human-and-society/2025/1/62>
3. Б. А. Орозбаева, Н. А. Акимбеков. Юридическая помощь и его роль в защите прав и свобод человека // *ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ*. 2022. URL: <https://doicodex.ru/doi/10.21203/2222-375.pdf>
4. А. А. Газгиреев, А. А. Куйсоков. Обеспечение права граждан на юридическую помощь // *ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ*. 2023. URL: <https://doicodex.ru/doi/10.21203/2023-257.pdf>
5. Иван Иванович Котляров. Новый учебник – новые подходы. Международное право: Учебник / Отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 944 с. // *Moscow Journal of International Law*. 2021. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/1483>
6. А. А. Вычугжанина. Международное право в схемах (Панов В. П. Международное право. Учебные материалы. - М.: ИНФРА, 1997. - 192 с.) // *Moscow Journal of International Law*. 2021. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/1798>

ПОЛОЗНИКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – студент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

К.Т. Садритдинова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 121 УК РФ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, возникающие при квалификации заражения венерической болезнью (ст. 121 УК РФ). Анализируются бланкетный характер понятия «венерическая болезнь», содержание признака «знавшим о наличии у него этой болезни», допустимые формы вины, значение согласия потерпевшего, содержание квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 121 УК РФ, а также правила ограничения данного состава от смежных преступлений и административного правонарушения. Автором сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: заражение венерической болезнью, ст. 121 УК РФ, специальный субъект, форма вины, согласие потерпевшего, квалификация, смежные составы.

Первостепенно отметим, что ст. 121 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] устанавливает ответственность за заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни (ч. 1), а также за то же деяние, совершённое в отношении двух или более лиц либо в отношении несовершеннолетнего (ч. 2). Норма расположена в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», что определяет её основной непосредственный объект – здоровье человека. В доктрине существует мнение, что состав относится к числу редко применяемых. [9, с.166] Между тем заболеваемость инфекциями, передающимися половым путём (далее – ИППП), остаётся значимой медико-социальной проблемой: Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 такие инфекции включены в перечень социально значимых заболеваний. [5] Разрыв между эпидемиологической ситуацией и практикой применения ст. 121 УК РФ во многом объясняется неопределённостью ряда признаков состава, что и порождает спорные вопросы квалификации.

Первый и, пожалуй, наиболее острый спорный вопрос – определение круга заболеваний, заражение которыми образует состав ст. 121 УК РФ. Уголовный закон термин «венерическая болезнь» не раскрывает, а действующее медицинское законодательство его практически не использует. В Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), применяемой в Российской Федерации, используется рубрика A50–A64 «Инфекции, передающиеся преимущественно половым путём», которая включает сифилис, гонококковую инфекцию, хламидийные инфекции, шанкроид (мягкий шанкр), паховую гранулёму (донованоз), трихомониаз, аногенитальную герпетическую инфекцию, аногенитальные (венерические) бородавки и другие.

Как отмечает Гончарь А.А., «в медицине следует выделять «классические» венерические заболевания (сифилис, гонорея, мягкий шанкр, венерический лимфогранулематоз, паховая гранулема и т. д.), заражение которыми запрещено» [8, с.28], что отражает узкий (классический) подход.

Широкий подход исходит из того, что понятие «венерическая болезнь» является родовым и охватывает все инфекции. Сторонники этой позиции ссылаются на то, что законодатель, сохраняя устоявшийся термин, не ограничил его перечнем и что общественная опасность заражения, например, хламидиозом (способным привести к бесплодию) не ниже, чем заражения гонореей. Видится, что согласно Международной классификации болезней, широкий подход действительно имеет место быть.

Практика идёт по пути назначения судебно-медицинской экспертизы с привлечением врача-дерматовенеролога, который и решает, относится ли выявленное заболевание к венерическим. Тем самым решение уголовно-правового вопроса фактически делегируется эксперту, что вступает в противоречие с принципом законности (ст. 3 УК РФ), требующим определённости уголовно-правового запрета. [9, с.167]

Отдельные споры вызывает вопрос о заболеваниях, передающихся половым путём, но не относящихся к «венерическим» в собственном смысле: вирусные гепатиты В и С, ВИЧ-инфекция и др. Единственно признаётся, что ВИЧ-инфекция не является венерической болезнью – она выделена в самостоя-

© К.Т. Садритдинова, 2026.

Научный руководитель: *Штефан Алёна Владимировна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

тельный состав ст. 122 УК РФ. Заражение гепатитом при половом контакте под ст. 121 УК РФ не подпадает и может квалифицироваться лишь по статьям о причинении вреда здоровью при наличии соответствующих признаков.

Представляется, что оптимальным решением было бы закрепление в примечании к ст. 121 УК РФ отсылки к перечню заболеваний, утверждаемому Правительством РФ, либо замена термина «венерическая болезнь» формулировкой «инфекция, передающаяся преимущественно половым путём» с одновременным утверждением закрытого перечня. Аналогичный приём законодатель уже использует в ст. 236 УК РФ применительно к санитарно-эпидемиологическим правилам.

Состав рассматриваемого преступления является материальным: обязательным признаком выступает наступление последствия в виде заражения потерпевшего, то есть внесения в его организм возбудителя болезни, приведшего к заболеванию. Само по себе поставление в опасность заражения, в отличие от ч. 1 ст. 122 УК РФ, уголовно не наказуемо и при определённых условиях образует лишь административное правонарушение по ст. 6.1 КоАП РФ «Соккрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью и контактов, создающих опасность заражения». [3]

Дискуссионен, как видится, вопрос об обратном заражении: если лицо А заразило лицо Б, а затем, пройдя лечение, вновь было заражено лицом Б, – подлежит ли Б ответственности по ст. 121 УК РФ? Формально все признаки состава налицо, если Б знал о своём заболевании. Согласие сторон, как будет показано ниже, ответственности не исключает.

Далее отметим, что субъект преступления – специальный, т.е. физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, страдающее венерической болезнью и знающее об этом. Также, законодатель прямо не указал форму вины, поэтому применяются правила ч. 2 ст. 24 УК РФ: деяние, совершённое по неосторожности, признаётся преступлением лишь тогда, когда это специально предусмотрено в статье Особенной части. Буквальное толкование приводило бы к выводу об исключительно умышленном характере состава. Однако господствующая доктрина и судебная практика исходят из того, что признак «знавшим о наличии болезни» относится к осознанию свойств субъекта, а не к отношению к последствию, поэтому заражение возможно: [9, с.166]

- с прямым умыслом (лицо желает заразить, например, из мести);
- с косвенным умыслом (лицо сознательно допускает заражение или относится к нему безразлично – наиболее типичная ситуация);
- по легкомыслию (лицо предвидит возможность заражения, но без достаточных оснований рассчитывает на его предотвращение – использование средств защиты, «неактивная фаза» болезни и т.п.).

Небрежность исключается, поскольку лицо, знающее о болезни и вступающее в половой контакт, не может не предвидеть возможности заражения.

Такое понимание получило косвенное подтверждение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». [6] Разъясняя п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ, Пленум указал, что ответственность за заражение потерпевшего венерическим заболеванием наступает, когда лицо знало о наличии у него заболевания, предвидело возможность или неизбежность заражения и желало или допускало такое заражение, а равно когда оно предвидело возможность заражения, но самонадеянно рассчитывало на предотвращение этого последствия. Поскольку признак сконструирован идентично ст. 121 УК РФ, данное разъяснение по аналогии толкования применимо и к самостоятельному составу.

Вместе с тем позиция о двойной (умышленной и неосторожной) форме вины в одном простом составе критикуется как противоречащая ч. 2 ст. 24 УК РФ. Для устранения неопределённости целесообразно прямо указать в тексте ст. 121 УК РФ на умышленную форму вины либо на возможность легкомыслия.

После принятия Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ ст. 122 УК РФ была дополнена примечанием, согласно которому лицо освобождается от ответственности, если другое лицо было своевременно предупреждено о наличии у него ВИЧ-инфекции и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения. Возникает очевидный вопрос: почему заражение неизлечимой на сегодняшний день ВИЧ-инфекцией при информированном согласии ненаказуемо, а заражение излечимой гонореей при том же согласии влечёт уголовную ответственность? [7, с.92]

Видится, что согласие не имеет уголовно-правового значения до внесения изменений в закон, но может учитываться при назначении наказания либо служить основанием прекращения дела по реабилитирующим основаниям (ст. 25, 25.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [4], ст. 76, 76.2 УК РФ).

Однако, по нашему мнению, примечание, аналогичное примечанию к ст. 122 УК РФ, должно быть включено и в ст. 121 УК РФ. Здоровье как объект уголовно-правовой охраны в части излечимых заболеваний в большей степени, чем в части ВИЧ-инфекции, может быть предметом распоряжения самого лица.

Также отметим, что после изменения ч. 1 ст. 17 УК РФ Федеральным законом от 21.07.2004 № 73-ФЗ совокупность преступлений отсутствует, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьёй Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Следовательно, заражение двух лиц – независимо от того, охватывались ли оба заражения единым умыслом и были ли они совершены одновременно, – квалифицируется по ч. 2 ст. 121 УК РФ как единое преступление. Спорным остаётся вопрос о квалификации при наличии за одно из заражений вступившего в законную силу приговора: повторное заражение после осуждения по ч. 1 образует самостоятельное преступление по ч. 1, а не по ч. 2 (признак «двух или более лиц» относится к одному преступлению, а не к рецидиву).

Важно, что текст ст. 121 УК РФ никогда не содержал указания на заведомость. Возникает вопрос, требуется ли установить осознание виновным возраста потерпевшего. Пленум ВС РФ в п. 22 Постановления от 04.12.2014 № 16 применительно к половым преступлениям указал, что квалификация по признаку совершения деяния в отношении несовершеннолетнего возможна, лишь если виновный знал или допуская, что потерпевший не достиг 18 лет. Принцип вины (ст. 5 УК РФ) требует распространить этот подход и на ст. 121 УК РФ: объективное вменение возраста недопустимо. Если виновный добросовестно заблуждался относительно возраста потерпевшего, содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 121 УК РФ.

Также рассмотрим соотношение со ст. 122 УК РФ, где составы различаются по предмету заражения. При одновременном заражении потерпевшего ВИЧ-инфекцией и венерической болезнью образуется совокупность преступлений по ст. 121 и ч. 2 (3, 4) ст. 122 УК РФ, поскольку ни один из составов не охватывает другой, что важно учитывать. Согласно п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16, заражение потерпевшего венерическим заболеванием при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 131 или п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 121 УК РФ не требуется. Иное решение вопроса – при половом сношении с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК РФ), и при развратных действиях (ст. 135 УК РФ): данные статьи квалифицирующего признака заражения не содержат, поэтому содеянное образует совокупность со ст. 121 УК РФ (при наличии признаков – с ч. 2 по признаку несовершеннолетия).

Отдельно отметим, что административная ответственность наступает за сокрытие лицом, больным венерической болезнью, источника заражения и контактов, создающих опасность заражения, то есть за нарушение обязанностей, предусмотренных законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии. Административное правонарушение является формальным и не требует наступления последствий; при фактическом заражении наступает уголовная ответственность, а сокрытие контактов может дополнительно образовывать административное правонарушение.

Проявленное выше исследование выявило ряд системных проблем правового регулирования. Понятие «венерическая болезнь» лишено нормативно закреплённого перечня заболеваний, что нарушает требование правовой определённости и фактически передаёт эксперту функцию определения предмета преступления, – это требует утверждения соответствующего перечня, к которому отсылало бы примечание к статье. Признак осведомлённости виновного о своей болезни следует толковать как фактическое, а не только официально подтверждённое знание; при этом состав охватывает прямой и косвенный умысел и легкомыслие, но не небрежность, что нужно прямо закрепить в диспозиции во избежание коллизии с ч. 2 ст. 24 УК РФ. Кроме того, отсутствие в ст. 121 УК РФ примечания об информированном согласии потерпевшего, аналогичного ст. 122 УК РФ, представляет собой пробел, который нельзя восполнять аналогией закона, а следует устранить путём дополнения нормы. Отдельного внимания требует квалифицирующий признак несовершеннолетия потерпевшего: его вменение возможно лишь при доказанности осознания или допущения виновным соответствующего возраста, что вытекает из принципа субъективного вменения. Наконец, разграничение составов при причинении вреда здоровью иной тяжести и при сопряжённости заражения с половыми преступлениями должно строиться на общих правилах квалификации: тяжкий и средней тяжести вред квалифицируется по нормам о преступлениях против здоровья, а заражение при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера полностью охватывается п. «в» ч. 2 ст. 131 и 132 УК РФ. Представляется целесообразным принятие Пленумом Верховного Суда РФ нового разъяснения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 121 и 122 УК РФ. Такое разъяснение позволило бы устранить выявленные противоречия и восполнить существующие пробелы правоприменительным путём, не дожидаясь внесения соответствующих изменений в уголовный закон.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – Текст : непосредственный.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
5. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.12.2004. – № 49. – Ст. 4916.
6. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 (ред. от 21.05.2026) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.
7. Барина А. Н. Уголовная ответственность за заражение венерическими заболеваниями. Некоторые сложные вопросы и пути их решения // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 92-102.
8. Гончарь А. А. Проблемы квалификации заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией // Вестник науки и образования. – 2025. – № 12 (167)-1. – С. 28-32.
9. Юанов А. Х. Место и значение преступления, предусмотренного ст. 121 УК РФ, в системе преступлений против личности // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 166-173.

САДРИТДИНОВА КАРИНА ТАНИФОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

К.А. Никитина

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

В статье рассматриваются наиболее дискуссионные проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности по законодательству Российской Федерации. Анализируются критерии отграничения ст. 109 УК РФ от убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), от невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ), а также проблемы конкуренции общей нормы ст. 109 УК РФ со специальными составами, предусматривающими неосторожное причинение смерти в качестве квалифицирующего признака. Особое внимание уделено квалификации ятрогенных преступлений по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Ключевые слова: причинение смерти по неосторожности, легкомыслие, небрежность, невиновное причинение вреда.

Причинение смерти по неосторожности занимает особое место в системе преступлений против жизни. С одной стороны, оно посягает на высшее конституционное благо – жизнь человека (ст. 20 Конституции РФ) [1], с другой – характеризуется наименьшей степенью вины среди всех посягательств на жизнь, что предопределяет сравнительно мягкую санкцию ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). [2] Именно этот «разрыв» между тяжестью последствия и мягкостью наказания порождает основную массу квалификационных споров: следствие и суды нередко склоняются к «более тяжкой» квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ либо, напротив, необоснованно смягчают оценку содеянного.

Изначально отметим, что ст. 109 УК РФ содержит три части: основной состав (ч. 1), квалифицированный состав – причинение смерти вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2) и особо квалифицированный – причинение смерти двум или более лицам (ч. 3).

Субъективная сторона определяется через ст. 26 УК РФ: легкомыслие (лицо предвидело возможность наступления смерти, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывало на её предотвращение) и небрежность (лицо не предвидело возможности наступления смерти, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло её предвидеть). [17, с.275] Н.А. Лопашенко отмечает, что «к «вечным» проблемам относится проблема уголовной ответственности за деяния, совершенные по преступной небрежности, которая является, как известно, разновидностью неосторожной вины» [15, с.72]. С данным мнением нельзя не согласиться.

Таким образом, важное значение имеет и норма ст. 28 УК РФ о невиновном причинении вреда, отграничивающая неосторожность от казуса. Согласно ч. 1 ст. 28 УК РФ деяние признаётся совершённым невиновно, если лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий либо не предвидело возможности наступления последствий и не должно было или не могло их предвидеть.

Переходя к тем самым спорным вопросам, первоначально выделим проблему отграничения от убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, т.е. разграничение ст. 109 УК РФ с ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ. Все три состава объединены общим последствием – смертью потерпевшего, а различие лежит исключительно в субъективной стороне [14, с.271].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 3) указал, что при решении вопроса о направленности умысла следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. [8] Также, эти же критерии применяются и при отграничении ч. 4 ст. 111 УК РФ от ст. 109 УК РФ.

© К.А. Никитина, 2026.

Научный руководитель: *Штефан Алёна Владимировна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Видится, что ключевое различие формулируется так: при ч. 4 ст. 111 УК РФ имеет место двойная форма вины (ст. 27 УК РФ) – умысел на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожность в отношении смерти; при ст. 109 УК РФ отношение ко всем последствиям, включая вред здоровью, является неосторожным. Следовательно, для квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ необходимо установить, что лицо желало или сознательно допускало причинение именно тяжкого вреда здоровью.

Наиболее типичной является ситуация так называемого «одного удара»: виновный наносит удар кулаком в лицо, потерпевший падает, ударяется головой о твёрдую поверхность и погибает от черепно-мозговой травмы. Судебная практика здесь достаточно устойчива: если смерть наступила не непосредственно от удара, а от соударения головы с покрытием при падении, и при этом отсутствуют данные о том, что виновный предвидел и желал причинения тяжкого вреда (удар не был нанесён с большой силой, орудием, в область жизненно важных органов, не сопровождался иными действиями), содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 109 УК РФ. К примеру, рассмотрим решение районного суда г. Златоуста Челябинской области по делу № 1-344/2011. [10] Фабула дела следующая: В 2011 году, в г.Златоусте 19-летний кандидат в мастера спорта по боксу А. ударил молодого человека, тот упал и ударился головой о плитку. Через пять дней потерпевший скончался в больнице. Гражданина А. обвинили по ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) и приговорили к 1 году 4 месяцам лишения свободы условно. Неоднократно в практике встречались случаи переквалификации действий осуждённых с ч. 4 ст. 111 на ч. 1 ст. 109 УК РФ именно по мотиву того, что умыслом виновного не охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью; падение потерпевшего и удар головой явились случайным для осуждённого развитием причинной связи, которое он при необходимой внимательности должен был и мог предвидеть. [11]

Вместе с тем в доктрине эта практика критикуется с противоположных позиций. Ряд авторов отмечают, что нижестоящие суды фактически применяют «презумпцию умысла на тяжкий вред»: сам факт нанесения удара в голову толкуется как доказательство направленности умысла на тяжкий вред, что противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ) и запрету объективного вменения. Напротив, В.В. Хилюта, например, указывал, что удар кулаком в голову взрослого человека, стоящего на асфальте, сопряжён с очевидной для любого лица возможностью падения и тяжёлой травмы, а потому речь может идти о неконкретизированном (неопределённом) умысле на причинение вреда здоровью, который должен квалифицироваться по фактически наступившим последствиям. [18, с.112]

Представляется, что разрешение спора должно основываться на следующем. Умысел на причинение тяжкого вреда здоровью не может презюмироваться; его следует доказывать через объективные признаки деяния. Удар кулаком, не сопряжённый с использованием орудия, повторностью, особой силой или нанесением лежащему потерпевшему, по общему правилу свидетельствует об умысле лишь на причинение боли либо лёгкого вреда, тогда как отношение к смерти – неосторожное. При этом суд обязан мотивировать, почему исключается вина в форме умысла в отношении тяжкого вреда, а не ограничиваться формальной ссылкой на «характер и локализацию» повреждений.

Отдельно следует упомянуть спор об отграничении ст. 109 УК РФ от убийства с косвенным умыслом. [16, с.685] Различие между легкомыслием и косвенным умыслом проводится по признаку расчёта на предотвращение последствий: при легкомыслии виновный рассчитывает на конкретные обстоятельства (собственные навыки, действия других лиц, свойства обстановки), тогда как при косвенном умысле он относится к последствию безразлично либо надеется «на авось», что важно учитывать при вопросах квалификации.

Второй пласт спорных вопросов связан с понятием профессиональных обязанностей (ч.2 ст. 109 УК РФ). Первоначально рассмотрим содержание признака «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей». Часть 2 ст. 109 УК РФ предусматривает специальный субъект – лицо, исполняющее профессиональные обязанности. Легального определения понятия «профессиональные обязанности» уголовный закон не содержит. [12, с.38] При этом Президиум Верховного Суда РФ в 2015 г. разъяснил применительно к ч. 2 ст. 109 УК РФ понятие «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей» – это полностью или частично не соответствующее официальным требованиям поведение должностного лица, повлёкшее смерть потерпевшего. Для привлечения к ответственности по этой статье необходимо установить конкретные правовые предписания, регламентирующие поведение лица в соответствующей профессиональной сфере: при их отсутствии состав преступления отсутствует. [9]

То есть, обязанности должны вытекать из выполняемой лицом работы (трудовой функции), а не из общегражданских правил предосторожности. Так, воспитатель детского сада, оставивший детей без присмотра, инструктор по плаванию, охранник, электрик, работник аттракциона – все они признаются субъектами ч. 2 ст. 109 УК РФ. В то же время лицо, выполняющее разовую работу по устной договорённости без соответствующей квалификации, оценивается судами неоднозначно. Представляется, что определяющим должно быть не формальное наличие документов, а то, что общество вправе ожидать от лица, взявшегося за выполнение определённой функции, повышенного стандарта и профессионализма.

Помимо прочего, ст. 109 УК РФ является общей нормой по отношению к многочисленным специальным составам, в которых неосторожное причинение смерти выступает квалифицирующим признаком: ч. 3-6 ст. 264 (нарушение правил дорожного движения), ч. 2, 3 ст. 143 (нарушение требований охраны труда), ч. 2, 3 ст. 216, ч. 2, 3 ст. 217, ч. 2, 3 ст. 219 (пожарная безопасность), ч. 2 ст. 293 (халатность), ч. 2, 3 ст. 238, ч. 2 ст. 124 УК РФ и др. В силу ч. 3 ст. 17 УК РФ при конкуренции общей и специальной нормы применяется специальная.

Однако границы специальных норм не всегда очевидны, что и порождает проблемы. Верховный Суд РФ дал ряд важных разъяснений:

В постановлении Пленума от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств...» (п. 4) указано, что действия водителя, повлекшие смерть не в результате нарушения правил дорожного движения, а при погрузке, разгрузке, ремонте транспортного средства, производстве строительных, дорожных, сельскохозяйственных и иных работ, квалифицируются не по ст. 264, а по статьям о преступлениях против личности либо о нарушении правил производства работ. [4] Иными словами, водитель, придавивший человека при маневрировании на стройплощадке вне дорожного движения, отвечает по ст. 109 УК РФ.

В постановлении Пленума от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда...» разъяснено, что субъектом ст. 143 УК РФ является лицо, на которое возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда. [5] Если же нарушение допущено рядовым работником, не наделённым такими обязанностями, и оно повлекло смерть другого лица, содеянное квалифицируется по ст. 109 УК РФ (при наличии признаков – по ч. 2).

В постановлении Пленума от 05.06.2002 № 14 применительно к неосторожному обращению с огнём разъяснено, что при наступлении смерти человека в результате неосторожного уничтожения имущества содеянное квалифицируется по совокупности ст. 168 и ст. 109 УК РФ, поскольку ст. 168 не охватывает данное последствие. [6]

Дискуссионным остаётся соотношение ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая смерть). Должностное лицо одновременно является и лицом, исполняющим профессиональные обязанности. В доктрине преобладает позиция, согласно которой если смерть наступила в результате ненадлежащего исполнения именно должностных (организационно-распорядительных, административно-хозяйственных) полномочий, применяется ст. 293 УК РФ; если же должностное лицо (например, врач – заведующий отделением) допустило ошибку при выполнении профессиональных (лечебных) функций, применяется ч. 2 ст. 109 УК РФ. [13, с.21]

Наиболее резонансной категорией дел по ч. 2 ст. 109 УК РФ являются дела о смерти пациентов в результате дефектов медицинской помощи. Здесь сконцентрированы едва ли не все проблемы неосторожного причинения смерти. Во-первых, проблема нормативного основания объективного критерия небрежности. Обязанности врача определяются порядками оказания медицинской помощи, клиническими рекомендациями и стандартами (ст. 37 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). [3] Однако, все же стоит учитывать, что медицина и по сей день остаётся сферой допустимого профессионального риска (ст. 41 УК РФ), и не каждое отступление от рекомендаций свидетельствует о вине.

Видится, что существует проблема причинной связи. Судебно-медицинская экспертиза нередко оперирует понятиями «прямая» и «непрямая (косвенная)» причинная связь между дефектом помощи и смертью. Суды, как правило, признают состав преступления лишь при установлении прямой связи; при косвенной связи (когда дефект не позволил предотвратить смерть от заболевания, но не вызвал её) практика противоречива. Представляется, что для бездействия (неоказание надлежащей помощи) вопрос должен решаться через категорию реальной возможности предотвращения смерти: если своевременное и правильное лечение с высокой степенью вероятности сохранило бы жизнь, причинная связь имеется. Возникает проблема конкуренции с ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьёй 238 УК РФ» ограничил такую практику, указав на необходимость установления умысла на оказание небезопасной услуги и реальной опасности услуги для жизни или здоровья. [7] Следовательно, неосторожная врачебная ошибка при добросовестном стремлении оказать помощь охватывается ч. 2 ст. 109 УК РФ, а не ст. 238 УК РФ.

Вышеназванное позволяет сформулировать следующие выводы в рамках проведенного исследования:

1. Основной массив квалификационных ошибок по ст. 109 УК РФ связан с установлением субъективной стороны. Практика «презумпции умысла на тяжкий вред» в делах о падении потерпевшего противоречит принципу вины; квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ допустима лишь при доказанности умысла на причинение именно тяжкого вреда здоровью, выводимого из объективных признаков деяния.

2. Понятие «профессиональные обязанности» в ч. 2 ст. 109 УК РФ нуждается в легальном или разъяснительном закреплении. Целесообразно принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвящённого неосторожным преступлениям против жизни и здоровья, с разъяснением содержания данного признака, правил конкуренции с специальными нормами и критериев причинной связи при бездействии.

3. Несоразмерность санкций ч. 1 ст. 109 УК РФ и специальных норм о неосторожном причинении смерти нарушает системность уголовного закона и требует законодательной корректировки – либо путём усиления санкции общей нормы, либо путём унификации санкций специальных составов.

4. Применительно к ятрогенным преступлениям следует придерживаться позиции, согласно которой неосторожная врачебная ошибка при добросовестном лечении охватывается исключительно ч. 2 ст. 109 УК РФ; применение ст. 238 УК РФ допустимо лишь при доказанности умысла на оказание небезопасной услуги.

В итоге, следует отметить, что решение обозначенных проблем требует согласованных усилий законодателя, Верховного Суда РФ и отражения трудов ученых в доктрине, поскольку именно в сфере неосторожных посягательств на жизнь наиболее остро проявляется конфликт между потребностью общества в справедливом возмездии и принципом субъективного вменения.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 1.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 8.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 8.
8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2015 (ред. от 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 3; 2016. – № 4.
10. Решение районного суда г. Златоуста Челябинской области по делу № 1-344/2011 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2026).
11. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 27 ноября 2012 г. по делу № 1-264/12 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2026).
12. Горбцова Ю. О. К вопросу об определении понятия «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей» (на примере ст. ст. 109 и 118 УК РФ) // Криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 38-43.
13. Дмитренко В. И. Смерть пациента: проблемы разграничения смежных составов Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 4 (79). – С. 21-26.
14. Дубровин А. С. Уголовно-правовая сущность причинения смерти по неосторожности // Epomen.Global. – 2026. – № 75. – С. 271-277.
15. Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 9 (178). – С. 72-83.
16. Поздняева А. Д. Проблемы отграничения простого убийства от его смежных составов // Вестник науки. – 2026. – Т. 1, № 6 (99). – С. 685-695.
17. Сорокин А. И. Проблемы установления субъективной стороны в статье 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 275-277.

18. Хилута В. В. Виды умысла в уголовном праве: вопросы квалификации : монография / Москва : Проспект, 2025. – 288 с.

НИКИТИНА КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

А.Н. Баркова

РАЗДЕЛ ДОЛЕЙ И АКЦИЙ КАК ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются проблемные вопросы раздела долей как общего имущества в случае расторжения брака. Подчеркивается существование возможности обхода закона при разделе имущества и банкротстве супруга, требующей юридической доработки. Автор формулирует рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства в обозначенной сфере, в частности сделать обязательным внесение в ЕГРЮЛ сведений о том, что доля является общим имуществом супругов, а также обязать лиц, состоящих в браке или планирующих его заключение, заключать брачный договор при намерении приобрести доли (акции).

Ключевые слова: Раздел общего имущества, доля в уставном капитале, хозяйственное общество, корпоративные права.

В современных реалиях существенную часть совместно нажитого имущества супругов нередко составляют корпоративные активы - доли в ООО и акции АО. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ они признаются совместной собственностью [1] и по общему правилу делятся поровну, однако их специфика осложняет реализацию этого принципа. Доля или пакет акций – это не просто имущество, а комплекс корпоративных прав, оборот которых регулируется гражданским и корпоративным законодательством и опосредован уставом общества, преимущественными правами иных участников.

В результате супруг, не являющийся участником, зачастую не может войти в их состав и вынужден претендовать на денежную компенсацию, что порождает споры о справедливой оценке актива. Судебная практика по таким делам остаётся неоднородной, а действующее законодательство не содержит специальных механизмов для учёта особенностей раздела бизнес-активов. Статья посвящена анализу ключевых проблемных аспектов российского законодательства в этой сфере и поиску возможных путей их разрешения.

Определенные нюансы существуют в рамках раздела имущества, сопряженного с банкротством одного из супругов. В одном из дел суд отказал в «удовлетворении исковых требований финансового управляющего к ФИО16 о разделе совместно нажитого имущества, поскольку доля в ООО «Авантаж» получена ФИО16 в период брака по безвозмездной сделке, в связи с чем, не может быть признана совместно нажитым имуществом супругов, а является личным имуществом ФИО16». [2]

Фабула такова: супруг получил долю по договору дарения (то есть безвозмездно), даритель является его матерью. Получается, что существует некая лазейка для обхода закона: доля может быть приобретена номинально на имя родителя, чтобы в дальнейшем сохранить такую долю при расторжении брака и банкротстве. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости вмешательства законодателя или корректировки соответствующей судебной практики, более детального внимания к «цепочке» перехода доли.

Продолжая исследование, укажем, что у другого супруга, на имя которого доля не приобретена, отсутствуют корпоративные права, на этот аспект обращается внимание как в литературе, так и в судебной практике. [3] Получается, что имущественный интерес второго супруга в такой доле в некоторых ситуациях может быть реализован лишь в случае расторжения брака и раздела имущества.

По нашему мнению, необходимо выработать такой законодательный механизм, который позволит максимально соблюсти интересы второго супруга. Самым простым в реализации видится вариант введения обязательной «отметки» в ЕГРЮЛ о том, что доля является общим имуществом. Такое нововведение не «пошатнет» корпоративное управление в обществе, не даст чрезмерных прав супругу-неучастнику общества. Однако это может помочь снизить риск недобросовестного поведения первого супруга.

Другой важной проблемой является размер действительной стоимости доли. Зачастую её размер является ничтожным по сравнению с вкладом супруга в развитие бизнеса и такая выплата носит формальный характер. Обратимся к мнению авторов, которые, исследуя правовые проблемы раздела семейного бизнеса в целом (в широкой его трактовке, речь не только про доли и акции) приходят к выводу о

том, что «следует обязать супругов, ведущих предпринимательскую деятельность, совместно или единолично, заключать брачный договор для обособления имущества». [4]

Мы полагаем, данную мысль полезно было бы практически реализовать в сфере раздела между супругами долей. Имеются в виду две ситуации: если лица (или одно из них), планирующих заключить брак, имеют доли в уставном капитале, акции; если лица (или одно из них) уже заключили брак и спустя время планируют приобретение долей (акций).

Так, можно было бы ввести обязательную норму о том, что супруги в описываемых случаях должны заключить брачный договор, условия которого могут быть диспозитивны. Для лиц, уже состоящих в гражданском браке, можно предложить льготный срок для заключения такого договора – например, два месяца со дня внесения соответствующих изменений о приобретении доли в ЕГРЮЛ. Такое нововведение может способствовать более эффективной защите прав и законных интересов супруга, на имя которого доля не будет приобретена, но он (или она) будет осуществлять какой-либо вклад в развитие «семейного дела».

Здесь, однако, стоит отметить следующий недостаток: коммерческий успех общества, доля в котором является совместно нажитым имуществом, может привести к тому, что условия брачного договора спустя несколько лет после его заключения окажутся неактуальными. Например, если в брачном договоре супруги укажут, что супругу, на имя которого доля не приобретена, причитается фиксированная сумма, то впоследствии эта сумма может быть несоизмерима с прибылью компании и дивидендами.

В литературе анализируется определенная судебная практика, связанная с отказами в иске тех супругов, которые участвовали в развитии компании, но доля была приобретена на имя супруга. Например, в одном из дел отказ в иске повлек тот факт, что супруга получала заработную плату в обществе. [5] Таким образом, осуществляя предпринимательскую деятельность или участвуя в такой деятельности супруга, необходимо подходить к этому как к бизнес-процессу, а не исключительно как к улучшению благосостояния семьи, и предвидеть соответствующие риски. Ввиду сказанного лицам, находящимся в браке, важно повышать собственную правовую грамотность. Однако указанная тематика в настоящий момент не является распространенной темой общественных обсуждений и правового просвещения.

Таким образом, российское законодательство в сфере раздела долей как общего имущества является довольно продвинутым, хоть и имеет ряд проблемных нюансов, особенно в сфере банкротства одного из супругов. В частности, отсутствие корпоративных прав второго супруга предлагается компенсировать введением обязательной отметки в ЕГРЮЛ о том, что доля является общей собственностью двух лиц, состоящих в браке. Отсутствие единообразия судебной практики по разделу имущества предлагается решать путем введения обязанности для лиц, состоящих в браке или планирующих его заключение, заключать брачный договор при намерении приобрести доли (акции).

Библиографический список:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Решение № 2-2972/2025 от 12 ноября 2025 г. по делу № 2-3647/2024~М-3336/2024. Шпаковский районный суд (Ставропольский край).
3. Беседин А. Н. Раздел доли в уставном капитале хозяйственных обществ и акций как общего имущества супругов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2025. – № 7 (131).
4. Матыцин Д. Е., Иншакова А. О., Балтутите И. В. Юридические возможности сохранения и передачи семейного бизнеса по наследству и LegalTech-технологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2026. – № 1 (71).
5. Шевченко Е. С. Правовая судьба доли участника общества с ограниченной ответственностью при расторжении брака // Юридическая наука и практика. – 2026. – № 2.

БАРКОВА АЛИНА НИКОЛАЕВНА – магистрант, Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0, 7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1, 5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **magisterjourn@gmail.com**

Мы ждем Ваших статей! Удачи!